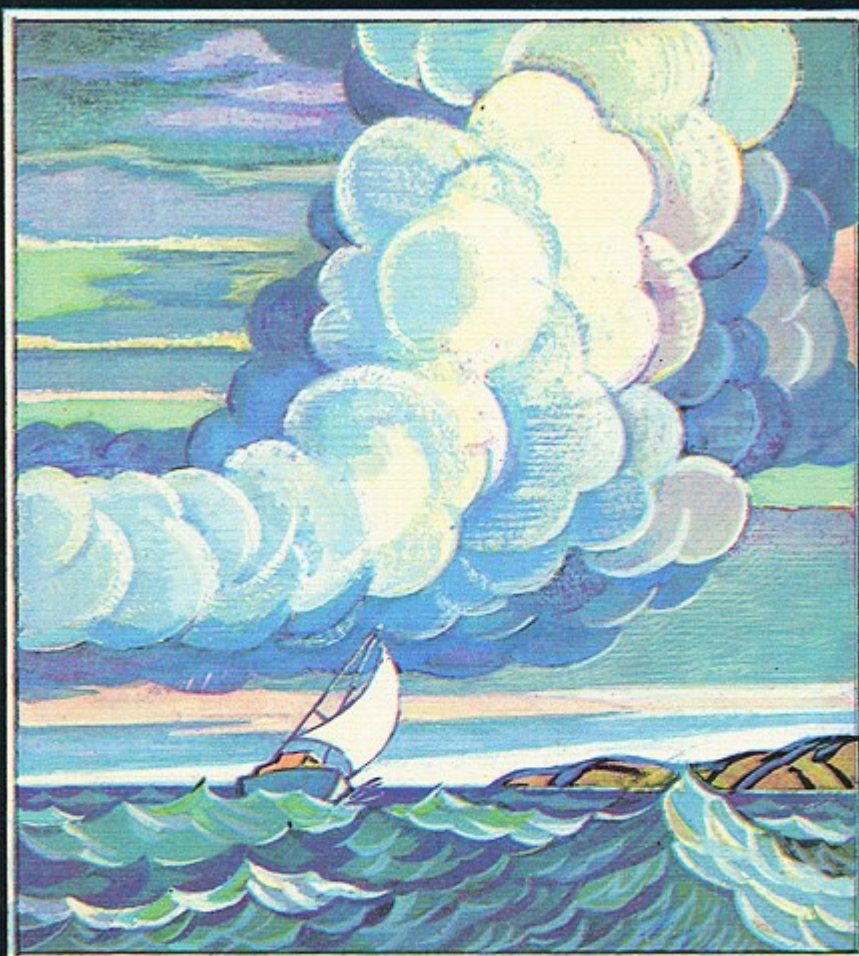

СВЕЖИЙ
Евгений Федоровский ВЕТЕР
ОКЕАНА

Евгений Петрович Федоровский.

Свежий ветер океана

Предисловие

Автора этой книги Евгения Федоровского хорошо знают читатели журнала "Вокруг света". Работа в журнале оказалась на редкость созвучной его горячей, беспокойной натуре. Здесь он смог осуществить свои мечты о путешествиях, выработать свой почерк.

Первый его большой поход на подводной лодке "Северянка" в Атлантику вызвал к жизни и первую книжку – "Секрет рыбьих стай". С большой любовью Федоровский раскрыл характеры молодых дерзких исследователей океана.

Затем Евгений Федоровский вместе с журналистом Александром Ефремовым совершил интересное путешествие по 60-му меридиану от Ледовитого океана до советско-иранской границы, а годом позже – по всей восточной границе страны. Эти путешествия; описаны в книгах "Беспокойная прямая" и "Сто дорог, сто друзей", вышедших в издательстве "Молодая гвардия".

В последующие годы Федоровский пишет повести "Потерянный караван", "'Штурмфогель" без свастики", "Входящий для спасения ", используя редкие архивные материалы для создания остродраматического сюжета.

В "Повести об алых снегах" Е. Федоровский сумел заинтересовать читателя, казалось бы, самым обыкновенным и будничным. Удивительной поэтичностью наделены герои этой книги – покорители ледниковой стихии.

Аэронавты на воздушном шаре, геологи в тайге, полярники, сотрудники лавинных станций, испытатели новых самолетов – люди в пути, люди в тревоге, в опасности, в поиске – стали героями и других его книг. "Дорога в тысячу верст", "Орлиный услышишь там крик", "Горячие точки земли". В предисловии к одной из книг писателя наш знаменитый полярник И. Д. Папанин заметил, что произведения Евгения Федоровского адресованы всем, кто любит путешествовать, познавать, в ком живо неистребимое чувство романтики.

Где бы ни был писатель, он всегда выступал не в роли стороннего наблюдателя, а как полноправный член того или иного коллектива. Поэтому каждый его очерк или книга так достоверны, вызывая полное доверие читателей.

В новой книге – "Свежий ветер океана" Федоровский рассказывает о своих путешествиях по северным морям на катере "Замора", о поездке на Соловецкие острова, о работе в геологической партии в одном из районов Дальнего Востока. Одновременно он повествует о кругосветных плаваниях одиночек, о бесстрашной семерке во главе с Дмитрием Шпаро, говорит о важности психологической совместимости и многом другом, что придает книге не только занимательность, но и познавательную ценность.

"Трудные берега" – так называется одна из глав этой книги. Название это в какой-то мере символично. Не просто рядом со своими героями находится автор, но чаще всего он с ними в минуты их самых трудных свершений. Может быть, именно поэтому так выразительно и правдиво входит в его произведения сама жизнь.

Ю. Сенкевич

РАССКАЗ ПЕРВЫЙ

ИСПЫТАНИЕ СЕВЕРОМ

"ЗАМОРА" И ЕЕ КОМАНДА

Весна в журнале "Вокруг света" начинается с "первых ласточек". В редакцию приходят люди с задубевшими от ветра лицами, в одежде, промытой холодными дождями, с беспокойным блеском в глазах. Они молча разматывают рулоны карт. Там, на этих картах, в красных зигзагах линий, – их планы, их надежда, их мечты.

Еще одно несвершенное путешествие. Еще один вызов стихии. Еще один бросок в ураганы и штормы... Дороги сопротивляются, их нужно победить, чтобы в борьбе испытать свою силу, ловкость, хладнокровие, мужество. Средства передвижения? На мыслимых и немыслимых сооружениях, на плотках, на мотоциклах, резиновых лодках, байдарках, на самодельном вездеходе, свободно несущемся азростате, семимаране...

Каждую весну неистребимый зов дальних дорог будоражит этих людей. Всю зиму они терзали справочники, составляли списки необходимых вещей, рассчитывали время, чертили графики маршрута, копили деньги, ремонтировали палатки, снасти, спальные мешки...

Таким людям не надо напоминать о том, что путешествие будет опасным или что в прошлом уже предпринималось нечто подобное, что вообще можно выбрать более прямой и менее рискованный путь...

И вот так же весной в редакцию пришли Дима Кравченко, Аркадий Корольков, Сережа Красносельский и Володя Савельев. Пришли в общем-то с далеко не новой идеей: попробовать на маленьком катерке проскочить по Великому Северному морскому пути. Эта идея владела ими уже несколько лет, и они тоже хотели испытать себя в условиях, отличающихся от каждодневных.

Идея подогревалась упорством Димы Кравченко, их признанного лидера.

У Димы были максимализм молодости, неприятие осторожных советов и чрезмерная уверенность в себе. Какая-то одержимость была во всем облике Димы, в его желтоватом аскетическом лице, впалых щеках, черной бороде, остро-колючем взгляде. В квартире у Димы одна стена была затянута зеленой морской сетью с нашитыми на ней ракушками и морскими звездами, вдоль других стопами лежали книги, по углам распаханы рюкзаки, ружья, болотные сапоги, надувные матрацы. Сюда собирались, здесь подолгу жили его друзья – скитальцы и бродяги.

Если бы Дима родился во времена Великих географических открытий и флибустьеров... Впрочем, и сейчас он искал какие-то неоткрытые тайны, объединял неустрашимых единомышленников и устремлялся на поиск разгадок. Он искал клад Наполеона в Симлевском озере на старой смоленской дороге, он обнаружил подо льдом у Новой Земли затонувший корабль Виллема Баренца...

Когда-то Дима учился в Архангельском мореходном училище. Там увлекся историей морского поморского дела. Он хорошо знал поморские обычаи, слова, приметы, разбирался в ветрах, течениях, приливах и отливах, мог довольно точно ориентироваться по звездам. Звезды он тоже называл по-поморски: Большую Медведицу – Лосем, созвездие Плеяды – Утиным гнездом, Ореон – Коромыслом, Млечный Путь связывал с направлением отлета птиц, именуя его Гусиной дорогой. Он утверждал, что никто иной, а только поморы положили начало географическим открытиям в северных морях, в Ледовитом океане. Они были превосходными мореплавателями по "Студеному морю". Подобно скандинавам-викингам, плававшим в Северной Атлантике, они осваивали новые земли, узнавали о неведомых островах и архипелагах, расширяли границы государства. Диму очень огорчало, что о викингах сочинялись саги – позднее они перелagались в романы и трагедии, – а вот поморы большей частью оставались безвестными. А они не меньше, даже, может быть, больше мучений претерпевали в пути. Как ни свирепа бывала Атлантика, Ледовитый океан был страшнее, грозил и ураганами, и туманами, и

льдами, и дремучей дикостью почти незаселенного побережья.

Диме хотелось узнать, скорее – на себе испытать, что же встречалось людям на большом и холодном пути, какие беды подстерегали их по дороге "встречь солнцу"? Он мечтал отправиться на восток, пойти, так сказать, в кильватере за кочами поморов, которые уже в XVI веке добирались до Оби и Енисея. Основали же они в низовьях реки Таз, притока Оби, огромное по тем временам торговое поселение Мангазею, где вели меновую торговлю с ненцами, да и сами занимались рыбным и соболиным промыслами. Поморы первыми из европейцев проникли на Шпицберген, а возможно, были и на Земле Франца-Иосифа.

В это же время западные мореплаватели пытались проложить через Север морской путь в Китай и Индию. Они организовали "Общество купцов – искателей приключений для открытия неведомых земель, островов и держав". Председателем общества стал Великий штурман Англии (был такой чин) Себастиан Кабот. Стараниями этого моряка в 1553 году была снаряжена экспедиция под командованием некоего Гуго Уиллоби. Корабли англичан достигли Новой Земли, но дальше пройти не смогли из-за льдов. После шторма один корабль вынесло в Белое море, два других остались на зимовку близ острова Нокуев. Весной следующего года поморы обнаружили оба судна с замерзшими людьми...

Через сорок лет попытался проникнуть в Ледовитый океан голландец Корнелиус Най. Он прошел через Югорский Шар и приблизился к Ямалу. Залив реки Мутной капитан принял за устье Оби. С этим "открытием" он вернулся на родину. Поскольку сам факт пребывания в столь высоких широтах считался на Западе актом невиданного героизма, это ошеломляющее известие было встречено с таким же восторгом, как открытие Америки Колумбом. Най получил звание адмирала и в 1595 году возглавил новую эскадру из семи кораблей. Однако голландцы на этот раз лишь подошли к берегам Югорского полуострова и дальше пробиться не смогли. Укрываясь под южным берегом Вайгача, они встретили лодьи поморов из Пинеги. Поморы рассказали иностранцам, что из Холмогор ежегодно несколько лодий ходит до устья Оби и Енисея. Дальнейшие попытки пробиться в "Индию" были безуспешны. На адмиральском корабле капитанами был подписан акт о невозможности дальнейшего продвижения на восток. Лишь один из капитанов, Биллем Баренц, отказался поставить под этим актом свою подпись...

Столь же безуспешными оказались попытки и других западных мореплавателей освоить "Студеное море". Оставив надежду проникнуть на восток, иностранцы завязали активную торговлю с жителями северных окраин. Пушнина, моржовая кость, ценная рыба беспощинно вывозились на Запад. Знаменитый "мангазейский ход" поморов стал в сущности дорогой для контрабанды. Русская казна ничего не получала от вывоза северных богатств. Да и воеводы южных областей Сибири с завистью смотрели на процветающую Мангазею. Слишком многое уплывало у них из рук. Им удалось убедить молодого царя Михаила Федоровича запретить древний мангазейский ход.

24 августа 1623 года царь послал тобольским воеводам такую грамоту: "А старую дорогою из Мангазеи Тазом рекою на Зеленую реку, да на Мутную реку, да на Карскую губу, и Большим морем к Архангельскому городу и на Пустоозеро (Пустозерск на реке Печоре) торговым и промышленным людям ходити не велено, чтобы на те места немецкие люди (так называли на Руси всех иностранцев) от Пуста озера и от Архангельского города в Мангазею дороги не узнали и в Мангазею не ездили. А людям, которые хаживали наперед сего в Сибирь, в Мангазею Большим морем и через Камень (Урал), велено учинити заказ крепкой, чтобы они с немецкими людьми не ездили, и в Мангазею дороги не указывали, и про Мангазею с ними не разговаривали".

Многолетний опыт поморов по освоению "морского хода" из Белого моря в устье Оби и Енисея предавался забвению. Воеводы срубали кресты и маяки, уничтожали рукописные карты и лоции. Запрет значительно сократил количество дальних походов. Поморы стали вести зверобойный и рыбный промысел лишь в Баренцевом и Белом морях.

Окончательно добил поморское судостроение и мореходство Петр I. Заботясь о развитии большого морского флота, он действовал

традиционными запретительными методами: "По получению сего указа объявите всем промышленникам, которые ходят в море для промыслов своих на лодьях и на кочах, дабы они вместо тех судов делали морские суды - галиоты, гукары, каты, флейты, кто из них какие хочет, и для того дается им срок на старых ходить только два года..."

Но поморы не спешили строить гукары и флейты. Эти суда были килевые, а не поморские плоскодонные и совсем не годились для волока по суше. Кроме того, они имели большой вес и не подходили для рыбного и зверового промысла. Поморские суда, на которых веками плавали мореходы, больше устраивали северян.

Тогда последовал более жесткий приказ: "...а старые их суды лодьи, карбусы, соймы, кочи и протчие велите переорлить (поставить клеймо с царским орлом, то есть учеть) и дайте им на тех заорленных доходить, а вновь отнюдь не делали б, а буде кто станет делать после сего указу оные, тех с наказанием ссылатъ на каторгу, а суда их изрубить".

Вот так и получилось, что весь мир восхищался формой корпуса знаменитого "Фрама", хотя поморы плавали на подобных судах много веков назад! Предприимчивые и отважные, а главное, коллективно накопившие огромные практические знания и опыт, они выживали и побеждали в условиях, в которых гибли специально снаряженные экспедиции позднейших времен вплоть до XX века.

По старому поморскому пути на восток и решил отправиться Дима Кравченко. Он перечитал множество книг про северные моря и путешествия по ним. Воспоминания отчаянных мореходов-одиночек были особенно близки его мятежной душе. Он знал их высказывания наизусть.

"Я боялся разучиться говорить и стал громким голосом отдавать себе команды. Ровно в полдень я по всем морским правилам кричал: "Восемь склянок!" В каюте я кричал воображаемому рулевому: "Как курс?" Но ответа не было, и одиночество наваливалось на меня с новой силой".

Это Джошуа Слокам, первым в одиночку обогнувший земной шар.

"В минуту полного отчаяния пропадает даже страх. Прижатая к стене мышь может броситься даже на льва. Налетел ураган или нет, а воду из трюма необходимо откачивать, иначе яхта пойдет ко дну. Я выпиваю несколько глотков драгоценной воды и чувствую, как в меня вливается бодрость".

Это Джон Колдуэлл, в 1946 году пересекший Тихий океан.

"По три раза в день я вколачивал себе в голову: "Я этого добьюсь! Не сдаваться!" Эти слова были для меня "спасательным кругом" в тот пятьдесят седьмой день плавания. Провести девять часов, цепляясь за дно крохотной, скользкой калоши, когда тебя качают шести-девятиметровые волны, когда налетают безжалостные шквалы и бешено завывает ветер, - такое, пожалуй, требует большего, нежели обычная воля к жизни".

Это Ханнес Линдеман, дважды, на плоту и надувной лодке, переплывший Атлантику.

"Когда я путешествую один, я чувствую себя вдвое сильнее. Когда же плыву с кем-нибудь, то меня не оставляет беспокойство о комфорте и безопасности спутников. Нет! Я решительно предпочитаю плавать в одиночку".

Так высказывался победитель трансатлантической гонки одиночных мореплавателей Френсис Чичестер.

Диму очень соблазняло одиночное плавание. Как ни странно, он, наверное, спокойнее перенес бы любые невзгоды, если бы поплыл один. Сам работавший до полного изнеможения, из последних сил, он того же самого требовал от других. Он не терпел людей, не похожих на себя, резко и круто обходился с товарищами, не признавал чужих советов, бросался из одной крайности в другую. Однако на этот раз от одиночества пришлось отказаться. Ледовитый океан - это Ледовитый.

Тогда он стал подбирать единомышленников, и, конечно же, сразу нашел. Правда, осторожный и скептически настроенный Сергей Красносельский мало верил в удачу, зато Аркадия Королькова и Владимира Савельева покорила одержимость Димы. И они полностью доверились ему.

Еще больше разжег страсти отважный поход старых полярников -

капитана Анатолия Савельевича Янцелевича и авиатора Алексея Аркадьевича Каша. На швертботе "Пингвин" они отправились по маршруту Москва – Дальний Восток – Москва. Их малыш кораблик прошел сначала по речным путям до Архангельска, затем ледовыми морями до западного Таймыра, по многоводной Пясине поднялся к Норильску. Перезимовав там, "Пингвин" по тундровым рекам пересек южный Таймыр, морем Лаптевых дошел до Тикси, оттуда Восточно-Сибирским морем достиг Колымы и поднялся до ее верховьев. Доставленный на автомашине в Магадан, катер пересек Охотское море и достиг Хабаровска. Потом на новой надувной лодке "Пеликан" Янцелевич и Каш преодолели сотни километров по Амуру, Шилке, Селенге, пересекли Байкал, Ангару, Енисей...

Последний этап этого удивительного путешествия проходил по Волге. Эти километры оказались чуть ли не роковыми. В Куйбышевском водохранилище суденышку пришлось выдержать настоящий морской шторм с дождем. "Пеликан" заливало водой, его едва не опрокидывало. Все чаще лодка давала течь.

Плавание продолжалось... десять лет, потому что плыли путешественники только во время отпусков и каждый раз начинали свой путь с того места, где остановились ранее. Пройдя около тридцати тысяч километров по рекам и морям, "Пеликан" наконец финишировал в Южном речном порту Москвы.

"Неужели на таком суденышке ("Пеликан" был три метра длиной и полтора шириной) столько пройдено?" – удивлялись многие. И бывалые полярники смущенно разводили руками: мол, что поделаешь, большего не было...

Кое у кого из журналистов, видимо, уже вертелось в голове начало репортажа. Вроде: "Они вышли победителями из сражения с океаном". К таким фразам прибегали многие авторы, когда писали о знаменитых мореплавателях. Но в том-то и дело, что эти мореплаватели ничего не побеждали. Они тем и славны, что смогли найти с океаном общий язык, научились согласовывать его и свои усилия.

Кравченко тоже надеялся сдружиться с Ледовитым океаном, чтобы одолеть нелегкую поморскую дорогу.

Когда идея стала витать в воздухе, друзья начали строить катер. Судно должно было быть предельно устойчивым, но в то же время достаточно легким, с сильным автомобильным мотором, мачтой для крепления паруса. Осадка должна быть небольшой, до шестидесяти сантиметров, чтобы можно было идти по мелководью вдоль берега.

Правда, попытка впрячь в одну телегу "коня и трепетную лань" обернулась большими неудобствами. В рубке с трудом помещались трое, не было камбуза, туалета, радиорубки, места, где хранились бы вещи, продукты, запасные канистры с горючим. Для серьезного морского путешествия катер подходил мало. Он больше годился для тихих речек средней полосы, когда можно в любой момент пристать к берегу, приготовить на костре обед, сходить в магазин за продуктами, устроиться на ночлег в палатке. Тем не менее Дима дал ему название "Замора". Несведущие спрашивали: "'Замора'? Это от слов 'заморить', 'заморыш'?" Диме приходилось объяснять, что, согласно словарю Даля, это поморское слово означает "моряк, побывавший за морем".

Едва "Замора" спустилась на воду, Дима тут же погнал ее "в даль светлую". Первыми пошли на ней скептик и постоянный спутник Димы во всех странствиях научный работник одного из исследовательских институтов Сергей Красносельский и осторожный, уравновешенный Аркадий Корольков, инженер Ленинградского оптико-механического объединения, с которым друзья познакомились в одном из походов.

Из Москвы по системе каналов они перегнали катер в Архангельск, отсюда ринулись в Белое море. Тут-то и хватило лиха. В ветер волна свободно гуляла по палубе, быстро намокала одежда, зубы начинали выбивать дробь.

Нелегко пришлось им и в устье реки Чижы на полуострове Канин, где начинался знаменитый поморский волок.

Исследователь Русского Севера Константин Сергеевич Бадин так оценивал значение древней дороги: "Пути через волоки положили начало особому виду полярного мореплавания, прибрежному, при котором

использовалась тянувшаяся вдоль берега полоса чистой воды – рынчара (заберега). Тактика прибрежного плавания, выработанная нашими северными мореходами, долго давала единственную возможность плавания по Северному морскому пути. Так плавали вплоть до начала применения авиаразведок".

Когда Дима с друзьями очутился у Чижи, он узнал, что Чешский волок летом вообще непреодолим. Обходить же Канин морем он не захотел. Промышленный человек пинежанин Фома Борисов писал об этом волоке так: "...а река Чижа пала устьем в большое море-окиян с востока на запад; а Чижа река невелика, поперек сажени с три (около шести с половиной метров); а шли они тою рекою вверх до Чесского волоку день да ночь, а по реке Чиже по обе стороны тундра, а большого лесу нет, а кочует по той речке каменная самадь, а ясак дают на Мезень в слободу, а кочуют невеликие люди. А через Чешский волок кочи их перевозила самадь, на оленях наймущись, а волоку Чесского сажень о двадцать, место тундряное, а в большую воду тот волок поймает водою. А перешед Чешский волок, пришли на Чошу, а речка Чоша невелика, ходят ею прибылою водою, как приходит вода с моря".

Дима все же решил идти напролом. У реки Чижи оказался злобный нрав. Несколько часов она текла к морю, словно пытаясь отбросить "Замору", потом замирала, спокойно струилась, притупляя бдительность, затем вдруг набирала скорость и неслась в противоположную сторону, таща катер в глубь полуострова.

Много сил потратили ребята, когда плыли, вернее, ползли, орудуя веслом, как багром, по самой грязной в мире грязи с ласковым названием "няша", устилавшей дно старого волока. Все тяжелые вещи они сложили в рюкзаки, взвалили груз на спину и толкали катер вперед. Мотор работал на малых оборотах. Из-под винта лезла густая торфяная каша. Ноги в болотных бахилах увязали выше колен. Так продвигались метр за метром. Когда попадалась глубь, катер, облегченно вздохнув, вырывался вперед, и его приходилось догонять, то и дело купаясь в жидкой грязи.

Поломали они спины и на перекопе – канале, когда-то вырытом поморами. Сейчас он зарос и сильно обмелел. Сережа и Аркадий приладили бечеву к носу и впряглись в ляжку, как бурлаки, а Дима приподнимал корму, чтобы дать ход винту.

Измучившись, они сели на траву и уже решили повернуть обратно, плюнув на свое бесполезное занятие. Поморы, видно, были крепче, да и помогала им "самадь с оленьими". Однако, отдохнув, они впряглись снова.

Потом призывали на помощь опять же поморский опыт. Древние мореходы орудовали вагой: клали бревно поперек русла, концами в ямы между кочек, чтобы оно не вырывалось, накручивали трос, прицепленный к судну, и потихоньку тащили. Они же применяли "шлюз": вешали парус на веревке поперек протоки, нижний край придавливали камнями или каким-нибудь грузом, получалась плотина. Когда вода поднималась, плотину разбирали, и некоторое время судно двигалось с водяным валом.

Поливая волок обильным потом, с проклятиями тащились Дима Кравченко и его товарищи по тундровой хляби. Были моменты, когда они собирались отступить, уйти назад на резиновой надувной лодке, а завязший катер оставить посреди тундры как памятник упрямству и безрассудству. И все-таки им удалось в конце концов прорваться в Чешскую губу. Через неделю. А ведь поморы проходили Канинский перешеек всего за трое суток, да и их лоды, наверное, были потяжелее "Заморы"...

"Здесь нас вынужден был покинуть Аркадий, у него кончался отпуск, – рассказывал Сергей Красносельский в своем дневнике. – Проводив Королькова на "резинке", на обратном пути думаю, что нам с Димой будет трудно вдвоем – Аркадий со своим спокойствием и мягкостью был демпфером в нашем небольшом коллективе..."

Поскольку до Индиги не хватало бензина, Дима решил остановиться на мысе Микулкин, где находилась метеостанция. Здесь он поставил катер на два якоря носом к волне. Съехали на берег на резиновой лодке и пошли к домику метеорологов по прямой через тундру.

На другой день катер оказался на камнях, метрах в семидесяти от

воды.

"Лопасть винта сломана, погнут кронштейн вала, и катер полон воды, - пишет далее Сергей Красносельский. - Как по команде встаем на четвереньки и заглядываем под брюхо катера - царапина на скуле, но неглубокая, и больше ничего.

- Ай да "Заморушка"! - Дима ходит вокруг, подбирает на берегу консервную банку и начинает вычерпывать воду. Меня возмущает это его свойство - хвататься за работу сразу, не подумав, не взвесив всего. Но у этого метода есть преимущество: Дима не дает намерению погибнуть под грузом сомнений, колебаний, рассуждений. Он берется, и плохо ли, хорошо ли, но делает такие вещи, за которые, подумав как следует, и вовсе не возьмешься. Вот и сейчас он не дал мне толком задуматься над тем, возможно ли в полевых условиях отремонтировать залитый водой движок. Поневоле переключился на более практические действия: отыскал в носовом отсеке кусок шланга, опустил его в корму, подсосал по-шоферски, и полилась вода веселой струйкой. Воды еще полкатера, а Дима уже орудует гаечным ключом, снимая карбюратор...

Надо отвезти на зарядку аккумулятор. Перед домом на траве стоят нарты на высоких полозьях.

Черемушкин, начальник метеостанции, внимательно разглядывает его.

- Думаешь, не выкинуть ли сразу? - спрашиваем.

- Зачем выкидывать? Ничего ему от воды не сделалось, и заряд он примет.

Черемушкин ведет к электростанции. Она помещается в отдельном, очень чистом домике.

- Да тут у вас целая мастерская!

- А как же! Не будешь же из-за каждого пустяка вертолет вызывать. То радиостанция вырубилась, то дизелю - профилактику, то какой-нибудь из приборов испортится. А вот сейчас подвесной мотор сломался. С ним у меня больше всего мороки.

Черемушкин говорит и дело делает - подсоединил аккумулятор, запустил дизель подвижной электростанции: "Ток дадим небольшой, время есть, а заряд глубокий..."

Регулирует силу тока и вдруг меняет тему разговора.

- Вы мне лучше скажите, зачем вы на Север подались? Мы здесь хоть для дела. А вам что, мало других мест для отдыха?

По пути к катеру излагаем идейные предпосылки нашего похода.

- Ну ладно, зачем - это я понял. Но почему именно вы пошли? Разве можно так рисковать? Неужели нельзя было найти приличный катер и людей более опытных, профессионалов? Вы ведь, ребята, даже и с условиями незнакомы.

- Вам ли говорить про риск? Вы сами в Индигу на "казанке" ходите...

- Я - другое дело. Я здесь живу".

После мыса Микулкин "Замора" пересекла Чешскую губу, прошла Индигу, Топседу и добралась до Печоры.

Здесь катер оставили зимовать. Он требовал капитального ремонта.

Пройдя путь от Москвы до Печоры, Дима убедил себя, что можно "пробежать" на "Заморе" до Тикси или в крайнем случае до Диксона.

К весне в Печору должны были съехаться снова Дмитрий Кравченко, Аркадий Корольков и Владимир Савельев, сменивший Сережу Красносельского, который от новой поездки отказался.

Чуть сутуловатый, тихий, рано начавший лысеть Володя Савельев, инженер одного из московских научно-исследовательских институтов, кажется, дальше Можайска никуда и никогда не выезжал. Типичное дитя большого города, он не умел чистить рыбу, варить кашу, понимать с полуслова товарища, особенно на привалах, когда требовалась большая расторопность, чтобы засветло разбить палатку, набрать дров, зажечь костер, запастись водой для чая, найти в рюкзаках сухари и кружки. Склонный более к созерцательности, чем к какой-либо деятельности, он себе на удивление решился поплыть с Димой. Оставалось гадать, чем руководствовался и Дима, когда соглашался взять с собой Володю.

Аркадий Корольков опять мог потратить на поездку только свое отпускное время и где-то на полпути должен был покинуть "Замору".

Требовалась замена, поэтому Дима обратился в "Вокруг света" с просьбой "дать человека". Заодно с помощью журнала он хотел обзавестись необходимыми для похода в морях Арктики документами.

Редакцию настораживало, что свою экспедицию Кравченко предполагал осуществить на крошечном катерке. Ведь это был немалый риск. Здесь требовалась большая и тщательная подготовка. Первый этап путешествия "Заморы" по рекам и Белому морю прошел более или менее благополучно лишь потому, что был самым легким. Дальше шло Карское море – оно пугающее. Да и берега были уже менее заселены, на чью-то помощь рассчитывать не приходилось.

Но Дима уверял, что катер строился на совесть и вполне приспособлен для плавания по северным морям, благо никто из сотрудников журнала "Замору" в глаза не видел, а предусмотрительный Дима не показывал ее фотографий. По московским улицам неслись шальные ручьи, горячо светило весеннее солнце, обещая хорошее лето. "Катер в Печоре, и мы все равно пойдем", – настаивал Дима.

Хотя путешествие и представлялось сомнительным предприятием, тем не менее автор этих строк дал согласие участвовать в нем. "Кто не рискует, тот не выигрывает", – пришли мне на ум бесшабашная мысль. Ну почему же в наш деловой, рациональный век мы должны слепо придерживаться его логических установок?!

Привлекала меня эта поездка еще и тем, что давала возможность снова побывать в Арктике, которую я знал на всем протяжении от Ян-Майена в Северной Атлантике до мыса Уэлен на Чукотке.

Договорились так: из Печоры Аркадий Корольков, Володя Савельев и Дима Кравченко пройдут до Карского моря, я же вылету позже и встречу катер в Амдерме, а может, и в Югорском Шаре.

Мой друг, узнав, что я собираюсь пойти по Ледовитому океану на катерке, возмутился: "Идти к черту на рога?! Кому это нужно?! Зачем рисковать, голодать, мучиться, когда можно с комфортом доплыть, доехать, долететь, если уж снова потянуло туда? Вашу лайбу разнесет первый же шторм, выбросит на мель, раздавит льдами..."

Евгений Иванович Толстиков, заслуженный наш полярник, заместитель начальника тогдашней Гидрометеослужбы СССР, руководитель многих антарктических экспедиций, участник похода к Полюсу недоступности, человек, испытавший всю лютость высоких широт, хорошо представил себе опасность нашего предприятия, когда я рассказал ему о намерении пройти на катере по Карскому морю. Но, наверное, потому, что сам постоянно шел навстречу опасностям, он без всяких проволочек дал нам "добро" и под письмом к начальникам полярных станций с просьбой "оказать содействие" твердой рукой поставил свою подпись.

Кроме матросских обязанностей я должен был в экипаже отвечать за кино- и фотосъемку. Накупив целый рюкзак фотопринадлежностей, объективов, пленки, собрав теплые вещи, я вылетел в Амдерму, так и не дождавшись телеграммы от Димы с дороги.

Меня поместили в маленькой комнатке аэрофлотовской гостиницы, и я сразу же побежал к морю. Но "Заморы" там не было. Ребята, видимо, находились где-то далеко за Югорским Шаром.

Потянулись дни, такие томительные, что делать ничего не хотелось. Я бродил по тундре, снимал васильки и ромашки, читал, летал к геологам на вертолете. Сверху июльская тундра была трехцветной. Преобладал грязно-зеленый цвет. На нем ярко выделялись буровато-рыжие пятна болот. Еще больше было темно-синих пятен – это озера. Местами они вытягивались цепочкой – обозначалось русло распавшейся тундровой реки. Отсюда казалось, что по тундре проехал, виляя, маслозаправщик, у которого растяпа-водитель забыл завинтить кран. Вечером я неизменно приходил на берег. Незаходящее солнце плавало море. Колкая солнечная дорога резала воду. Стояли на рейде суда. Сонно перекинулись чайки. Тихо было на земле, тихо в поселке. Все спали. Около зеленых свай журчала такая же зеленая вода. На память приходили стихи здешнего поэта.

Когда штормит, когда лютует вьюга,
Когда стихов в себе не удержу,

Как к верному, испытанному другу
Я к старому причалу прихожу.
Стоит над морем часовым на страже.
Он много видел, много пережил,
Но никому об этом не расскажет
Заслуженный полярный старожил.
Теперь другой несет его заботы,
А у него уже закончен путь.
Как человек, уставший от работы,
Остановился, чтобы отдохнуть.
Как пешеход в конце своей дороги,
Как на покое старый ветеран.
У ног его – задумчивый и строгий
Суровый Ледовитый океан.

И все же я дождался того мига, когда на пороге гостиницы появился Володя Савельев с потемневшим лицом, в мятой штормовке и шерстяной шапочке с легкомысленным помпончиком на макушке. Было раннее утро. Окна дребезжали от ветра. По улице носилась снежная крупа. Мы быстро пошли к причалу. На берег накатывалась тяжелая волна. Вода обрушивалась на сваи. Они вздрагивали и скрипели, издавая горькие стоны. Сваи принимали первый удар. За ними вода дробилась, теряла силу, и "Замора" не так рвалась на капроновых растяжках и не билась бортом о причал. Я сразу узнал ее, хотя никогда не видел раньше. Не в пример черным портовым трудягам-катерам она была окрашена в нарядный оранжевый цвет. На борту белела надпись славянской вязью: "Москва – Архангельск – Диксон". С высоты пирса "Замора" походила на божью коровку. Непропорционально широкая, низкобортная, с приплюснутой рубкой, забранной органическим стеклом, А-образной мачтой из тонких дюралевых трубок, она не внушала никакого доверия.

Вяло ответив на приветствие, Дима сделал вид, что он страшно занят, и стал копаться в моторе. Я поставил ногу на борт, катер закачался, как утлая лодчонка. Открыл фанерную задвижку, заглянул в полутемную рубку и обомлел – так мала она была.

– Как же мы уместимся втроем?

– Это фифти-фифти, – с некоторым раздражением отозвался Дима. – Один за штурвалом, двое в уголке...

На катере не было ни крупномасштабных карт, ни современной лоции, ни радиостанции. Но еще больше поразило меня то обстоятельство, что Дима не позаботился взять с собой секстан, навигационную линейку, транспортир, даже обыкновенную линейку с сантиметрами и миллиметрами. Уж эти-то вещи должны быть на любом судне.

– А чем будем определять курс и местонахождение? – спросил я, понемногу сатанея.

– Не бери в голову, пройдем вдоль берега. – Дима кольнул взглядом. – И прошу впредь советы оставить при себе...

Аркаша Корольков собирал свои вещи. Он уезжал в Ленинград. На прощание он сказал мне:

– Суров командор... Как-то вы сживетесь с ним?

Меня встревожили эти слова. С первого же дня Кравченко давал понять, что он здесь командир и не потерпит никаких пререканий. Но, может, в дальнейшем мы сдружимся? Ведь поход по северным морям в сущности только начинался...

ДОМ НА СЕВЕРЕ

Для двигателя понадобились кое-какие детали, и, пока их делали в портовой мастерской, мы решили сходить на остров Вайгач.

Дима поднял якоря. Орудя баграми, мы оттолкнули катер от свай причала. Кравченко нажал на стартер. Из-под днища рванулась вспененная

вода. Плавню набирая обороты, винт потянул "Замору" вперед.

Володя Савельев положил багры в гнезда на борту, проверил, надежность крепления надувной лодки. "Резинка" лежала наверху вместе с веслами и в случае опасности могла бы спасти нас. Потом он залез в рубку размером чуть больше платяного шкафа, задвинул фанерную перегородку, чтобы не заливала вода, занял место в углу.

Погода пока баловала нас. Работал мотор. "Замора" легко бежала по крутой попутной волне.

Дима уступил мне место рулевого. Штурвал походил на самолетный. Перед глазами удобно располагались магнитный компас, счетчик оборотов, манометр, бензиномер. Однако управление было поставлено с ног на голову: штурвал крутишь вправо – катер уходит влево, и наоборот.

– Я привык так, – коротко объяснил Дима и, понаблюдав за моими действиями, полез в спальный мешок.

С непривычки пришлось долго принаравливаться.

На верхней полке лежали рулончик мелкомасштабных ученических карт и потрепанный томик лоции... 1934 года выпуска. Измерять пройденный путь пришлось с помощью спичечного коробка, зная, что одна сторона его – пять, другая – три с половиной сантиметра. Хорошо еще, что до Вайгача было не так далеко, светило солнце – надежный ориентир, дул устойчивый южный ветер. Может, и вправду все обойдется?..

Слева по борту показалась лиловая полоса. Она постепенно росла и скоро запестрела буроватыми камнями, рафинадными снежниками, зеленой шерсткой тундровой растительности. Это был остров Вайгач. Он лежит на границе Баренцева и Карского морей. При виде его скромных берегов учащенно забилося сердце. Ведь я был там в первый раз пятнадцать лет назад.

Каким-то особенно звонким и радостным было то лето.

Тогда над берегом висели туманы. Это были июльские весенние туманы. Только в июле солнцу удавалось пробить ледяной панцирь океана. Ледовые поля распадались. Белыми тихими ночами с моря доносились глухие раскаты – это рушились ледяные скалы. Лед набухал, зеленел, вбирал в себя миллионы воздушных пузырьков и таял. Над гигантским котлом, где происходила могучая холодная плавка, поднималась арктическая мгла. За ширмой тумана бесился забавный солнечный маскарад. Солнце беспрестанно меняло свои наряды, стараясь выбрать поцветистее да поудивительнее.

И вдруг туман рассеялся, заголубело небо. И сразу загудели самолеты и вертолеты, перекрывая трубные крики гусей. Они полетели в геологические партии, к оленеводам в тундру, к нефтяникам.

Сверху Вайгач выглядел унылым, однообразным. На картах, зажатый между материком и Новой Землей, он казался небольшим. Но когда мы спустились на землю, каждый из его 3380 квадратных километров стал необозримо велик. Вместе эти плоские километры походили на шахматную доску, с которой сняли все фигуры. Впрочем, нет, их не снимали. Их еще не поставили. Но скоро должны были поставить. Недаром сюда торопились геологи, и кто знает, какое будущее готовили они этому пустынному участку арктической суши!

Полет над Вайгачом не веселил глаз. Даже ущелья, прорезанные в толще острова ручейками и речками, не вносили оживления. Внизу блестела река Ямал-яга. На берегу стояли палатки геологов...

На Вайгаче все было доведено до минимальных размеров. Наши сапоги топтали карликовые березки и ивы. В густой траве голубели крохотные незабудки. Но удивляло не это. Удивляло, что почти бесцветный сверху Вайгач оказался наделенным прекраснейшими красками. Была весна, и все карликовое растительное царство разнарядилось и справляло свой единственный в году праздник. Бедные золушки трогательно отвечали на скудную ласку полярного дня.

Мы шли по кочкам, страшась наступать на живой душистый ковер. Вдыхали воздух – чистый, густой. Подставляли ладони под звонкие капли истаявшего снежника. Слушали зов гусей с соседнего озера. По Вайгачу звенела весна...

Палатки были тоже приметой вайгачской весны. Они означали начало полевого сезона. Он короток здесь, в Заполярье, от силы три месяца. За

три месяца нужно было обстоятельно изучить необозримое пространство. Природа сжимала сроки, навязывала ускоренный ритм работ. К каждому маршруту у геологов прибавлялся добрый десяток километров. И каждый день пути – без скидок на усталость, на пределе выносливости.

Вайгач называют геологическим заповедником. У него особенные недра. О нем, как и о людях, нельзя судить по внешности. Вайгач не прячет глубоко своих богатств. Здесь коренные породы подходят прямо к поверхности. Сквозь тонкую кожу легко просматривается мускулатура Земли. Поэтому у геологов Вайгач считается удобным объектом для изучения целого ряда закономерностей. Вайгач входит в большую геологическую область Полярного Урала, хребта Пай-Хой и Печорского угольного бассейна. На материке, чтобы добраться до пластов, интересующих геологов, приходится бурить глубокие скважины. На Вайгаче те же самые пласты можно потрогать рукой. Анализ его геологического строения помогает искать полезные ископаемые на материке. И в том, что на Большой земле появляется все больше каменноугольных шахт, рудников, нефтяных скважин, немалая заслуга Вайгача – геологического полигона и лаборатории.

Почти на самой оконечности Болванского Носа в крепко сбитом деревянном доме жил со своей семьей ненец охотник Тимофей Васильевич Пырерко. Главным его занятием, древним, привычным, была промысловая охота. Добывал он моржа, нерпу, тюленя. Но больше всего интересовался песцом. Жена Тимофея Васильевича – Матрена Михайловна шила из оленьего меха и жесткой нерпичьей шкуры очень красивые тапочки, отделявая их заячьим пухом.

Было время, дети жили с Тимофеем Пырерко, и, когда на полярной станции неподалеку от его избы крутили кино, юное поколение Пырерко занимало весь первый ряд. Потом дети выросли и разъехались.

Тимофей Васильевич был первым ненцем, который поставил деревянный дом и крепко осел на северном берегу Вайгача. Еще в начале века здесь вообще не было оседлых поселений. Интересно, что когда в 1897 году Вайгач, в том числе и Болванский Нос, посетил художник Александр Алексеевич Борисов, его сопровождал некий Иван Пырерко. Возможно, это был дед Тимофея Васильевича. Впрочем, фамилия Пырерко очень распространена у ненцев. Так называется один из главных ненецких родов. В переводе "пырерко" означает "щука".

Тогда, пятнадцать лет назад, я шел по весеннему Вайгачу и все время пытался представить себе, каков он зимой. А позже, когда уже много раз бывал в Арктике, увидел тугие сугробы на плоской, болотистой равнине, черные камни песчаника, торчавшие из снега, как клыки вымерших мастодонтов, смотрел на лед моря, взбугренный торосами. Лед мог бы казаться неподвижным, окаменевшим на лютой стуже, если бы иногда не издавал идущий из глубин тяжелый гул – то дышал океан.

Я увидел нервные строчки следов. Песец бежал вдоль берега, припихиваясь к запахам живого моря, отыскивал рогатых ленивых рыбок – бычков, раздавленных льдами и прибитых к берегу. Зверь крутил петли и уходил в тундру, втыкал острую мордочку в снег, разыскивая потайные ходы полярной мышки – лемминга.

Так текло, повторялось из века в век – и робкие сполохи полярных сияний, и безумные метели, и неверный след песка, и могильное безмолвие тундры... А потом какой-то огонек сверкнул на кромке земли. Оттого, что он был один в пространстве, он притягивал к себе взгляд. Дикий песец и полярная мышка, белый медведь и пучеглазая нерпа подбирались ближе и с любопытством разглядывали неведомый огонь.

Но все оказалось простым и ясным. На Вайгаче, одном из многих островов Арктики, человек ставил еще одну полярную станцию. На гальке у бухты горбились ненужные зимой "доры", в бочках стыл бензин, завезенный в навигацию, жались друг к другу домики – склады, мастерские, машинная станция. А на взгорке, где не сбивались сугробы, стоял просторный, комнат в десять, дом. Уходила в небо мачта на звонких тросах-растяжках, белели ребристые будки метеоплощадки. К ним вела тропинка, уложенная досочками от бочкотары, и был натянут канат, за который надо держаться, когда бесятся вьюги и вокруг не видно ни зги.

Такой была и станция Болванский Нос зимой. Она и сейчас, летом, оставалась такой же, только без снега. И сильнее выделялся белый дом на фоне буро-зеленой тундры, да синее нависало теплое небо.

...Мы не знали, куда приткнуться "Замору", и остановились посреди голубого заливчика. И хорошо сделали: впереди оказалась каменистая мель. Люди на берегу увидели нас, пошли к лодке. Вскоре она вылетела из-за мыска, вспугнула стаю гаг, стуча сильным мотором.

За рулем сидел Слава Ионов, начальник станции, светлоглазый, широкий в кости, крутоплечий. Два молодых паренька помогли нам пересестись в лодку. Мы называли несколько знакомых имен и, поскольку в Арктике, как в большой деревне, все знают друг друга, сразу стали своими людьми.

Слава коротко, как бы стараясь подчеркнуть свою солидность, рассказал о новостях. Оказывается, Тимофей Пырерко умер несколько лет назад, а жена его Матрена Михайловна переехала в Варнек – ненецкий поселок на южной стороне острова. Мы проплыли мимо их дома, теперь пустовавшего...

Нынешняя полярка напоминала большую деревенскую усадьбу со всем набором хозяйственных построек. Тротуарчики и дорожки, выстланные досками, склады, сараи... Сам дом блестел чистотой и прибранностью. У порога мы сняли сапоги и надели домашние шлепанцы.

В мой первый приезд этот дом еще пахнул смолой и свежей стружкой. Начальником полярной станции был тогда Леонид Лавров. Пять лет после университета он уже провел на Севере, казался старожилом, и я ждал от него рассказов об убитых медведях, пургах, пережитых в одиночестве, о послушной упряжке. Словом, ждал рассказов необыкновенных и немного хвастливых. "Еще бы не хвастаться, – рассуждал я. – Ведь это же Арктика!" Но все-таки я не предполагал, что Леонид будет хвастаться так откровенно.

Правда, хвастался он не медвежьими шкурами и не лайками. Предметом его высокой гордости был дом. Обыкновенный деревянный дом. Просторный дом. Комфортабельный дом. Чисто, уютно, тепло. Первокласно оборудованная радиорубка. Небольшой, но все-таки настоящий кинозал, он же кают-компания... Впрочем, оценить по достоинству этот дом мог только человек, зимовавший в условиях полярной ночи.

И хотя с тех пор сменилось много начальников, дом остался таким же, каким был вначале. Полярники, зимующие обычно на одном месте года два – четыре, ревниво следят за порядком и чистотой. В умывальной комнате висит плакат: "Мой-до-дыр". Перед входом в столовую надпись: "Кафе "Вайгачонок". В кают-компании – пианино, радиолы, библиотека, какой позавидовал бы и столичный книголюб.

А ведь когда-то человек с большим трудом укоренялся в Арктике. Он мечтал об одном – лишь бы прожить, лишь бы выжить, как-нибудь, чего бы это ни стоило. Он шел на любые лишения ради победы над этим суровым краем. Сегодня полярник не хочет прожить как-нибудь. Он достаточно крепко стоит на ногах, чтобы устроить свою жизнь вблизи от полюса так, как ему хочется.

Нынче вместо геологов работали "мерзлотники" – сотрудники лаборатории, которая занимается проблемами строительства в зоне вечной мерзлоты. Это уже примета нового времени. Не планы, не гипотезы, а реальные выкладки для строек сегодняшнего дня.

Работая на стыке эпох – далекого прошлого и скорого будущего, "мерзлотники", как и геологи и люди других специальностей, приближали день нового, теперь уже промышленного наступления на Север.

...Островки вокруг Вайгача темнели на горизонте. Они поднимались над морем, и глаз ясно различал скалы на берегах, голубые останцы льдов, навигационные знаки. Плоское солнце, притихшее к ночи, бросало на море золотую дорожку, а в противоположной стороне белела полная луна. Не кричали чайки, не бесились поморники – все спали. Только собаки бродили по скалам, прислушиваясь к тишине. Они были годовалые, из одного помета. Ненец из Варнека отдал их полярникам на лето, на откорм, и теперь лайки отрабатывали свой хлеб на караульной службе. Они еще не знали, что зимой встанут в упряжку, будут есть вяленую или мороженую рыбу, мясо лахтака или нерпы, пахнущее ворванью и рыбьим

жиром, начнут таскать нарты от капкана к капкану по сугробам и торосам, укрывать своим телом хозяина во время вьюг, лизать пресный снег от жажды и отбиваться от злых росомех и белых медведей. Пока же они прибавляли в весе, беззлобно кусали друг дружку, стаяй бегали за людьми, как бы упрашивая дать им какую-нибудь работу.

На станции был установлен строгий порядок. Радисты-метеорологи Леша Ложкин, Ира Ионова, Олег Жеребцов и Юрий Ежов по суткам несли вахту. Через каждые три часа дежурный шел на метеоплощадку, записывал показания термометров на целлулоидную дощечку, с которой легко стирался карандашный след, заносил данные в журнал. Затем по дистанционным датчикам узнавал направление и скорость ветра, учитывал поправки и передавал метеосводку в Амдерму. Оттуда по телетайпу данные направлялись в гидрометеоцентр. Там цифры размещались на маленькой карточке. По ним метеорологи будут рассчитывать долгосрочные прогнозы. Карточки сохраняют погодные характеристики для будущих исследователей.

Гидролог Олег Кривицкий вел наблюдения по своей программе. Он следил за температурой воды, волнением, направлением и скоростью течений, соленостью, загрязнением моря.

Сима Ложкина готовила еду.

Сам начальник Слава Ионов ведал механическим хозяйством – дизелями, аккумуляторами, моторами на шлюпке и на "доре", электродвигателями, ветровой установкой. Он же мог заменить любого радиста-метеоролога или гидролога.

Был на полярке и еще один человек, который в отличие от всех занятых людей не был обременен постоянными обязанностями, – это двухлетний сын Ложкиных Игорь. Впрочем, маленький полярник делал даже слишком многое. Например, разливал суп на белоснежную скатерть в кают-компании, таскал собак на кухню, вбивал гвозди в пол, если находил молоток, мазал валенки ваксой, оставлял размашистые росписи в забытой кем-то книге.

В свободное от вахт время люди были предоставлены сами себе. Могли читать, писать, благо каждый жил в отдельной комнате, идти на охоту, ловить песцов, готовить капканы или мастерить аэросани. Общность вневажничих занятий и увлечений дробила коллектив на маленькие ячейки. Олег Кривицкий и прибывший на смену Жеребцову Сережа Жуланов сразу стали что-то изобретать. А Юрия Ежова, или Данилыча, как его звали на станции, сблизжала со Славой Ионовым страсть к охоте.

Но в те дни, когда мы попали на станцию, охота вдруг отодвинулась на второй план. Началось все с того, что Ира Ионова рано утром снимала показания приборов на метеоплощадке и оттуда, с высокого берега, увидела косяки омуля. Рыба шла по мелкоководью, повторяя очертания прибрежных изгибов.

Никто раньше рыбной ловлей на полярке не занимался. Данилыч решил попробовать. На чердаке нашел брошенные сети, зашил дыры, наладил грузила и поплавки. Мы торопливо раскидали сети на пути косяков и побежали на высокий берег смотреть, как начнет биться пойманная рыба.

Но тут-то и открылась картина нашего позора. Омуль легко и натренированно, как спринтер в беге с препятствиями, шел через сети. Тогда Данилыч вспомнил о ненецком способе ловли. Ненцы ставили сеть так, чтобы один конец ее загибался на крюк.

Прыгая по камням на коротких, крепких ногах, он помчался с обрыва, вытащил сеть, подвязал новые поплавки, чтобы выше поднять ее в воде, стал растягивать сеть в виде кошеля.

В первый раз попало около тридцати рыбин, потом больше и больше. Ветхие сети начали давать устойчивый улов. Женщины потрошили, вялили и солили рыбу. Мы все ловили. На столе в дополнение к порядком надоевшим концентратам появилась превосходная закуска в виде слабосоленого омуля, уха, жареная рыба. Так прибавилась еще одна маленькая арктическая радость к тем, которые приносят редкие солнечные дни, короткое затишье и тепло.

Вскоре Ионов получил радиogramму: на днях к полярке подойдет судно-снабженец, завезет продовольствие и снаряжение на будущий год. Пришлось готовиться к этому событию. Слава объявил аврал. Ребята чистили складские помещения, мыли и распаривали бочки, сколачивали

ящики. Данилыч утеплял сарай для бычка и поросенка. Животные проживут здесь до ноябрьских праздников, зимой будет свежее мясо. Мы со Славой наращивали шланги, ремонтировали насос, чтобы перекачать солярку с корабельного плашкоута в емкости на берегу.

Слава попал в Арктику, как он сам считал, совершенно случайно. Закончил в Калининне лесотехнический техникум, получил свободный диплом. Работал мастером, потом на мебельной фабрике начальником ОТК. Не понравилось, тогда и решил поехать на Север.

Север халтуры не терпит. Если сделал тяп-ляп, то в мороз, в пургу, в паводок это может обернуться катастрофой, гибелью людей. Слава стал механиком-дизелистом, за несколько зимовок без отрыва от основного дела изучил метеорологию и радио. Позже его выдвинули на должность начальника полярной станции. В этом качестве и попал он на Болванский Нос.

Так нашел Слава Ионов свое место. Вся техника работала у него безотказно. Люди жили веселой, дружной семьей, чего в условиях арктических зимовок добиться не так-то просто.

Данилыч прожил в Арктике целых двадцать пять лет. Для жителя южных широт это половина сознательно прожитой жизни. Для Севера это вся жизнь. Внезапные побудки среди ночи, непрерывные вахты, одиночество (семья у него живет в Москве, там учатся ребятишки), сильные морозы, штормовые ветры, недостаток кислорода – все это быстрее старит человека.

И все-таки своим домом считает Данилыч Арктику. Отними у этого коренастого, мужественного человека с чистыми, светлыми глазами Север, и он наверняка зачахнет.

Он стремился на Север с мальчишеских лет. Уже тогда в нем билась авантюрная жилка, стремление что-то искать, открывать. Его детство совпало с папанинской эпопеей. В то время люди зачитывались очерками Бориса Горбатова о Севере, на экраны страны вышел фильм Сергея Герасимова "Семеро смелых". Много раз смотрел мальчишка любимый фильм, завидовал удаче обаятельного кока Молибоги, которого превосходно играл молодой Петр Алейников, тоже хотел бежать из дома, мечтая "зайцем" попасть в Арктику.

Данилыч, наверное, прикипел к Северу потому, что видел здесь суровую дружбу, крепче которой нигде не сыщешь, и любовь, и молодость. И ведь не такие уж длинные рубли получал он. Что значат эти деньги по сравнению с тратой нервов, сил, здоровья, да и просто с возможностью жить в тепле, есть свежие фрукты и овощи, наконец, видеть солнце! Роберт Пири наиболее точно сказал о зовущей силе Арктики: "Велика и необычна притягательная сила Севера! Не раз я, возвращаясь из его бескрайней замерзшей пустыни потрепанный, измученный и разочарованный, иногда покалеченный, говорил себе, что это мое последнее путешествие туда; я жаждал людского общества, комфорта цивилизации, безмятежности и покоя домашнего очага. Но случалось так: не проходило и года, как мною вновь овладевало хорошо знакомое мне ощущение беспокойства. Я начинал тосковать по великой белой пустыне, по схваткам со льдами и штормами, по долгой-долгой полярной ночи и долгому полярному дню, молчанию и необъятным просторам великого, белоснежного, одинокого Севера. И я опять раз за разом устремлялся туда..." То же самое происходило и с Данилычем, и со многими его товарищами.

АВРАЛ

Черноглазый Гога разбудил всех за два часа до обычного подъема. Он ходил по коридору и стучал в каждую дверь игрушечным ружьем. Оказывается, он встал вместе с мамой Симой, которая поднималась рано, чтобы успеть приготовить завтрак, вышел на крыльцо и разглядел приближающийся корабль.

На берег уже сбегались собаки. Робко помахивая хвостами, они

смотрели на незнакомое им чудовище.

Дизельный электроход "Куйбышевгэс" бросил якорь. Кран спустил плашкоут. Матросы начали перекачивать в него горючее. Потом кран подцепил еще одно сооружение – плавающий вездеход с большим кузовом – и осторожно опустил его на воду. На зеленому борту вездехода белела эмблема – пингвины. В кузов погрузили ящики. Машина прошла по заливу, легко взобралась на берег, подкатила к складу. Мы сняли ящики, а вездеход поплыл за новым грузом.

Когда на судне наполнили углем "мыльницы" – железные короба, напоминающие широкие корыта, – вездеход и их отбуксировал к берегу. Здесь "мыльницы" прицепляли к трактору, и он тащил уголь к дому. Мы брались за лопаты и перебрасывали уголь в закут, огороженный досками, чтобы зимой его не заносил снег.

Механизация почти на все сто! А ведь еще совсем недавно все выгружалось вручную. Бочки, ящики, стройматериалы, уголь вытаскивали из трюмов, нагружали баржи, стружали на берегу, разносили по складам. Каждый кирпичик четырежды переходил из рук в руки. Да еще в ненастье, в дождь и слякоть, что часто случалось, как назло, во время таких авралов!

Теперь "пингвин" заменял десятки рук. Вездеход-амфибия не только облегчал выгрузку, но и ускорял ее: ведь грузы ожидались на десятках других станций, а полярное лето скупо на погожие дни. В эфире уже носились тревожные предупреждения судну-снабженцу о приближающемся циклоне.

Выгрузка шла быстро, с заметным опережением графика. Лишь один раз случился сбой. Виной всему оказался годовалый хряк. Обессилевший от качки, он, как только почувствовал под собой твердую землю, бросился в тундру. Ребята стали его ловить. Хряк ловко увертывался, прыгал, петлял, как баскетболист во время атаки. Собаки хватили его за ляжки, хряк со злым визгом и остервенением отбивался от них. Несколько раз Данилычу удавалось набросить петлю, но боров выскальзывал, снова начинал свой бешеный бег. Лишь когда долговязый Сережа Жуланов в длинном прыжке настиг свинью, уже в падении успел схватить ее за ноги мертвой хваткой и пропахал на животе метров двадцать по камням и сырой траве, хряк сдался. Подхватив под мышки, ребята потащили его в хлев. Хряк быстро-быстро перебирал задними ногами, трясся от бешенства и бессилия.

Бычок же холмогорской породы, увидев безрезультатность попытки побега, покорно прошел в отведенный ему закут, обложенный тюками прессованного сена.

На другой день к вечеру выгрузку закончили. На полярной станции остались продукты, которых должно хватить до будущей навигации, – крупа, соль, масло, жиры, солонина, капуста, консервированные овощи, вино к праздникам: в будни на всех полярках "сухой закон". На берег стружили строительные материалы для ремонта помещений, еще один упорно внедряемый снабженцами набор алюминиевой мебели (два других нераспечатанными пылились на чердаке), перекачали в емкости бензин, солярку и масло. Плашкоут, "мыльницы" и вездеход-амфибию погрузили обратно на корабль. "Куйбышевгэс" дал прощальный гудок.

После окончания всех работ Данилыч истопил баню.

Баня на Севере своего рода ритуал. Только бывалый полярник может по достоинству оценить северную баню. Знаменитые Сандуновские не идут с ней ни в какое сравнение.

Данилыч плещет кипятком на раскаленные булыжины, пар клубами взвивается к потолку. Первое мгновение держусь на полке из упрямства, потом чувствую, как поджаривается кожа, наконец спрыгиваю на пол и, захлебнувшись, лью на голову холодную воду, отчего трещат волосы. Но постепенно привыкаю к жару, начинаю париться веником, добытым где-то в архангельских лесах. Несколько раз бегая к морю, бултыхаюсь в ледяной воде Ледовитого океана и снова прыгаю на полку. Данилыч трет мне спину мочалкой, шероховатой, как крупнозернистая наждачная бумага. И вот обливаюсь теплой водой, кутаюсь в чистую простыню. Наступает полное блаженство.

Попивая пахучий крепкий квас, выдержанный на кухне Симы Ложкиной,

снова думаю, как все же трудно обживаться человеку в этих краях.

Чтобы построить дом, надо в короткую летнюю навигацию завезти тысячи необходимых для этого вещей: кирпич, упакованный в ящики, как консервные банки, глину, цемент, деревянный брус, тес и доски, швеллеры, краску, паклю, листовое железо, шифер, гвозди, стекло, оконные рамы... Чего проще, казалось бы, поставить баню! Можно использовать плавник, сделать сруб, вместо котла приспособить бочку из-под солянки, ковш сделать из дюралевого рыбацкого поплавка. А веник-то все равно надо заказывать на Большой земле...

Дорого и трудно строить в Арктике. Но человек упрямо продвигается дальше и дальше. И Вайгач тоже благоустраивается. Он отказывается быть трудным островом.

ПАРУС НАД МОРЕМ

Циклон, который ожидали синоптики, пришел очень скоро. Ветер неожиданно, как это бывает в Арктике, задул с севера, наташил туч, двинул к побережью плавучие льды. Боясь застрять на Вайгаче, мы поспешно вышли в море.

Дима страдал от изжоги. Надо бы ему выпить горячего чая, но примус ребята потеряли где-то на одной из стоянок, когда плыли по Печоре. Не было у нас и термоса. А если придется ночевать вдали от населенных пунктов, на голых камнях побережья... На чем же вскипятить чай или сварить кашу? Питаться всухомятку? И это при Диминой язве желудка, которая стала изнурять его мучительными болями...

Скоро кончилось горючее в основном баке. Чтобы сохранить бензин в канистрах, мы решили поднять парус – ветер теперь дул тоже в корму, как и тогда, когда "Замора" шла на Вайгач.

Из трюмного рундука вытащили парус – обыкновенное брезентовое полотнище с капроновыми шнурами по углам. Один конец Дима прикрепил к блоку наверху мачты, потянул шкерт, брезент расправился и рванулся из рук. Пришлось удерживать его обеими руками. Катер сразу прибавил ход.

Забыл сказать, что у "Заморы" был еще один существенный недостаток: она была слишком широка по сравнению с продольной осью и неустойчива – нос постоянно рыскал по горизонту. С парусом "Замора" стала вести себя еще хуже. Не слушаясь руля, она то поворачивала к берегу, то уходила мористее, но все же двигалась в нужном направлении.

Иногда прямо посреди моря попадались мели. Они легко угадывались, так как чайки садились именно здесь и ловили мелкую рыбешку. Если же чаек не было, то об опасности предупреждали белые буруны. Увеличивая или уменьшая угол паруса по отношению к ветру, мы меняли курс и обходили опасное место.

Так мы шли весь день.

Я сменил Диму на парусе, когда садилось солнце. На востоке глыбились тучи, темнея и набухая, а запад пылал кроваво-красным огнем, словно там буйствовал пожар. Через сизый заслон туч прорывались лучи садящегося солнца и бросали багровые пятна, вырывая из синих сумерек то кроткие всплески волн, то кипящий белый след за кормой, то аскетическое лицо Димы, затихшего перед буйством вечернего огня.

"Замора" бесшумно резала воду. Отдаленно и безмолвно вспыхивали молнии, обозначая лохматые края туч. Блеклое мерцание наливалось силой, и вскоре там начинал бить непрерывающийся разряд, словно пульсирующую вольтову дугу перебросили между опаленными краями облаков. Очевидно, севернее шли льды. От их холодного дыхания пары конденсировались, прессовались в облака, и тучи, сверкая молниями, вытряхивали из себя снежную крупу и дождь. В том месте, где шли мы, пока было сравнительно тихо.

Свободный от вахты Дима залез на верх нашей палубы, лег на спасательную надувную лодку. Ветер шевелил его растрепанную бороду. Остро и пристально он смотрел куда-то вдаль. Не сомневаюсь: в этот

момент он думал все о том же – о плавании под парусами. Еще будучи курсантом мореходки, он с волнением читал о приключениях отважных мореплавателей-одиночек – Слокама, Конрада, Хауэлза, Жербо, Бомбара... Сам ничего не имея, часто живя впроголодь, он отдавал все свои средства и силы строительству "Заморы" и хорошо понимал того же Слокама. Старый моряк лишился всего, чем владел, когда его барк потерпел крушение. Но когда знакомый капитан подарил ему полустгнивший парусный слип "Спрей", Слокам, отказывая себе во всем, отремонтировал эту развалину и осуществил свою давнюю мечту – совершил кругосветное плавание.

Он закончил его в 1895 году, пройдя 46 тысяч миль за три года два месяца и два дня. Это было самое поразительное плавание – апофеоз парусного искусства уходящего века. Позднее первый в мире моряк-одиночка вспоминал: "Я остался один на один с морской стихией и целиком находился в ее руках, но я был счастлив... Никому, за исключением людей, имеющих практический опыт, не дано понять, насколько прекрасно свободное плавание по океанам..."

В XX веке уже десятки мореплавателей-одиночек устремились в далекие и опасные плавания на парусах. В основном это были моряки, превосходно владеющие парусом. Почти неправдоподобное исключение из них – Джон Колдуэлл.

В 1944 году в Австралии моряк военного корабля Джон Колдуэлл познакомился с женщиной по имени Мэри. Превратности военной службы бросали его с одного театра боевых действий на другой. Но вот война кончилась. Регулярных рейсов в Австралию не было, и Джон решил отправиться к Мэри на парусной лодке. Он купил крошечную яхту "Язычник". Джон не хотел плыть через океан один. Ему просто необходимо было взять с собой кого-нибудь, желательно человека, умеющего управлять яхтой, так как сам он в парусах ничего не понимал.

Разумеется, желающие разделить с ним одиночество были. Но, увидев неказистую яхту, они исчезали. Тогда Джон прихватил с собой двух котят, книгу "Как управлять судном" и один пустился в плавание.

На выходе из Панамского канала, проделывая первые упражнения с парусом и румпелем, Джон выпал из яхты и догонял ее вплавь. Несколько раз он сажал "Язычник" на мель, налетал на скалы, терпел крушения.

В "Отчаянном путешествии" Колдуэлл превосходно описал все эти приключения. Во время одного из ураганов он потерял мачту, почти все продовольствие. С середины Тихого океан плыл без пищи, съел все, что можно было съесть, – бриллиантин, машинное масло, бумажник. Он единоборствовал с акулой, пытался бить из рогатки чаек, бредил, опухал от голода. Но в нем все же теплилась надежда выжить. Он был молод и хотел во что бы то ни стало победить смерть.

"Я подумал о том, – писал он, – решился бы я на это путешествие или нет, если бы знал, какие неожиданности подстерегут меня? "Я решился бы" – таков был мой ответ. То, что я сделал, было увлекательно, несло с собой сильные ощущения. Несмотря на опасности, я был в восторге. Я испытывал жажду, знакомую всем мужчинам, – жажду приключений. И вдобавок ко всему, я приближался к единственной в мире женщине, о которой мечтал, – к Мэри!"

Колдуэлл выбросился на риф у одного из островов Фиджи. Жители выходили его, поставили в буквальном смысле слова на ноги, так как в яхте он разучился ходить. А вскоре он встретился с Мэри – этой единственной в мире женщиной, которая стала его женой.

Потом в плавание пустился знаменитый Ален Бомбар. Затем "вояж века" совершает Френсис Чичестер. За ним – Уильям Уиллис...

Несколько раз Дима Кравченко, подобно своим кумирам, хотел отправиться в океан. К сожалению, ему не удалось осуществить эту мечту. И вот теперь, когда ветер гнал "Замору" и тихо шумела вода под ее носом, он, по-видимому, в мыслях был далеко от нас.

Ну вот что гонит таких людей? Во имя чего они бросают вызов силам, которые несравнимо выше человеческих? Кому нужны испытания безбрежностью водной пустыни, ураганами и голодом, жарой и жаждой? Почему, пройдя через ад плаваний, эти люди готовы повторить все сначала?

Любовь к морю?

Отчасти так. Пожизненный пленник моря Джошуа Слокам был таким же, как Джозеф Конрад, который писал: "В моей книге, откровенной, как предсмертная исповедь, я пытался раскрыть сущность моей ненасытной любви к морю. Возникшее таинственным образом, как всякая великая страсть, неимоверной волей богов посланная нам, смертным, чувство это росло, нерассуждающее, непобедимое, выдержав все испытания, устояв против разочарований, которые таит в себе каждый день трудной, утомительной жизни".

Или их влечет тяга к острым ощущениям?

Возможно, и это играет не последнюю роль. "Да, да, после тридцати четырех дней борьбы с морем я все еще получаю огромное удовольствие, когда смотрю на него", – говорит Хауэлз.

А может быть, презрение к смерти? Или стремление проверить свои силы?

Жербо писал, что путешествие в Америку предпринял ради удовольствия и для того, чтобы доказать себе, что он в состоянии его завершить.

Видимо, плавание таких отчаянных людей хороши тем, что они раздвигали границы наших представлений о самом человеке.

Были среди мореплавателей и такие, кто преследовал более конкретную, научную цель.

Один доказывал, что египтяне вполне могли на своих папирусных судах доплыть до Нового Света, отстаивал версию переселения народов с островов Океании на земли Южной Америки.

Другой собственным примером подтверждал, что человек, потерпевший кораблекрушение и оставшийся один на один с морем, вполне может выжить, найти для себя пищу и воду, если не впадет в отчаяние.

И подвиг Бомбара, и героические плавание других одиночек говорили о величии человеческого духа. Эти люди не настолько дорожили жизнью, чтобы бояться поставить ее на карту. Но они же и дорожили ею, чтобы не превратить существование в серые, пресные будни...

...К ночи усилился ветер. Он ожесточенно навалился на парус "Заморы". С большим трудом мне удавалось удерживать шкот. Пошла килевая качка. За воем ветра я вдруг услышал в отдалении пугающий звук. Что это?

Долго всматривался в хмарь впереди, пока не понял: это сталкивались друг с другом льдины. За этим звуком – ниже и яростнее – слышался гул, который шел от гряды торосов в зоне сплошного пака.

У меня возникло ощущение, что мы идем в западню. Я не видел еще льда, но мне показалось, что он начал смыкаться вокруг "Заморы" гудело и слева, и справа, и спереди.

Холод стал проникать сквозь намокшую куртку. Я опустился на колени, чтобы за каютой укрыться от ледяного ветра. Видимость сократилась до нескольких метров. Пошел снег. Он хлестал по лицу, и кожа начала неметь.

Проснулся Дима. Морщась, он выбрался из спального мешка, полез в трюм, открыл крышку, прикрывающую реверс. Очевидно, мысль, что в трюм набралась вода, и во сне не давала ему покоя. В трюме действительно плескалась вода, смешанная с машинным маслом. Дима растолкал Володю:

– Ты перед выходом заглядывал в трюм?

– Смотрел. А что? – Спросонья Володя только моргал глазами.

– Что, что... Вода в трюме! – вскипел Дима. – Всегда так! Пока сам не проверишь, никто палец о палец не ударит!

Дима был несправедлив. Володя трюм проверял, и Дима об этом знал, но сейчас просто не мог сдержаться. Вода могла попасть через фланец или залиться сверху, так как волны иногда накрывали палубу.

Володя молча полез в рундук, достал ветошь и стал выбирать воду.

Наверное, плыть в одиночку хорошо и потому, что надеяться не на кого, одиночка все должен делать сам. А когда в команде, да еще собранной наспех, не знают, что делать, или знают, но надеются друг на друга, то появляется раздражение, а то и откровенная вражда. И ничего путного из плавания тогда не выйдет.

ПРИНИМАЕТ АМДЕРМА

Вдоль берега тянулись голубоватые ледяные поля. На скалах, поднявшихся прямо из моря, сидели чайки, изредка переругиваясь с товарками пронзительными голосами. Справа плыла бурая плоская равнина Вайгача. Иногда на снежниках появлялись стаи серых, линялых гусей, медленно спускающихся к покойной воде. В некоторых местах лед наполовину на сушу, изломался, и из трещин тянулись вверх полярные березки и ягель.

Потом суша скрылась из глаз. Но ненадолго. Из сизоватой кромки моря вдруг вырос впереди по курсу холм. Он постепенно вылезал из воды, начинал зеленеть, и на склонах лесенкой появились белые домики Амдермы.

Пока мы шли к ней, стало темнеть. Весь холм залился огнями. В созвездиях огней ярче других горели фонари на мачтах главной достопримечательности Амдермы – гидрометеоцентра. Сюда-то и поступает вся информация о погоде с громадного пространства побережья – от Новой Земли до Диксона. Над городком возвышался красно-голубой шар, похожий на среднеазиатский мавзолей, – защитный экран от радиопомех. Вокруг стояли здания управления и гидрометеообсерватории, жилые дома сотрудников.

Когда мы приткнули "Замору" к знакомому пирсу, то улицы нижней, прибрежной части поселка тонули в тумане. Гидрометеоцентр как бы оторвался от земли и парил над белой пеной. Машины и вездеходы сползали с сопки с включенными фарами, растворяясь во влажной, почти непробиваемой плотности. Родители вели ребятишек из детского сада, крепко держа их за руки. Отбеги ребенок в сторону – и "ау"...

Пятнадцать лет назад на сопке еще стояли бараки. Все службы теснились в одном доме. В строительство нового центра много сил вложил тогдашний энергичный и мрачноватый начальник Михаил Владимирович Попов. Теперь он умер, его именем называли полярную станцию на острове Белый. Все, что есть тут сейчас, – его воплощенная мечта.

Амдерминское управление гидрометеослужбы перешло в надежные руки Артура Николаевича Чилингарова, в прошлом начальника комсомольско-молодежной станции СП-9. Сейчас под ногами Артура не коварный лед океана, а крепкий пол просторного кабинета. Впрочем, застать Артура Николаевича на месте почти невозможно. Он весь в хлопотах, в беспокойстве, в бегах. Кабинет – не рабочее место для старого арктического волка. Да и хозяйство теперь немалое – телетайпы, автоматические станции, электронно-вычислительная машина, служба метеорологических спутников Земли... За всем надо присмотреть, кому-то помочь, кого-то подстегнуть, кому-то дать нагоняй. Все может простить Чилингаров, кроме равнодушия к делу. К лодырям и прогульщикам у него какое-то болезненное отвращение.

Огромная, в полстены, карта Амдерминского арктического района испещрена цветными стрелами. Между ними жирно обведены кружками полярные станции. Их много – от Карских Ворот до острова Белый, на территории в несколько тысяч квадратных километров. На других картах, развешанных в кабинете Чилингарова, в центре голубеет Карское море. Кроме сообщений о погоде амдерминская гидрометеослужба обеспечивает безаварийный и безопасный проход караванов судов по этой важной водной магистрали страны. Груз, который везут караваны, нужен нефтяникам и газовикам Тюмени и Ямала, металлургам Норильска, алмазодобытчикам Якутии.

Три раза в сутки эта служба осуществляет связь со спутником. Компьютер называет точное время появления спутника в зоне наблюдения, инженер Виктор Карасев включает ток. Мигают индикаторы, по-пчелиному гудят моторчики и трансформаторы, приборы показывают готовность. В прорези валика, где закреплена фотоплёнка, начинает бегать солнечный лучик. Из космической глубины метеорологический спутник передает земное изображение, преобразованное в сигналы. Телевизионная камера принимает эти сигналы, посылает их на фототелеграфный аппарат. Тут они

записываются на фотопленку.

Сигналы достигают самой четкой слышимости и затем слабеют. Спутник уходит в другое полушарие. Виктор выключает аппараты, в фотолаборатории проявляет пленки, сушит их в теплой струе вентилятора, накладывает сетку координат с точно выверенными кривыми меридианов и параллелей, вставляет негатив в увеличитель. Через несколько минут на листе фотобумаги появляются знакомые со школьных лет очертания северной части страны, словно спутник старательно срисовал географическую карту. В верхней части снимка лежит огромное белое пятно – Ледовитый океан, закрытый плотным ледяным щитом. В правом углу темнеют Чукотка, Аляска... Снимок тонко передает изломы береговой линии арктических морей. Вот остров Врангеля, Северная Земля, архипелаг Норденшельда, Таймыр, Ямал... Там, где виднеется полумесяц Новой Земли и тянется полоска Полярного Урала, белеет спираль – здесь рождается циклон. Как круги в воде от брошенного камня, облачность разбегается по периферии, достигает Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа. Но над Гренландией устойчиво царит область высокого давления, и спутник детально вычерчивает границы этой гигантской ледяной страны.

Виктор получает как бы мгновенный слепок с лика Земли. Натренированным глазом он безошибочно находит на снимке города и заливы, большие реки и горные хребты. Здесь, в северном уголке планеты, особенно дороги ему Ленинград, где он заканчивал Арктическое училище, остров Хейса на Земле Франца-Иосифа, где долго зимовал, и Амдерма, где он теперь работает.

В первую очередь снимки просматривает старший научный сотрудник кандидат географических наук Владимир Николаевич Воробьев. Этого плотного, невысокого человека с добрым, внимательным взглядом знают все старожилы Северного и Южного полюсов. Он зимовал на дрейфующих станциях, участвовал во всех крупных исследованиях, которые организовывали Арктический и Антарктический научно-исследовательский институт и Главсевморпуть.

У Владимира Николаевича упорный и целеустремленный характер. Чувство неудовлетворенности заставило его покинуть перспективное место в Ленинграде и уже сорокалетним уехать в Амдерму. Здесь, во вновь организованной обсерватории, разворачивались большие дела: по Амдерминскому району идет громадный поток грузов, и суда нуждаются в точной информации о состоянии погоды и ледяного покрова на этом участке. Не случайно во время войны гитлеровцы предприняли разбойничий налет на Диксон и на легендарный пароход "Сибиряков". Они хотели узнать ледовую обстановку и нарушить морскую дорогу, по которой с Дальнего Востока шли к Мурманску военные грузы. На обсерваторию как раз и возлагались работы по прогнозированию ледовой обстановки на участке от Баренцева моря до Диксона.

ГРАНИЦА МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ

Как ни стремились мы плыть дальше на восток, нас задерживали сильные штормы. Мы слонялись по Амдерме, просмотрели все фильмы в клубе, перечитали множество книг в поселковой библиотеке, однако ненастье все продолжалось. Особенно плохо было в районах, куда мы должны были идти.

И тут в столовой нежданно-негаданно мы встретились с Васей Галенко, высоким черноволосым парнем в замызганной штормовке и ярко-красной ковбойке. Родственные души сходятся быстро. Вася относился к тем людям, которых не устраивает спокойная жизнь. Все, казалось бы, есть – квартира, машина, любимая работа морского штурмана, а вот начнет пригревать солнышко – и охватывает душу великое беспокойство. Хочется, например, узнать имя помора, погибшего в шхерах Шпицбергена, изобрести новый метод определения координат... В этом году Галенко решил установить точную границу между Европой и Азией в

районе пролива Югорский Шар.

В географической литературе на этот счет высказывается много разноречивых суждений. Галенко за исходную взял такую предпосылку: считать, что граница проходит через точку наибольшего сближения материка с островом Вайгач. Как член Северного филиала Географического общества СССР он взялся установить навигационный знак на границе двух частей света. Выхлопотал на службе отпуск и поехал в Амдерму. Сюда он прибыл с женой Тamarой и кинооператором Иозасом Козлаускасом. И кроме нас нашел еще одного единомышленника – Сашу Антоненко.

Саша, выпускник Харьковского института радиоэлектроники, работал в конструкторском бюро Амдерминской обсерватории и все время бродил по округе. Рядом море, горы тянутся грядой черных базальтов, тундра куда ни погляди. У себя в управлении он председатель секции туризма. Но даже когда предстоит чисто служебная командировка на какую-то полярную станцию, он не преминет сделать круг, чтобы увидеть еще один кусок неизмеренной и нехоженной суши. Бородатый, голубоглазый, длинноногий, в болотных сапогах, с непременным рюкзаком за плечами, он бегал по тундре, как жадно любознательный турист в конце круиза. Саша с готовностью вызвался помочь в определении границы "Европа – Азия".

Начальник морского порта Амдермы для такого случая выделил катер. Находчивый Иозас Козлаускас, бывший матрос-североморец, раздобыл заржавленный якорь, уговорил газорезчиков приварить к нему цепь. Он же нашел черную металлическую доску, на которой можно было сделать надпись.

На море гуляла волна, но портовый катер не напрасно носил имя "Богатырь". Крутобокий, низко сидящий на воде, он раздвигал волны широкой грудью, упрямо гнал к Югорскому Шару. Нахально рывкнув, он промчался мимо океанского сухогруза, спрятавшегося от непогоды за скалами в проливе, и стал подбираться к причалу полярной станции.

Механик станции "Югорский шар" Иннокентий Суслонов, или попросту Кеша, притащил два мешка цемента. Саша Антоненко вооружился двуручной пилой, чтобы из плавника выпилить подходящий столб. Иозас Козлаускас потащил цепь с якорем. Дима Кравченко нес краску с кисточками и трафаретки букв.

Пройдя километра два по галечному берегу, Вася Галенко остановился и поднял к глазам секстан. Потом прошел дальше, вернулся, что-то подсчитал и наконец произнес:

– Здесь!

Это было самое узкое место в проливе. С высокого берега материка проглядывалась горбинка Вайгача.

Все ребята, и экипаж "Заморы" в том числе, взялись за лопаты. Мы вырыли большую яму, поставили на попа бревно, отбеленное морем до цвета слоновой кости, обложили его камнями, для прочности залили основание цементным раствором, большими гвоздями прибили к столбу цепь, удерживающую якорь. Вася Галенко вывел на черном железном листе красивые белые буквы: "Европа – Азия". Некоторые из нас на не затвердевшем еще бетоне поставили свои подписи.

На черные камни набегали волны и со свирепым шумом откатывались обратно. С пронзительным криком носились чайки. Вдали, мористее, то появлялись, то исчезали похожие на рыбацьи поплавки головки – то выглядывали любопытные нерпы, рассматривая людей на пустовавшем раньше берегу. В закатном небе проплыла пара лебедей, торопясь к ночлегу. Где-то на озерце перекликались криквы...

Вася Галенко еще раз произвел расчеты, записал точные координаты пограничного столба, разделяющего Европу и Азию: 69 градусов северной широты и 60 градусов восточной долготы. Значит, сейчас мы стояли на 60-м меридиане, особенно памятном мне.

Когда-то в такой же летней тундре я и мой друг Саша Ефремов совершали обряд, который наверняка бы рассмешил посторонних, если бы такие оказались в этот момент. Ровно в полдень мы вытащили из рюкзака спиннинг. Он лежал в аккуратном, защитного цвета чехле. Мы не стали его вынимать, так в чехле и воткнули в пушистую, тоже защитного цвета, кочку. Конечно, можно было воткнуть обыкновенный колышек, даже удобнее. Но где его взять? Ближайшее деревце росло отсюда километров

за триста. Спиннинг гордо возвышался над кочкой. Он отбрасывал короткую, чуть заметно дрожащую тень. На эту тень мы и смотрели внимательно, в упор.

Воткнутый в землю шест, который древние греки звали скафис, был одним из древнейших астрономических приборов. Он показывал направление полуденной линии. Эта крохотная, лежавшая перед нами тень была отрезком линии, соединяющей полюса Земли. Нестибаемо прямая, она пересекала моря, пустыни, горные хребты. Эта тень указывала нам направление шестидесятого меридиана. Мы смотрели на нее, и нам виделся весь меридиан, весь наш будущий путь.

Мы смотрели на тень от спиннинга, воткнутого в одну из миллиарда кочек Большеземельской тундры, и видели карту Советского Союза, карту, на которой вся Большеземельская тундра занимала несколько зеленых квадратных сантиметров, ту самую карту, на которой по 60-му меридиану была проведена красным карандашом жирная черта. Мы вспоминали эту карту и жаркие споры около нее.

Надо было выбрать маршрут. Каждый предлагал свой вариант. Звали далекие горы, голубые льды и серебряные ручьи. Манили суровой простотой северные леса и экзотическая нарядность новых оазисов... Хороши были все варианты, все маршруты. Неинтересных не было. И тогда один из нас сказал:

- Наверное, легче зажмурить глаза, ткнуть в карту пальцем и провести линию наугад. И наверняка этот маршрут тоже будет интересен.

В этом было все дело. Мы с самого начала встали на ложный путь. Мы хотели найти нечто "самое интересное". Сравнивая разные уголки страны, мы пытались приклеить им ярлыки "лучше" и "хуже". И это было нелепо. Мы поняли, что любой избранный нами маршрут не может оказаться неинтересным. А раз так, то незачем искать извилистый, выборочный путь, нас больше устроит прямая линия с ее объективной непосредственностью. Мы обратились к карте в поисках прямых линий. Параллели и меридианы звали к себе. И громче других нас позвал 60-й меридиан. Он предлагал удивительное разнообразие природных условий: проходил через полярные острова, тундру, тайгу, гигантский горный массив, распаханые степи, безводные пустыни, цветущие оазисы...

Начав с Вайгача, на оленях мы пересекли Большеземельскую тундру, поднялись на самую большую вершину Уральского хребта – гору Народную, преодолели на лошадях Ханты-Мансийскую тайгу, проехали через марганцевое Полуночное, деревообделочный Ивдель, откуда в то время начинала строиться дорога Ивдель – Обь, первая трасса к нефтеносной Тюмени, металлургические города Краснотуринск, Серов, Нижний Тагил, горнообогатительный Качканар, меднорудные Гумешки, где жила бажовская девка Азовка, преодолели Тургайскую степь, переплыли на катере Аральское море, с караваном верблюдов проследовали через Каракумы...

Всякое случалось в дороге за полгода нашего путешествия – и грустное, и веселое. Но ярче всего запомнилось начало его, когда с помощью спиннинга мы определяли направление меридиана, и конец – тропинка среди жарких камней, два полосатых столбика с гербами СССР и Ирана. Три метра ничейной земли разделяли их, за иранским столбом тянулся такой же терновник и громоздились такие же горы, но это была уже чужая страна...

Теперь мы с Димой Кравченко и Володей Савельевым двигались не на юг по меридиану, а по параллели на восток. Начало уже было, а каким станет конец?..

Нам показалось, что погода пошла на улучшение. Поэтому, вернувшись обратно в Амдерму, мы не стали ложиться спать, а взялись за починку мотора. Детали для ремонта были уже готовы, оставалось поставить их на место. Но ремонтировать технику, когда под рукой нет ни верстака, ни тисков, ни наждака, – дело сложное и канительное. Пришлось провозиться до утра, когда в магазины, учреждения, детские сады, гидрометеоцентр, порт уже пошел служилый народ. Появился на пирсе Артур Чилингаров, пожелал счастливого пути.

Может, от нетерпения, а может, оттого, что ветер и вправду стал стихать, но Дима посчитал, что отплывать можно. Мотор завелся с пол-оборота. Один из якорей запутался в проволоке, набросанной с

пирса, пришлось его оставить на дне. Оставался теперь один-единственный якорь, который придется беречь пуще глаза. Отталкиваясь багром и веслами, мы отогнали катер от свай. Тут же его подхватила волна. Освобожденная от пут, "Замора" словно вздохнула полной грудью и рванулась из причальной тесноты к морю.

На рейде Амдермы стояли большие корабли. По сравнению с ними наша "Замора" была как конопляное семечко рядом с арбузом. Матросы, свесившись с бортов, откровенно потешались над несерьезным суденышком. Однако "Замора", гордо задрав нос, пронеслась мимо на больших оборотах. Мы даже не помахали на прощание насмешникам.

Мы торопились воспользоваться устойчивым юго-западным ветром. Волны набегали с кормы и как бы подхватывали катер под крылья. Надо было выбрать такую скорость, чтобы нос повис на кромке волны и катер несло бы вперед вместе с нею. Я занял место за штурвалом, а Дима и Володя, умаявшись со сборами, залезли в спальные мешки и вскоре заснули. Стрелка компаса указывала на ост, самый дорогой для нашего сердца курс.

ЗОВУЩАЯ ЗВЕЗДА

Где-то слева пылала невидимая в полярный день Полярная звезда... Я был еще очень маленьким, когда научился находить ее в звездной россыпи. На заснеженном огороде я делал палатки из картонок, ставил мачты и сажал рядом деревянные самолетики. Скольких людей волновала эта звезда! Уходя в неизвестные моря, открывая острова, архипелаги, континенты, рисуя неточные, иногда полуфантастические карты, путешественники непременно останавливали свое внимание на крошечной, абстрактной точке в пространстве, откуда прочерчивали меридианы Земли. Это была точка географического полюса.

На первом в мире глобусе (конец XV века) полюс изображался в окружении обширного океана. На знаменитой карте фламандца Герарда Меркатора (середина XVI столетия) в районе полюса появились острова с реками. Жюль Верн предположил даже, что там находится действующий вулкан. Как оказалось, он был недалеко от истины: не так давно ученые обнаружили подводный вулкан в районе полюса.

"Кто хочет познать гений человеческий в борьбе против суеверий и мрака, пусть прочтет историю арктических путешествий, прочтет о людях, которые в те времена, когда зимовка среди полярной ночи грозила верной смертью, все же шли с развевающимися знаменами навстречу неведомому", - писал Фритьоф Нансен.

Неутоленная жажда поисков и открытий вела землепроходцев к полюсу. Уходили надолго, многие навсегда. Доплыть, дойти, добраться, доползти до этой невидимой, но такой манящей точки во льдах стало для многих единственной мечтой. Особенно в конце XIX века, когда полюс сделался объектом обостренного честолюбия, фантастического рекордсменства. В международных "скачках" к Северному полюсу участвовало более тридцати крупных экспедиций, не говоря уже об одиночках. Они стремились туда на паровых судах, на оленьих и собачьих упряжках, на лыжах и пешком. Гибли люди, шли ко дну раздавленные льдами корабли, пропадали без вести целые экспедиции. Марк Твен грустно пошутил: "Если бы кто-нибудь открыл речонку в каком-нибудь районе рядом... с Северным полюсом, Европа и Америка тотчас же снарядили бы туда пятнадцать дорогостоящих экспедиций - одну, чтобы исследовать речку, а остальные четырнадцать, чтобы искать друг друга!"

Первым приблизился к полюсу Фритьоф Нансен. Со своим молчаливым спутником Иогансеном на собачьих упряжках он добрался до 86-й параллели. В истории покорения высоких широт это было последним достижением XIX века.

В начале нового, XX столетия итальянец Каньи "обошел" норвежцев, потеряв при этом трех товарищей по экспедиции.

Но уже приступил к осуществлению своей мечты американский военно-морской гидрограф Роберт Пири...

Двадцать три года он шел к своему полюсу. Двадцать два из них приносили ему неудачи. В одном из походов он отморозил пальцы на ногах. В следующую экспедицию отправился на костылях. Это ли не пример человеческой доблести, целеустремленности, верности цели!

Что жаждал Пири увидеть на полюсе? Ведь по сути дела стремление к Северному полюсу представляло собой путь в никуда, желание достичь точки, которая существовала только в воображении. К тому времени человечество уже не верило, что в высоких широтах есть неоткрытые материки и моря. Ученые доказали, что центральный арктический бассейн - это гигантский массив дрейфующих паковых полей. Что там искать?

Когда Пири со своими спутниками добрался до географического Северного полюса, ни у кого из них не было желания ликовать. Победа далась с таким трудом, что радоваться не было сил. Молчаливые льды окружали людей. Холодно светило низкое, равнодушное солнце. Громоздились торосы, которые на всем пути так изматывали путешественников... Вечером в дневнике Пири записал: "Наконец-то полюс. Приз трех столетий. Мечта и цель двадцати лет моей жизни. Наконец-то мой! Никак не могу в это поверить. Все кажется таким простым и банальным".

Добравшись до первого населенного пункта, Пири послал президенту США телеграмму: "Северный полюс в вашем распоряжении". И получил вежливо-иронический ответ: "Благодарю за щедрый дар, но не знаю, что с ним делать..."

Но пусть на полюсе были лишь льды, снега и торосы. Но были и двадцать три года борьбы. Был самоотверженный бросок к полюсу. И это не вычеркнуть из истории арктических путешествий.

Потом к полюсу летели воздухоплаватели. Мальчишками мы все упивались книгами о полетах Нобиле, Амундсена, Бэрда... И уже будучи взрослым, я столкнулся с именем Хуберта Уилкинса, который в 1931 году попытался дойти до Северного полюса на подводной лодке.

Это имя я услышал, когда плыл на научно-исследовательской подводной лодке "Северянка" в Северную Атлантику...

Помню, была полночь. Солнечная медь перекатывалась в зеленых волнах. Московское радио пожелало спокойной ночи и смолкло.

Несмотря на качку, мы более или менее сносно укрепили вещи, подвесили, где это было возможно, койки. Те, кому коек не хватило, соорудили лежанки из ящиков с провизией.

Перед сном мы вылезли на мостик покурить. Там несли вахту помощник капитана и матрос-сигнальщик. Солнце висело над горизонтом довольно высоко. Утробным басом гудел двигатель, выплевывая лиловые кольца перегоревшей солярки. За лодкой носились чайки. Высмотрев добычу, они пикировали вниз и выхватывали из волн тяжелую рыбу.

- Разрешите на мостик! - бойко крикнул штурман Гена Яловко, поднимаясь по вертикальному трапу.

- Добро! - отозвался помощник капитана.

Гена был одет несколько экзотически: шерстяная шапочка, кожаная меховая куртка-канадка, теплые брюки и... спортивные тапочки на ногах.

- Обморозишься!

- Бог не выдаст... - Гена шумно втянул свежий воздух. - Где оно, ясно солнышко? - Он нацелился секстаном и воскликнул: - Так я и думал!

- Что думал?

Но Гена уже спрыгнул вниз, к карте в штурманской каюте.

- Так я и думал, - повторил он, через минуту появившись на мостике. - Сидите вы здесь, нахохлились, как сычи, и не знаете, какое историческое место мы проходим. - Он обвел нас высокомерным взглядом и, насладившись нашим замешательством, проговорил: - Сейчас, именно в эту минуту, мы пересекаем курс "Наутилуса".

- Капитана Немо?

- Хуберта Уилкинса!

Поскольку об этом человеке мы ничего не знали, Гена стал просвещать нас. Уилкинс родился в Австралии в семье фермера. С детских лет он был свидетелем беспощадных засух, когда земля превращалась в

пустыню и люди умирали от голода. Он знал, что ледяные шапки Северного и Южного полюсов "делают погоду" обоих полушарий. И стал полярником.

Уилкинс решил исследовать Арктику на самолете. Он налетал тысячи и тысячи километров, но позднее для более детальных исследований решил использовать подводную лодку.

С большим трудом он выхлопотал у США субмарину, приговоренную по старости к уничтожению. На лодке стояли два дизеля по пятьсот лошадиных сил. Один из них двигал корабль по воде, другой заряжал батареи. Расчетная скорость определялась в надводном положении четырнадцать узлов, в подводном – десять. В действительности же лодка развивала гораздо меньшую скорость и имела очень маленький радиус действия, особенно когда шла под водой.

Отсутствие средств, спешка, а подчас и рекламный характер подготовки к трудному походу во льды предопределили грядущую неудачу.

12 августа 1931 года "Наутилус", как назвал Уилкинс свой корабль, вышел из Норвегии, держа курс на север. От острова Медвежьего он повернул к Шпицбергену и вошел во льды Арктики.

По пути то и дело выходили из строя двигатели, много времени уходило на их ремонт. Трагическим событием была потеря рулей глубины. Из-за этого лодка не могла погружаться. Основная часть исследований осталась невыполненной.

После этого похода не заходило и речи о каком-то новом плавании на "Наутилусе". Лодку пришлось затопить у норвежских берегов, так как она была слишком стара и немощна для суровых испытаний.

Умер Уилкинс в США в декабре 1958 года, и моряки американской субмарины "Скат", достигшие полюса и высадившиеся на лед 17 марта 1959 года, развеяли его прах по ветру. Так завещал человек, пытавшийся пробиться к Полярной звезде под водой...

Но ярче, притягательнее всего горела Полярная звезда для русских людей. Ведь к Ледовитому океану фасадом повернута вся Русская земля.

С полюса я однажды привез карту. В поездках по Арктике она служила мне верой и правдой. Эта непривычная, непохожая на другие карча. В центре ее – Северный полюс. От него, как лучи, во все стороны разбегались меридианы, соединяя тонкими ниточками острова и архипелаги. На этой карте было видно, что не так уж далеки от нас Гренландия, Северная Америка, а Аляска как бы протянула руку Чукотке, чтобы поздороваться.

По этой карте легче всего было изучать историю арктических путешествий. Мысы, заливы, острова, моря носят русские имена. Степан Малыгин, Витус Беринг, Дмитрий Овцын, Дмитрий Стерлегов, Федор Минин, Дмитрий и Харитон Лаптевы, Василий и Мария Прончищевы и много других русских путешественников увековечены на славной карте Арктики. Эти имена стали для нас примером благородного служения цели, достижению ее они отдали жизнь, совершая свои деяния во славу Родины.

Мог же Георгий Седов избежать гибели! Благоразумнее было бы послушаться товарищей, советовавших ему не рисковать. Благоразумнее... И все же многие, потрясенные трагической смертью, встали на сторону Седова. Сказал же годы спустя поэт Николай Заболоцкий:

И мы пойдем в урочища любые,
И, если смерть застигнет у снегов,
Лишь одного просил бы у судьбы я:
Так умереть, как умерал Седов...

Наверное, вышел бы победителем из схватки со льдами и Владимир Русанов, если бы более основательно подготовился к своему походу. И тем не менее мы чтим его за целеустремленность и самопожертвование, так свойственные русским первопроходцам, шедшим по дорогам Арктики.

...Ровно гудел мотор. Нос катерка цепко держался за спину бегущей волны. Вода как бы скатывалась в рулон, оставляя позади губчатый белый след.

Близился вечер. Я сидел за штурвалом, следил за счетчиком оборотов и дрожащей стрелкой компаса, которая все время норовила сползти вправо. Впереди не было никаких ориентиров, чтобы держать по

ним ровную прямую. Только четкая зеленая линия отделяла от океана сумеречно-голубое небо, где наверху начинала напряженно помигивать Полярная звезда.

Дима и Володя крепко спали, спрятавшись с головой в мешки. До плавания я видел их только дважды: в редакции и на вечеринке, когда нас провожали. Дома они пили пиво, танцевали, пели, рассказывали смешные истории. Ребята как ребята. В меру самонадеянности, честолюбия, упорства, снисходительности к старшим. Ну а как они поведут себя, если случится беда?..

Я вспомнил ребят из экспедиции "Комсомольской правды". Незадолго до своего знаменитого похода на лыжах к Северному полюсу группа Дмитрия Шпаро была у нас в редакции. С журналом в течение многих лет они поддерживали добрые отношения, и мы, старые "вокругсветовцы", дружили с некоторыми из них.

Мы собрались тогда в "вокругсветовской какт-компани" и разговорились о том, что же представляет собой экспедиция нынешнего дня.

Бессменный радист и соратник Дмитрия Шпаро Леонид Лабутин, не раздумывая, заявил, что прежде всего современные экспедиции имеют постоянную радиосвязь. Многие неудачи прошлого происходили от угнетающего действия неизвестности, неопределенности, ощущения забытости и рокового одиночества. Уникальная рация, сделанная Лабутиным, безотказно работала в пургу и мороз. Она и перекинула радиомост, по которому отправилась ледовая группа. По словам Леонида выходило, что радио играет сейчас чуть ли не решающую роль в любых экспедициях.

К техническому оснащению сегодняшних экспедиций нужно отнести и авиацию. Об этом сказал Дмитрий Шпаро. Именно самолеты рождали уверенность путешественников в своей безопасности. Все знали: что бы ни случилось, самолеты не оставят в беде.

В том памятном разговоре участвовал и общий наш любимец Валентин Иванович Аккуратов, превосходный человек и скромнейший из всех полярников, каких я знал. Мы вместе бывали в Арктике, много летали над Ледовитым океаном. Валентин Иванович первым привел к полюсу относительной недоступности самолет СССР-Н-169, которым управлял прославленный полярный летчик Иван Иванович Черевичный. Трижды садился он тогда на дрейфующие льды. Авиаторы и ученые жили в маленьких палатках, а вокруг расстилался недоступный белый мир, удаленный на полторы тысячи километров от земной тверди. Теоретики, предсказавшие мифическую Землю Гарриса, ввели их в заблуждение, никакой земли здесь не было. Зато белый медведь, которому, по прогнозам биологов, там быть не полагалось, нашел их. И это было очень некстати, потому что они верили биологам и не захватили с собой ружей...

Валентин Иванович говорил о своей работе так: "Штурман - как скрипач: день не поиграл, мастерство уходит. Летать надо, как можно больше летать".

И он летал всю жизнь. Он прокладывал самолету Михаила Водопьянова дорогу к Земле Франца-Иосифа, высаживал папанинцев, а потом тринадцать месяцев "дежурил" на острове Рудольфа, чтобы в любой момент прийти на выручку дрейфующей четверке. В годы войны Валентин Иванович водил самолеты в осажденный Ленинград, в дальние фашистские тылы к партизанам. А после снова полетел в сердце Арктики, туда, где не работал магнитный компас, где не слышно было радиомаяков, где тесно было меридианам и просторно полярным стихиям...

Двадцать два года Аккуратов занимал пост флаг-штурмана полярной авиации и, обладая столь высоким званием, продолжал все время летать. В его летной книжке записана уникальная цифра: двадцать четыре тысячи часов полета. Без малого три года прожил в небе этот человек.

Так вот, когда заговорили об авиации, Валентин Иванович полностью согласился с мнением Дмитрия Шпаро. Он напомнил, что известный японский путешественник Наоми Уэмура не смог бы в одиночку достичь на собаках полюса, если бы не был постоянно связан с авиабазой в Гренландии и самолеты не доставляли бы ему свежих ездовых собак, продовольствие, палатки и другие необходимые вещи. Да, он стал первым

одиначкой, которому покорился полюс, а его экспедиция была пятым по счету удачным походом на собаках со времен Роберта Пири. Но именно благодаря самолетам.

Ребятам Шпаро тоже много давала предварительная авиаразведка. Еще не ступив на лыжи, они уже знали, что встретится им на пути: ровный припай, торосы, широкая полынья или изломанный лед...

Третьей отличительной чертой экспедиций сегодняшнего дня, по мнению "шпаровцев", является то, что они выполняют большие научные задачи.

В путешествиях прошлого далеко не последнюю роль играли рекордсменство, случайность, спортивная удача. Сейчас их главная цель - научные исследования. Группа Шпаро в какой-то мере повторяла опыт Алена Бомбара, в одиночку переплывшего Атлантику на надувной лодке "Еретик".

Бомбар писал: "Когда корабль тонет, человеку кажется, что вместе с его кораблем идет ко дну весь мир... И даже если он найдет в этот миг спасательную шлюпку, он еще не спасен, потому что он замирает в ней без движения, сраженный обрушившимся на него несчастьем".

Пожалуй, именно Бомбар, положивший начало целому ряду научных экспериментов, и вдохновил ребят на благородную цель - изучить подлинные возможности человека в труднейших условиях, дать практические рекомендации людям, которые могли бы оказаться в аварийной ситуации.

После своих походов они писали отчеты в Институт медико-биологических проблем, излагая наблюдения над выживаемостью человека во враждебной среде, над динамикой взаимоотношений между людьми. Они ставили, к примеру, конкретную задачу - установить, сколько времени можно пройти на лыжах по льду, используя тот запас продовольствия, который человек в силах унести с собой. Брли продуктов на двадцать три дня. Рюкзаки весили по пятьдесят килограммов. С каждым днем вес на килограмм уменьшался, но все равно идти было очень тяжело. Такую нагрузку, понятно, могли вынести лишь тренированные люди. Рацион из сублимированных продуктов хотя и восстанавливал силы, но каждый из участников тем не менее терял за эти дни в весе около пяти килограммов.

Потом зашел разговор о том, как возникла сама идея похода на лыжах к полюсу.

- Такая идея не могла возникнуть в тридцатых - сороковых годах, - сказал Дмитрий Шпаро. - Хотя вышла уже горбатовская "Обыкновенная Арктика", человек на Севере был еще редким гостем. Он бы не рискнул на подобный переход, так как внутренне не был готов к нему. Даже лет двадцать назад она не могла родиться. Полярники первых станций "Северный полюс", например, заботились лишь о том, как обеспечить себя всем необходимым, как перенести полярную ночь, как сделать, чтобы домики при разломах льдины не ушли под воду... Иными словами, такая идея не могла родиться у них чисто психологически. Каждому овощу свое время.

- Не мог в то время возникнуть и такой вопрос, - продолжал Шпаро, - кто лучше перенесет такое путешествие: уроженец Севера или наш брат, житель большого города? Каюру незачем приспосабливаться к Северу. Он здесь живет. На Севере его дом, земля, небо. А горожанин? Интеллигент? Сложился же образ неумелого, рассеянного, неловкого чудака... А нынешний молодой интеллигент - большой работяга. В студенческом отряде он научился строить дороги, дома, штукатурить стены, управлять механизмами. Да и после института многие используют отпуск, работая на строительстве, чтобы иметь прибавку к зарплате. Мы своей экспедицией, кажется, доказали: чем более образован человек, тем больше вероятности, что он выживет. Казалось бы, математик, физик ничего общего с пургой или грузом в пятьдесят килограммов не имеет. Но он скорее приспособливается к обстановке, принимает более логичные решения в случае опасности...

В той же "вокругсветовской кают-компании" зашла речь и о психологической совместимости. О ней в полный голос заговорили в последнее время, пишут в газетах, журналах, обсуждают эту проблему на

научных конференциях.

- На примере нашей группы, - говорил Юрий Хмелевский, - ученые исследовали, по каким законам складываются отношения внутри группы, как образуются коалиции, как происходит подавление антипатий, кстати, неизбежных? Они сделали интересное наблюдение: в хорошей группе личная вражда не проявляется, зато она непременно реализуется после экспедиции. Субъективно так и выходило. Когда мы шли по океану, то создавали, что зависим друг от друга, и вольно или невольно пытались сгладить возникающие разногласия.

- Современная цивилизация загнала человека в размеренный, упорядоченный ритм, - добавлял Дмитрий Шпаро. - Восемь часов работа, восемь - сон, восемь - на все другие дела и досуг. В таком режиме много благ. Но, попадая в другую обстановку, слишком "зарегулированный" человек с трудом приспосабливается к новым условиям. Ему "цивилизация" начинает мстить. Большая часть нашего времени в походе тратилась на борьбу за существование. Как у первобытных людей. А организм протестовал, требовал газеты утром и телевизора перед сном. Хорошо еще, что мы вели тренировки и путешествовали не один год.

Я смотрел на Дмитрия Шпаро, человека, как бы от рождения запрограммированного на активную, без всякого отдыха деятельность, беспокойного, организованного, отзывчивого, и думал, что все же главную роль в успехе любого предприятия играет лидер. Один из виднейших психологов мира - Курт Левин, эмигрировавший в тридцатых годах из фашистской Германии, исследовал влияние психологической атмосферы на личность. Он сравнивал три модели правления - анархическую, демократическую и автократическую. Лучшие результаты давала модель демократическая. Между демократизмом и единоначалием нет большой разницы, если руководитель не подавляет личность, не выделяет любимчиков, не берет за горло железной хваткой, действует честно и справедливо, не вмешивается в мелкие ссоры, не лезет в вожди.

В любой группе есть связи формальные и неформальные. Одни руководят по должности, другие ведут за собой по призванию. Идеальный случай, когда то и другое совпадает. Но это бывает редко. Значит, нужно добиваться хотя бы приблизительного соответствия идеалу. Умелый, но нелюбимый командир, возможно, добьется успеха, однако весьма дорогой ценой. Обстановка в экспедиции будет тяжелой. Дмитрий Шпаро не ощущал себя лидером. Он попросту искал единомышленников. И редко ошибался.

- Все мы были "одной веревкой связаны", - говорил он. - В критический момент мы становились как пружина на боевом взводе. Когда продирались сквозь торосы, у нас не возникало никаких трений. А вот когда все шло гладко, раздражали, как ни странно, мелочи. Удручало, когда в ком-то я не чувствовал единомышленника. Вот мы искали остатки экспедиции Русанова. С нами были такие, кому неинтересно было искать. Они заранее убедили себя, что ничего мы не найдем. Пройтись интересно было, а что-то делать - скучно. Разумеется, от таких людей мы старались избавиться.

Дмитрий Шпаро провел в блокноте жирную черту.

- Итак, если подытожить все сказанное здесь, то на вопрос об особенностях современных экспедиций мы ответим так: это техническая оснащенность, физическая закалка, осознание важности поставленной цели... И конечно, готовность к риску.

Из массы приветствий, полученных ребятами после похода, особенно трогательным было посланное Туром Хейердалом: "Как потомок норвежских викингов, соотечественник Нансена и Амундсена, как человек, понимающий, что значит для путешественника впервые бросить вызов неведомому, я считаю, что достижение семерых советских людей великолепно. История исследования и покорения Арктики знает немало примеров мужества и героизма, замечательных побед и, к сожалению, неудач. То, что удалось сделать Шпаро и его товарищам, займет в ней почетное и законное место. Пройти на лыжах свыше полутора тысяч километров, заметьте, не по гладкой лыжне, а по коварным и тающим в себе опасные неожиданности льдам Северного Ледовитого океана могли

только отлично подготовленные, спаянные крепкой дружбой и общей целью люди. Они еще раз доказали, что тщательная, скрупулезная подготовка плюс отличное планирование похода – главные слагаемые успеха в таких путешествиях.

Мне не довелось штурмовать полюс, быть с теми, кто упорно шел на Север, доказывая себе и другим, что для человека нет ничего невозможного. Однако эти люди всегда были и будут для меня примером для подражания и восхищения. К числу таких людей я и отношу вашу отважную семерку, покорившую вершину Земли без вспомогательных средств передвижения..."

По этой экспедиции теперь долгое время будут равняться другие.

Кроме прочих заслуг ребята группы Шпаро показали прекрасный пример содружества с Арктикой, нашли с ней общий язык, помогавший в странствиях многим полярникам.

Вильямур Стефансон, знаменитый канадский полярный исследователь, написал в свое время книгу "Гостеприимная Арктика". Он доказывал, что человек всегда и везде, даже на дрейфующих льдах, может безбедно прожить, питаясь за счет охоты. А уж материковая Арктика в его описаниях выглядит чуть ли не курортом.

Это опасное заблуждение. Арктику нельзя считать ни "теплой", ни "гостеприимной". Сотни тысяч людей, которые строят в Заполярье города, добывают там нефть и руду, прекрасно это знают.

Арктика не прощает ни страха, ни панибратского отношения. Обе эти крайности опасны и вредны. В том-то и заслуга экспедиции "Комсомольской правды", что она нашла адекватные, соответствующие необходимости взаимоотношения человека с арктической природой, дала образец поведения человека в высоких широтах, показала пример подлинной дружбы и братства.

Ровесником членов экспедиции был и Дима Кравченко. Своей напористостью, энергией, целеустремленностью он даже походил на Шпаро. Но легче ли нам было от его максимализма? С первых же дней во взаимоотношениях у нас почувствовалась какая-то натянутость. Проявлялась она в мелочах. Например, мы хотели ехать на "той" – ненецкий праздник в тундре. Дима демонстративно отказался, заявив, что будет ремонтировать катер, хотя тот в спешном ремонте не нуждался. Если в столовой все ели котлеты, Кравченко брал бифштекс. И наоборот. Когда я хотел садиться за штурвал, Кравченко упрямо продолжал сам управлять катером. Просил я остановиться, чтобы сфотографировать что-то любопытное на берегу, – Дима вдруг проявлял чрезмерную торопливость. Разумеется, это все мелочи, но и в них мы были нетерпимы друг к другу.

Конечно, наше предприятие было несравнимо скромнее. Да и цель помельче. Мы получали удовольствие от самого процесса похода. Для альпинистов, например, восхождение на гору дорого само по себе. Какая радость, если тебя подбросит туда вертолет или фуникулер? Сознание, не подготовленное мускульным напряжением, никогда не сможет в полной мере оценить красоту гор и тревожных облачных далей. Совсем по-другому ты согласишься на каменистые утесы, ледники, обрывы и пропасти, если достигнешь их сам.

Некоторые места в Арктике мы могли бы просто перемахнуть на попутном сухогрузе, где "Замора" свободно уместилась бы среди корабельных шлюпок и катеров. Однако это нарушило бы намерение самим испытать древний поморский ход.

...Вдруг чихнул мотор. Катер резко тормознул, будто натолкнулся на булыжник. Машинально я сбавил обороты. Волна, на которой висела "Замора", ушла вперед, а другая надала сзади.

Сразу проснулся Дима, быстро выбрался из спального мешка, постучал ногтем по бензиномеру, как иногда стучат по остановившимся часам. Стрелка качнулась и уперлась в нуль.

– Где мы? – спросил Кравченко, разворачивая карту.

– По времени и скорости должны быть где-то здесь, – показал я на карте место.

Дима выглянул из рубки, долго смотрел на синевшую полосу берега, которая тянулась по правому борту.

- Чертовщина! - выругался он.

Мы считали, что бензина должно хватить до Усть-Кары. Однако никакого поселка на берегу не было. Видимо, хороший ход съел у нас все горючее. Если мы останемся сейчас посреди моря с заглушим мотором, катер очутится во власти волн. Даже если поднимем парус, то неизвестно, куда нас вынесет ветер. Или к югу, что было бы желательно, или к северу, где над горизонтом висела лилово-черная хмарь, отделяя траурной лентой зеленоватое море от такого же холодно-зеленого неба. Надо скорее поворачивать к берегу. Дима слил из канистр остатки, те, которые выплескивает с доньшка ведра любой шофер, опасаясь засорить бензопровод, настроил мотор на самые малые, экономичные обороты.

К нашей радости, на полоске берега показалось строение, но так далеко, что его трудно было рассмотреть даже в сильный морской бинокль. До строения попробуем дотянуть, но если там не окажется людей, то как доберемся до Кары?

Приблизившись, мы рассмотрели домик. На шестах, развеваясь как флаги, сушилось белье. Подойдя совсем близко, увидели множество собак. Псы рвались с цепей, оглашая округу свирепым лаем. Никто из избушки не вышел. Впрочем, хозяева могли спать - было всего четыре утра.

Подход к берегу оказался трудным. Здесь впадала речка и нанесла много песка. Потыкавшись по сторонам, мы наконец нашли основное русло. Вышли на берег и почувствовали, как закачалась под ногами земля. В море мы были больше двух суток.

В этом месте тундра не походила на амдерминскую. Цвели крупные ромашки, незабудки, пушица. Высокий берег на той стороне реки, видимо, надежно защищал от холодных западных ветров. На юге рыбьими спинами горбились сопки. Это и создавало здесь свой микроклимат.

Над избушкой закучерявился дымок. Мы взяли с собой хлеб, колбасу, сахар и пошли к хозяевам, надеясь заодно и позавтракать.

Белоногий щенок - помесь волка с лайкой - замахал пушистым хвостиком, как бы приглашая войти. Его не держали на цепи, как взрослых собак. Он не носился по тундре и не пугал песцов, которые в это время выводили потомство.

Изба оказалась просторной, чистой. На стенах висели ружья, патронташи, на тумбочке с книгами попискивала "спидола". Полы были застланы новыми ковриками, сшитыми из цветных лоскутков.

Здесь жил ненец Иван Лапландер с матерью Еленой и женой Александрой. Он занимался охотничьим промыслом. В Кару, в свой колхоз, ездил только за припасами, продовольствием, капканами и запчастями для моторки. Промышлял вместе с женой песка и получал неплохой доход. Жила с ними до недавнего времени дочь Наташа, но теперь она уехала в Салехард, в медицинское училище.

Иван, коренастый, с большими покатыми плечами, широкой грудью, прочным загаром, только что встал. Он не вышел навстречу, так как знал: если люди завернули в его сторону, то по делу. Такая же коренастая и широкая, как муж, Александра молча поставила на стол тарелки с вареной олениной, вяленой рыбой, соленым хариусом.

Позавтракав, мы рассказали Ивану о своей беде. Бензин у него был, и мы заправили бак и канистры по горлышко. Сам он тоже собирался в Кару.

- А далеко до нее? - спросил Дима.

Иван почесал заросший черными прямыми волосами затылок:

- Может, километров двадцать, а то и тридцать будет...

Выяснилось также, что фарватер на подходах к Каре хитрый, можно запросто сесть на мель.

- А зачем вам гонять свою моторку, - сказал Дима. - Садитесь с нами, обратно тоже кто-нибудь прихватит.

Иван подумал и кивнул:

- И то...

Теперь с нами были надежные провожатые - Иван и его жена.

У КАРЫ НА ДОЛГОМ ПРИКОЛЕ

Кара, или по карте Усть-Кара, раскинулась в том месте, где большая тундровая река Кара, родившаяся в ледниках Полярного Урала, впадала в Карское море. Длинная улица поселка одним концом упиралась в постройки бывшего аэродрома, другим – в склады местного колхоза "Красный Октябрь". Вдоль прочно сбитых и сшитых домов тянулся на высоких столбах тротуар. Летом, когда оттаивал слой вечной мерзлоты, эта дощатая дорога спасала жителей от неминуемых потерь: жирная грязь стягивала с людей сапоги.

Тротуар любили собаки. Одни из них валялись, греясь на солнце, не думая уступать дорогу прохожим, другие носились по нему, сбиваясь в стаи. Летом собаки дичали. Питались тем, что выбросят люди или море. Но зимой их загоняли в упряжки, они начинали нести службу, возили нарты от капкана к капкану, что были поставлены на песцов и росомах. Лохматые, угрюмые с виду псы зимой узнавали хозяина, свято хранили верность ему. Они самоотверженно кидались на белого медведя, если полярный гость забредал в тундру. Застигнутые пургой, они ложились в снег рядом с хозяином, согревая его своим теплом. Они тянули лямки изо всех сил, даже когда неделями не видели еды.

У здешнего охотника Митрофана Хантазейского, рассказывали, была собака, которая после смерти хозяина не смогла признать другого человека. Отчаявшись ждать, она ушла в тундру. Ее встречали каждый год на тех путях, где когда-то ставил Митрофан свои капканы...

В Каре как раз и застала нас непогода, которая до этого бродила вокруг да около. С близких ледовых полей сначала напал туман, потом пошел дождь со снегом. Выходить в море в такую погоду мы не решились.

Мы поселились в полузаброшенной гостинице аэропорта – единственном здесь двухэтажном доме. Об этой гостинице тепло вспоминали Громов и Водопьянов, Молоков и Слепнев – пионеры полярного неба. Это сейчас воздушные лайнеры проглатывают без заправки тысячи километров, но, когда авиация едва обретала крылья, Кару не могли обойти самолеты, которые направлялись на Таймыр и Чукотку, Полярный Урал и Ямал.

Недалеко от гостиницы, на самом краю летного поля, лежал умерший от старости самолет ТБ-1. Моторы с него были сняты. Остались лишь крылья да фюзеляж с гофрированной обшивкой. Такую обшивку перестали делать еще в тридцатых годах. Последними самолетами из гофрированного дюрала были наши ТБ-3 и немецкий транспортник Ю-52. Этот же лежащий в Каре самолет был, вероятно, еще старше. Крылья невероятной толщины и длины сохраняли прочность благодаря стальным трубам, от которых тоже отказались конструкторы позже. Но, судя по сохранившимся ремешкам на педалях управления в кабине летчиков, этот самолет летал еще тогда, когда в полярную авиацию пришел Ил-14. Конечно же, он развозил грузы по зимовкам "обыкновенной Арктики", забирал от охотников рыбу и пушнину, доставлял им дрова и продукты. Он работал до последнего вздоха, отказавшись от пенсии и ветеранских льгот, и теперь остался лежать на неприятной холодной земле как памятник прекрасному, полному романтики времени, когда учащенно билось сердце при словах "полюс", "пурга", "недоступность"...

Существует добрый обычай – сохранять старые заслуженные корабли. Не разрезать на металлолом, не распиливать на дрова, а давать им вечный прикол.

На вечной стоянке дремлют корабли-памятники у набережных Темзы в Лондоне. Здесь и "Дискавери", на котором Роберт-Скотт плавал в Антарктиде, и серая громада крейсера "Белфаст", сражавшегося с гитлеровским флотом в прошлую войну, и сторожевики – участники двух мировых войн. В Осло в специально построенном ангаре хранится знаменитый "Фрам", на котором исследовали Арктику и Антарктику Нансен, Амундсен и Свердруп. Здесь же крохотный парусник "Йоа" – на нем Амундсен первым обогнул с севера Американский материк. И конечно же, плот Хейердала "Кон-Тики" и папирусная лодка "Ра-2".

В Нью-Йорке стоят знаменитые парусные барки, шхуна "Пайонир", построенная в конце прошлого века, пассажирские суда и даже маяк, где

разместился музей судоходства.

Появились памятники-суда и у нас. Кроме исторической "Авроры" на вечную стоянку поднялись торпедные катера в Новороссийске, Калининграде и других портах, сторожевой катер МО-065 – единственный представитель класса морских охотников, получивший в войну гвардейский флаг.

Во Владивостоке стоит однотрубный кораблик "Красный вымпел", построенный в начале века. Он был одним из первых кораблей, положивших начало советскому Тихоокеанскому флоту. Недалеко от него, на Корабельной набережной, установлена подводная лодка С-56. Ее спустили со стапелей осенью 1941 года, а потом капитан-лейтенант Г. Щедрин, впоследствии вице-адмирал, провел ее через Тихий и Атлантический океаны в Северную Атлантику, где потопил несколько вражеских транспортов. После войны лодка по Ледовитому океану вернулась в Тихий. Она была в строю, пока не устарела. Некоторое время ее использовали как учебный корабль, где проходили стажировку будущие подводники.

Но участь других кораблей, заслуживших полное право стать памятниками, печальна: их разрезали на металлолом. До сих пор с глубокой болью ветераны Арктики вспоминают о переплавке ледокола "Ермак".

В последние годы в некоторых крупных аэропортах на постаменты подняли самолеты Ил-18, Ту-104 и другие. Самолет в Каре мог бы тоже стать памятником прокладывания первых арктических трасс.

Плеяду полярных летчиков знает вся страна. Но были и такие, кого обошли вниманием, не заметили за сиянием звезд первой величины. Что ж, видно, страницы истории набираются разными шрифтами...

Не раз переживал непогоду в Каре Отто Артурович Кальвица, пионер полярного неба. В Арктику он попал с экспедицией Георгия Ушакова в 1926 году. На борту парохода "Ставрополь" стоял маленький гидросамолет Ю-13. Летчик должен был опробовать его в северных водах. Экспедиция высаживала переселенцев на остров Врангеля, откуда два года назад канонерка "Красный Октябрь" изгнала иностранцев, собиравшихся навечно оккупировать остров.

Помогал разгружать пароход и пятнадцатилетний чукча Нанаун. Он и сейчас жив и помнит, как летчик собирал самолет, а потом взлетел. Машина пролетела над толпой с таким грохотом, что некоторые от испуга упали на землю.

Потом вместе с Кальвицей поднялся Ушаков. Полет помог исследователю составить полное представление об острове, нанести на карту более точные его очертания. После полета Кальвица сказал:

– Как видите, Георгий Александрович, не только остров, но и небо теперь в наших руках.

Кальвица был сын бедняка-арендатора в Финляндии. Служил в царском флоте. Во время революции вступил в Красную гвардию, сражался с шюцкоровцами, маннергеймовскими белогвардейцами. В числе последних защитников Котки попал в плен. Трибунал приговорил Кальвицу к смертной казни, которую позже заменили каторгой. Отто Артуровичу удалось бежать. С трудом добрался он до Петрограда. Здесь он поступил в школу морских летчиков. Боевое крещение получил в схватках с авиацией Юденича, подавлял кронштадтский мятеж.

В 1925 году вместе с Борисом Чухновским он вел ледовую разведку для судов Карской экспедиции, которая возвращалась из Сибири с хлебом и экспортными грузами.

Полеты в Арктике и работа на Новой Земле помогли Кальвице накопить достаточный опыт, чтобы летать в условиях плохой видимости, при отсутствии хороших ориентиров над морем, тайгой или тундрой, совершать посадки на береговые косы.

Когда снаряжалась экспедиция к острову Врангеля на ледокольном пароходе "Литке", в ее состав был включен и Отто Артурович. Пилоту вменялось в обязанность пролететь от Берингова пролива к устью Лены и разведать ледовую обстановку. В залив Лаврентия на Чукотке пароход доставил небольшой гидросамолет В-33. Кальвица с механиками собрал его, опробовал в воздухе и вылетел на мыс Северный. Здесь он захватил представителя Совторгфлота Г. Д. Красинского и взял курс на остров

Врангеля.

Было лето. Дымили полыньи и разводья. Тучи птиц кормились здесь рыбой. Наконец показался остров, покрытый пятнами снежников. Кальвица сбавил обороты и пошел на посадку в бухту Роджерса.

К берегу прибежал доктор с красным флагом в руках. Из-за мыса приплыл, торопливо работая веслами, Ушаков с добытым моржом. Все обнялись, как старые друзья.

Кальвица начал работу. Он выдерживал точный курс, скорость и высоту, "писал галсы", а Красинский составлял ледовую карту. Потом они слетали в Среднеколымск, где стояла мощная радиостанция, связались с Москвой и передали сводку о погоде и льдах в Чукотском море. Она предназначалась для "Литке", идущего к острову Врангеля.

Пролетая над Леной, гидросамолет потерпел аварию. С лопнувшего вала сорвался винт. Кальвице удалось посадить машину на воду.

- Отлетались! - огорченно произнес пилот.

- Зато выполнили задание, - успокоил Красинский. - Мы налетали больше пяти тысяч километров! Разве кто до нас делал такое?!

Караван барж подобрал гидросамолет. Вскоре около каравана приводнился пилот Виктор Галышев. Он доставил летчика в Якутск. Кальвицу встречали как героя. Его пригласили на заседание Совнаркома республики, где летчик рассказал о своих полетах, об экспедициях в Арктике.

Кальвица остался в Якутске на постоянной работе. Он передавал свой опыт молодым пилотам, организовывал посадочные площадки, открывал и осваивал новые трассы, хлопотал о присылке самолетов, в которых особенно остро нуждался этот край, где еще совсем не было дорог.

В 1931 году Отто Артурович с бортмехаником Леонгардом попал в буран. Пилот, видимо, хотел снизиться, чтобы сориентироваться, но самолет ударился о сопку. Авиаторов нашли через несколько дней. Их похоронили в Иркутске. Позже на месте гибели установили памятник...

И сколько было еще таких летчиков, которые на несовершенных аппаратах, без связи с землей, не зная прогнозов, летали по северным трассам! И когда непогода закрывала небо, они находили приют в таких гостиницах, как в Карском аэропорту, и тут рождались были и небылицы, смех и шутки, забавные розыгрыши и жаркие споры, хорошо знакомые в среде бывалых людей.

...В бывшей летной гостинице вместе с нами жил охотовед Леша Рыхлицкий. Он недавно вернулся из тундры, где провел все лето, и теперь ждал попутного самолета в Нарьян-Мар. Длинными сумеречными вечерами Леша взволнованно рассказывал о своей работе:

- Сам-то я иркутский. Охотился с малых лет. ПопадетсЯ на глаза сломанный кустик - ага! Лось рвался, испугался чьего-то выстрела. А вот у маличника мягкая трава - медведь валялся, давил комаров. Или на голой ветке висят грибные шляпки - белка запасала на зиму корм. Наткнусь на медные монетки кедровой шелухи, знаю - это грыз орехи прожорливый соболь...

Алеша лежал на кровати, закинув руки на затылок, полузакрыв глаза. За окном то завывал ветер, то стихало, и по стеклу, как слезы, текли капли дождя.

- Помню, меня мучили загадки. Почему, к примеру, вегетарианец-заяц иногда поедает куропаток? Или песец разрывает песка? После школы я не раздумывал, куда идти. Ясно - на охотоведческое отделение. В Иркутском сельскохозяйственном институте есть такое. На первую практику, думал, пошлют в родную тайгу. Но направили в Нарьян-Мар. И знаете, здесь я, что говорить, нашел себя.

Алеша приподнялся на локте.

- Вы слышали о работах Петра Андреевича Рочева и Василия Платоновича Макридина? Так вот, они изучали, как приспосабливаются дикие животные к обитанию на культурных, уже освоенных людьми пространствах. Важно это? Конечно! Ведь чем активнее человек вторгается в природу, тем больше влияет это на животных. Одни виды исчезают - либо их истребляет человек, либо они погибают, лишившись кормов и укрытий. Другие приспосабливаются к жизни вблизи человека, изменяют свое поведение, физиологию, даже окраску и размеры. Белые

медведи все чаще стали приходить к жилью. Приблизились к человеку горностай, ласка, песец, волки... А почему? Отчего? – Алеша обвел нас взглядом. – А ответ простой. Тракторы и везде ходы нарушили моховую дернину. Это привело к более глубокому протаиванию мерзлоты. Образовались богатые кормами лужи. К ним перебрались чайки и другие птицы, грызуны. Вслед за грызунами двинулись песцы, волки... Проблема совместимости человека с животным миром очень заинтересовала меня. Так после института я стал биологом-охотоведом в Нарьян-Маре...

Под кроватью Алеши стояли резиновые болотные сапоги. Подошвы были истерты настолько, что исчез ребристый рисунок.

Прошлой зимой выпало много снега. Весной тундра раскисла. Даже на взгорках было мокро – ни присесть, ни лечь. Вода залила песцовые норы, самки щенились прямо среди травы, устроив гнездо за кочкой или под кустиком. При ходьбе приходилось смотреть под ноги, чтобы ненароком не раздавить щенят.

Алексей считал норы и временные лежки, разумеется, не ради любопытства. Такую работу выполнял любой охотовед каждую весну и лето. Установив численность песца на контрольном участке (сто на сто километров!), Алеша определял, сколько зверя наплодилось на всей площади, давал рекомендации охотникам. Брать песца полагалось не более шестидесяти штук из ста, сорок зверьков оставлялось на развод.

Одновременно он считал норы леммингов, красной полевки, чтобы определить кормовые запасы для песцов.

В летней тундре Алеша видел молодых песцов, похожих на облезлых, длинноногих щенков с куцыми тонкими хвостиками. Ни один уважающий себя охотник не стал бы связываться с таким заморышем. Но зимой этот зверек надевал роскошную белую шубу, распускал пушистый хвост, как будто наряжался на праздник. Тогда-то и начинался охотничий сезон.

В полевой дневник Алексей заносил столбики цифр, любопытные наблюдения, некоторые свои мысли. Он мерил километры крепкими, длинными ногами, питаясь морошкой, брусникой, грибами, мясом гусей и уток, остро приправленным дымом костров. Много ночей провел он, закутавшись в брезент палатки от холодного ветра и сырости. В безлюдном пространстве особенно громко кричали лебеди на озерах, робко шебаршили мыши, крикали утки, шумели полярные березки.

Этот человек знал, что здесь, на Севере, главное материальное богатство – животный мир. За зверем и раньше ходили сюда охотники, купцы. На вес золота ценились меха, моржовая кость, шкуры полярных зверей. Ради этого страдали, мерзли, нередко гибли. Люди считали себя пришлыми. Но сейчас появлялась новая порода северян. Эти люди уже не меряли здешнее богатство рублями, которые можно спрятать в кошель. У них богатство создавалось из точного учета, умелого хозяйствования, с большим прицелом на будущее. Поэтому и ходил охотовед Алексей Рыхлицкий по тундре от одной промысловой избушки к другой, учитывал водоплавающую птицу, следил за жизнью лис, росомех, песцов, диких оленей, отстреливал волков, если их оказывалось в каком-то месте больше разумных пределов.

– Это ж надо умудриться, чтобы здесь, на Севере, остаться без пушнины! – восклицал Алеша. – Местный колхоз несколько лет назад едва сводил концы с концами. Ни машинного парка, ни катеров... И огромные долги государству. Почему? Просто не умели считать. Валили что под руку попадется. Брали что на мушку сядет или угодит в капкан. Потом поняли – сократили охотничий сезон, определили сроки, снизили на некоторое время план. Снова размножился зверь. Купили моторы, катера. Стали в море ловить гольца, омуля, навагу. Одиннадцать тысяч оленей в тундре пасутся. А промысловики-охотники – вы же знаете Ивана Лапландера, он с вами сюда ехал – так дают до сорока процентов белого песца по плану заготовок всего Ненецкого округа! Это ведь тоже надо суметь!

– Ну а почему все-таки заяц ест куропаток, а песец – песца?

Алеша рассмеялся, вскочив с кровати, принес из кухни кружку чая:

– Да очень просто. Бывают и у них голодные годы. И с отчаяния сильный песец разрывает своего сородича, который наелся леммингов. А вегетарианец-заяц потрошит куропатку, чует в зобу разбухшие почки...

Далеко за полночь расходились мы по своим комнатам, ложились спать в надежде, что утром распогодится и мы сможем продолжать плавание. Засыпали под аккомпанемент порывистого ветра, тяжелого шума дождя и скрипа старого дома. Но утром лил тот же дождь и выл тот же ветер. Первое время мы еще ходили на метеорологический наблюдательный пост, где тихий, робкий синоптик запрашивал у соседей прогноз, а потом и ходить перестали – и так было видно, что ветер и обложные дожди обосновались здесь надолго. На собственном примере мы убеждались в нелегкости Северного морского пути. Трудность была не только в том, что плыть приходилось вдоль малолюдного, почти дикого берега, но и в том, что коварно и быстро менялась погода. Дело шло к осени, короче становились дни, то обрушивались дожди, то бушевали штормы, то ложились плотные туманы, и редко-редко проглядывало солнце и наступал короткий штиль. Для судов с их совершенными приборами и радарам плохая погода – пустяк, но для нашего катерка плавание в этих условиях было почти таким же рискованным, как для коча Дежнева.

Свое плохое настроение Дима срывал на других. Правда, он не ругался, не кричал. Давил молчанием. Он не мог есть тушенку с макаронами, хотел молочной каши. В магазине, как на грех, не было стуженки. Володя сварил манку без молока. Дима попробовал и отшвырнул ложку. Целыми днями он валялся на кровати, не писал, не читал, а только буравил потолок своим тяжелым, злым взглядом, как приговоренный к смерти.

Истощив запасы терпения и решив, что хуже погоды не будет, Дима решил выйти в море.

"Замора" стояла на якорю далеко от берега. В волну на лодке подойти к ней мы не смогли. Тогда Дима и я облачились в гидрокостюмы и начали прямо по воде перетаскивать вещи и канистры с бензином. Последним на Диме "переехал" Володя Савельев.

Завели мотор, отрегулировали обороты. Нам нужно было пересечь довольно широкую Байдарацкую губу, выйти к полярной станции Марресале. Мы надеялись не сесть на мель, не наскочить на подводные камни, как-нибудь справиться с волнами. Лишь бы выйти из запутанного, мелководного русла Кары.

Вдруг со стороны верховьев послышалось захлебывающееся гудение подвесного мотора. В серой пелене дождя показалась "казанка". Волны играли лодкой, как игрушкой. Вода с носа поднималась фонтаном и обдавала с головы до ног рулевого, скорчившегося на корме. Человек круто развернул "казанку" и осадил ее рядом с нами.

– Вам жить надоело? – крикнул он.

– А вам? – резонно ответил Дима.

– Мне положено. Я медик...

Так, весь мокрый, с посиневшим лицом, предстал перед нами фельдшер местной больницы, знаменитый в здешних местах Валерий Молчанов.

Увидев надпись на борту – "Москва – Архангельск – Диксон", Валерий посчитал нас людьми бывальыми и больше отговаривать от поездки не стал. Он даже вызвался провести нас по мелководью в устье Кары, хотя и сильно замерз. Прикрывая мотор полкой куртки, он прибавил газ и понесся вперед. Мы малым ходом двинулись за ним, едва не задевая килем дно. Делая зигзаги, "Замора" выбралась наконец к створу, обозначенному двумя маяками. Валерий помахал на прощание и повернул обратно.

Мы прорвались через линию прибрежных бурунов и вышли в открытое море. Здесь гремел и ухал настоящий шторм. "Замора" едва не вставала на дыбы. Пришлось держать нос к волне, иначе ветер перевернул бы катер и мы пошли бы сразу на дно, поскольку никакого запаса плавучести у "Заморы" не было...

Компас показывал 30 градусов. Плюс 25 градусов магнитного склонения. Значит, истинное направление – 55 градусов. А чтобы попасть в Марресале, надо было держать строго на восток. Следовательно, мы волей-неволей уходили мористее в океан. Вскоре ветер стал заворачивать. Пришлось держать курс по компасу – сначала 15, потом ноль градусов. Иными словами, мы помчались прямо в эпицентр циклона.

К ночи разразилась гроза. Суматошно запылали молнии. Как

раздираемый брезент, только еще оглушительнее, загремел гром. Мы не могли держаться на ногах. Палуба плясала отдельно от нас, мы летали от стенки к стенке сами по себе.

Вдруг вхолостую завыл мотор. Дима бросился к люку. Оказывается, он забыл законтрить гайку, которая удерживала вал гребного винта. При работе винта гайка сползла с нарезки, вал ушел в воду, повиснув на честном слове. Кому-то надо было прыгать за борт, чтобы подтолкнуть вал с винтом на место. Проклиная всех и вся, Дима натянул гидрокостюм, привязался шкертиком к борту, спустился в воду. Володя вцепился в вал, чтобы он не ушел на дно. В темноте я пытался осветить ему фонариком, но тут ветер развернул катер, его стало класть с борта на борт. Пришлось срочно поднимать парус, как-то держаться на волне.

Ремонтировались долго. При слабом свете фонарика, в качку пришлось отвинчивать все гайки крепления реверса, снимать его, подгонять тягу, центровать, снова крепить болтами. В спокойную погоду работа не отняла бы часа, но сейчас винты, гайки и ключи выскальзывали из рук, норовя забиться под шпангоуты, откуда их мог извлечь разве что фокусник.

Ветер изменился снова, стал прижимать катер к берегу. В темноте разглядеть что-либо было трудно, но, судя по шуму волн, бьющихся о скалы, берег приближался. Дима с Володией все еще копались в моторном отделении. Я изо всех сил пытался удерживать парусом катер от сноса, но "Замору" все равно тащило к суше.

К рассвету я уже не имел представления, где мы находимся. Я принаравливался к ветру, часто менял галсы.

- Скоро вы там? - кричал я, наклоняясь к люку.

- Держись еще десять минут! - отзывался Дима.

Но проходило и десять минут, и двадцать... Когда, казалось, "Замору" вот-вот бросит на камни, я клал парус на новый галс, выгадывая метры. В этот момент катер почти ложился на борт.

- Еще десять минут! - кричал Дима.

В сумеречном свете стал различаться берег - незнакомый, обрывистый, из темного песчаника. У самых камней дыбились и кипели фонтаны воды.

Наконец Дима завел мотор. Как следует затянуть и законтрить гайку вала все же не удалось. На середине Байдарацкой губы шторм мог бы окончательно растрепать катер, да и на двигатель оставалось мало надежды. Пришлось искать обратную дорогу в Кару.

Новый накат густого тумана застал нас у входных маяков. Красные пятна фонарей сразу же скрылись в темно-серой мгле. Где действуя шестом, где прыгивая в воду, мы отыскивали фарватер. Как на скверной фотографии, появилось покосившееся двухэтажное здание знакомой гостиницы. Мы снова стали на якорь напротив нее...

Встретил нас тот же Валерий Молчанов. Увидев из окна "Замору", он быстро растопил печь, вскипятил чайник, поставил разогревать вчерашний суп из консервов, изрядно уже надоевший за дни нашего сидения в Каре.

- Проводил вас, и на душе заскребло, - говорил он, помогая перетаскивать спальники в дом. - Плыть в такой ветер по открытой воде - с ума сойти! Мне ли не знать...

Несмотря на молодость, Валерий успел поколесить по белу свету. После десятилетки работал на химическом заводе, поступил в медицинское училище, служил в Забайкалье, Казахстане, на монгольской границе. Какая нелегкая понесла его в Амдерму, он и сам толком объяснить не мог. Просто захотел посмотреть Север. Поработал плотником в порту, потом решил все же вернуться к основной специальности - стал фельдшером в Красном чуме. Научился, как ненцы, есть сырую печенку, управлять оленьей упряжкой, кочевать по зимним пастбищам и летовкам, переплывать через холодные тундровые речки. На становищах, в промысловых избушках приходилось быть и терапевтом, и стоматологом, и хирургом, и акушером. Где еще мог найти врач такую богатую практику! Свою работу он выполнял с удовольствием, с восторгом и всюду в округе был желанным гостем.

...А стены гостиницы по-прежнему сотрясал ветер, и в окна пулеметной дробью стучал дождь...

Потянулись тягучие, сонные, безрадостные дни, похожие один на другой. Изредка наш быт разнообразили маленькие новости, но и они не радовали. Пробились по Каре с Полярного Урала туристы на байдарках и резиновых лодках. С грохотом и гвалтом заняли они пустующие комнаты, начали терзать гитару. Они ждали случайного самолета, чтобы попасть в Воркуту, Нарьян-Мар или Амдерму, а оттуда домой – в Ленинград, Москву, Ярославль.

По вечерам к нам приходил ненец Алексей Хантазейский, рассказывал, как в войну под Мурманском на оленьей упряжке подвозил на передовую патронные ящики и снаряды, а оттуда увозил раненых и обмороженных. Он дымил трубкой, набитой крепчайшей махрой, и цокал, приговаривая в конце каждой фразы "Ай, беда, беда..."

...Через несколько дней шторм стал стихать. По крайней мере перестали звенеть стекла. Не мешкая ни минуты, мы перетасили на катер свои спальные мешки и отчалили.

В Байдарацкой губе над "Заморой" еще потешилась крупная волна, но небо начало очищаться. Карский берег спрятался в лиловой хмари уходящего циклона, а кругом раскачивалось и пенилось море...

В какой-то момент все вдруг изменилось. Вода налилась синью. В глаза ударило солнце. Как давно мы не видели его! Солнце оказало прямо-таки магическое действие. Все неприятности показались ничтожными. Обиды забылись. Теперь мы двигались к цели и, кажется, в силах были побороть и отчаяние, и напряженность в отношениях, и тоску по дому.

Мы разложили на палубе мокрое белье, улеглись на надувную лодку и лежали так, подставив лучам изжелта-белые лица. Когда проходило два часа, кто-то из нас спускался в каюту, садился за штурвал, а другой занимал освободившееся место под солнцем.

Берег показался вечером. Это был Ямал. Хотя мы держали по компасу более или менее правильный курс, но вышли километров на десять севернее полярной станции Марресале. Все же трудно было рассчитать курс без самых элементарных навигационных инструментов и точной карты, полагаясь только на интуицию и тот самый спичечный коробок размером пять на три с половиной сантиметра... Возникло желание повернуть прямо к Харасавзю, тем более что одну станцию от другой отделяло всего восемьдесят километров. Но Дима, поглядев в горлышки канистр, решил, что горючего не хватит, и повернул "Замору" к Марресале.

Лоция сообщала, что эту станцию основало еще в 1913 году Российское телеграфное агентство. Здесь же действовала фактория, скупающая у населения пушнину.

Мы прошли мимо речушки Марреяга, за которой на высокой горе виднелась радиомачта. Дальше берег высоким уступом обрывался к морю. В одном месте лежали груды кирпича. Берег, избитый морем, обвалился, и дом старой станции рухнул в воду.

Некоторое время мы пытались подогнать "Замору" прямо к берегу, но не позволяли мели. Дима дважды выстрелил из ружья, однако его никто не услышал. Я облачился в черно-желтый, как у Арлекина, гидрокостюм и, борясь с довольно крупной волной, пошел к станции. Здесь тоже вчера шел дождь, ноги скользили по глине, когда я стал взбираться на гору.

Первой меня увидела женщина-кок. Она вышла из кухни, и тут ее внимание привлекла моя клоунская одежда. Она кликнула людей. На крыльцо выбежало несколько парней. Кто-то из них держал на всякий случай карабин. Они провели меня к начальнику станции. Им оказался Саркис Айрапетович Саркисов, старый полярник, о котором я был давно наслышан. Он сказал, что нам надо бы входить в русло Марреяги – там глубоко. Поскольку уже совсем стемнело, он послал на помощь Жору Боцяновского, который здесь работал механиком, ведал всем подвижным транспортом – водил гусеничный трактор и небольшую "дору".

Мы пошли на берег. Я попытался взять Жору на плечи, чтобы донести до катера, но, протащив его по глинистому дну метров тридцать, отказался от этой затеи. Махая руками, мы побежали вдоль берега. Дима понял нас. По знакам Жоры он подогнал "Замору" к речке и, ориентируясь по ряби, провел ее в русло.

На станции нас уже ждал великолепный ужин. С истинно восточным

гостеприимством встретил нас Саркисов. Люди здесь соскучились по гостям: ведь они работали в самом далеком углу полуострова, в стороне от хожёных дорог.

Видно было, что жили они дружно. Самому молодому, Вите Загребневу, недавнему выпускнику Ленинградского арктического училища, было лет двадцать, Саркисову шел пятьдесят пятый, но никто не ощущал здесь этой разницы в возрасте. Люди привыкли уважать друг друга, всем приходилось переносить одни и те же тяготы и радости.

Одно отличало Саркисова от них – начальник повидал столько, сколько не довелось никому из них. Саркис Айрапетович родился в Туркмении, куда отец отправился строить Чарджоуский мост. Подросток поехал искать счастья в Москву. Здесь прибил к "Мосфильму". Был помощником режиссера на съемках фильмов "Весна", "Адмирал Нахимов" и других. А потом отправился в Арктику. Зимовал в Харасавэе, Маточкином Шаре, Русской Гавани, на Шпицбергене, в Столбовой на севере Новой Земли. И на каких бы полярных станциях ни был Саркисов, всюду с ним зимовала жена Мария Сергеевна. Когда она умерла, Саркисов исполнил ее последнюю волю – похоронил там, где она родилась и выросла, – в Москве.

Мы разговаривали до поздней ночи. Саркис Айрапетович рассказывал о том, как медленно падала с обрыва старая станция, как строили новую, как, начав работать механиком, осваивал он полярные профессии – радиста, метеоролога, аэролога, магнитолога.

Утром ребята собирались топить баню, приглашали нас. Но как ни соблазнительно было предложение, мы решили воспользоваться хорошей погодой, чтобы пораньше уйти к Харасавэю.

Саркисов провел нас в свою комнату, развернул подробную карту.

– Только все время держитесь мористой, – предупредил он. – Не дай бог вам попасть в Шараповы кошки...

На карте в двадцати километрах от мыса Марресале далеко в море дугами выдавались отмели – это и были Шараповы кошки. Кто их так назвал, неизвестно. Саркисов сказал еще, что на этих коварных, вязких, как гнилой Сиваш, отмелях погибло много людей, отчаявшихся выбраться из трясины и дикой болотистой тундры, где не пасут оленей и вообще нет поселений.

– Прорветесь через Шараповы кошки, считайте себя в безопасности, – сказал Саркисов и пожелал спокойной ночи.

Нас положили в кают-компанию, заставленную книжными полками.

На рассвете Жора Боцяновский помог заправиться горячим. После сытного завтрака, щедро снабженные сигаретами, хлебом и консервами, мы отправились дальше. На высоком берегу долго маячили темные точки – это провожали нас гостеприимные полярники Марресале.

ШАРАПОВЫ КОШКИ

Когда выходили из русла Марреяги, никто из нас не предполагал, что случится беда. Мы думали в тот же день "добежать" до полярной станции Харасавэй, стоящей на мысу с тем же названием.

Но всего сутки держался антициклон. Как только исчезли берега, с севера пришел могучий заряд тумана. Скрылось солнце, задул ветер. Арктика оставалась Арктикой...

Володя занял место за штурвалом. Мы с Димой забрались в спальники досыпать.

Поднималась зыбь. Ветер дул с норда, Володя держал катер носом к волне. Не полагаясь на компас и не зная точного магнитного склонения, поскольку у нас была очень старая карта, мы не в состоянии были выдерживать правильный курс. Володя, а вслед за ним и Дима, сменивший его, подворачивали катер на ветер. А ветер, как выяснилось позже, все время менялся, делаясь северо-восточным. Слишком поздно, на наше горе, мы догадались об этом...

Ввел в заблуждение и мыс, который мы приняли за тот, что обозначал на карте Шараповы кошки. Нужный мыс мы, оказалось, давно проскочили, а это был другой, расположенный севернее.

Словом, мы прямым ходом врезались в Шараповы кошки.

Произошло то, чего опасался Саркисов, когда так настойчиво советовал держаться как можно мористее.

Теперь с одной стороны тянулась заболоченная тундра, с другой – наносы векового ила, которые кое-где поднимались из воды, превратившись в островки.

Надо бы, конечно, сразу поворачивать обратно, выйти прежним фарватером из западни, но это было не в характере Кравченко. Он начал гонять катер по сторонам, надеясь прорваться к морю через мели. Винт молот илистое дно, за катером тянулся бурый след. Потом катер пополз на брюхе. Дима поворачивал в другую сторону, шел до новых наносов, теперь уже потеряв всякое представление о том, где находится судно. Перемутили всю воду. Она стала похожа на кофейную гущу.

Чем яростнее мы пытались вырваться из мелей, тем глубже засасывали "Замору" Шараповы кошки. Чтобы уравновесить корму и нос, мы бегали по палубе, перетаскивали с места на место самый тяжелый груз, помогали веслами. Наконец катер увяз настолько, что пришлось спускаться в воду и толкать его, толкать до тех пор, пока в глазах от напряжения не завертелись красные круги. Мы опасались, что трясина может окончательно засосать катер, поэтому продолжали тянуть его по мелям. Но наступила ночь, и мы совсем обессилели.

То же самое мы делали следующий день. И еще день...

Еды мы с собой взяли не так много, побоялись утяжелить катер. Вскоре продукты кончились. Мокрые, голодные, замерзшие, мы взобрались на палубу, едва вытащив из вязкого ила сапоги.

Катер прочно стоял на мели. Дима в отчаянии уронил голову на штурвал. Володя отрешенно глядел в сторону горбившихся вдали кошек. Они поднимали над водой черные спины, похожие на китов, и им не было конца. Чтобы согреться, я полез в спальный мешок, роскошный, лебяжьего пуха, легкий и теплый. Его дал мне в поездку друг Володя Зябкин, с которым я познакомился на Тянь-Шане во время походов на Хан-Тенгри и пик Победы. В то неимоверно тяжелое, опасное восхождение мы устанавливали у вершин-семи тысячников 160-килограммовые осадкомеры. Когда мы возвращались, продукты, сброшенные нам с вертолета, – он не мог на такой высоте зависать и летел на большой скорости – разбились о лед и рассыпались. Целую неделю мы не видели ни крошки, и от голода нас шатал даже легкий ветерок, а спустившись с ледника, мы набросились на траву. Тогда тоже можно было прийти в отчаяние. У нас не было рации, путь преграждали бездонные трещины, запорошенные снегом, огромные глыбы льда и камни, грудь разрывало от недостатка кислорода, лицо покрывала короста от солнечных ожогов, из ушей и носа текла кровь, помощи ждать было неоткуда. Но все семеро еще теснее сплотились перед бедой. Мы чувствовали: только в этом было спасение. И верили, что невзгоды кончатся, мы дойдем до людей, погибнуть в одиночку никто не даст и никто не позволит тебе упасть духом.

Сейчас положение было несравнимо легче. В крайнем случае мы могли бы выйти пешком к берегу, дойти до Харасавэя тундрой и там организовать спасение катера. Пока было время и силы. Но Дима запротестовал, срываясь на крик:

– Ты думаешь, я брошу катер?! Ни за что!

– С ним ничего не случится. Он прочно стоит на мели...

– А вдруг ветер нагонит воду? Вдруг поднимется шторм? От "Заморы" останутся щепки!

– Кабы да абы...

– Смотри! – Дима попытался, правда безуспешно, призвать в союзники Володю. – Приходит какой-то пижон и начинает командовать!

– Никто не собирается командовать за тебя! Сейчас речь о другом.

– Капитан гибнет вместе с кораблем!

– Здесь не Цусима, и неприятель не тот, чтоб перед ним козырять своим геройством...

Словом, спор привел к жестокой ссоре. Оттого, что с первых дней

путешествия отношения как-то не клеились, все время нагнеталось напряжение, все ярче проявлялись бонапартистские замашки, непомерное честолюбие и самомнение Димы, ссора вышла безобразной, грубой, шумной и особенно абсурдной в нашем положении. Конечно же, ничего такого не произошло бы, отнесись мы терпимее друг к другу. Да и не засели бы мы в эти чертовы Шараповы кошки, будь у нас хоть какие-нибудь навигационные приборы, линейки, циркули, транспортир, хорошие современные карты, рация, о чем должен был позаботиться Дима в первую очередь перед тем, как отправиться в арктическое путешествие. Только из непомерного апломба он пренебрег всем этим.

Высказав все, что думали друг о друге, и не примирившись, мы расселись по своим углам, закутавшись в спальные мешки.

У нас на "Заморе" был слишком маленький коллектив. Мы не могли объединяться в группы, создавать коалиции, чтобы вырабатывать ту или иную точку зрения. Каждый из нас сам и по-своему отстаивал свою правоту. Дима Кравченко, человек взрывного, агрессивного характера, полностью подавил молчаливого Володю Савельева, а в столкновениях со мной просто терял контроль над собой. Говоря языком психологов, у нас не сложилась структура неформальных отношений, неофициальные связи были слабы и неустойчивы, и поэтому часто возникали кризисные ситуации. Мы, конечно, стремились к общению, но ничего у нас не получалось.

В самом покладистом характере есть шероховатости, которые приятны именно своей неповторимостью. В обычных условиях им можно было бы только радоваться. Но вот условия стали сложными, и шероховатости начали выпирать – механизм общения нарушился. И счастье, что этот механизм не развалился в этих проклятых Шараповых кошках.

Утром, оставив Володю на катере, прочно застрявшем в грязи, мы разошлись с Димой в разные стороны искать более глубокое место. Но всюду вода едва доставала до колен. Теплилась надежда на прибой, впрочем в Шараповых кошках совсем незначительный.

К следующей ночи мы решили предельно облегчить катер. Володя надул спасательную лодку. Мы стгрузили на нее все вещи: кино- и фотоаппараты, ружья, патроны, бензин, запасные детали к мотору, инструмент, впряглись в лямки и пошли к берегу. До него было километра три. Однако резиновая лодка где-то пропускала воздух. Обмякнув, она села на мель. Пришлось перетаскивать вещи на плечах, скользя и барахтаясь в грязи.

Низкий, в соляных лишаях берег раскис от дождей. Мы поставили канистры, на них положили рюкзаки и пошли за новым грузом. Дима же пытался снять с мели катер, то снижая, то повышая обороты.

После нескольких ходок силы покинули нас. Володя пошел ночевать на катер. Я нашел несколько палок, выброшенных морем, облил бензином, разжег костерок, протянул к огню оковевшие руки.

Но костер горел недолго. Его задушила влага. Я лег в лодку, в головой накрывшись брезентом паруса. От перенапряжения сон не шел. Поддувал ветер, леденил тело. Приходилось ворочаться с боку на бок, чтобы не замерзнуть совсем.

Когда начал брезжить рассвет, я увидел вдали возвышенность. Крутым обрывом она спускалась к морю. Пошел туда. В земле торчал шест, вокруг валялось множество побелевших от времени оленьих костей. Видимо, это было место древней стоянки или языческих жертвоприношений. Отсюда, с высоты, и к северу и к югу виднелись такие же мысы, а впереди, до самого горизонта, черными спинами горбились Шараповы кошки.

В тундре поблескивало много озер. Точнее, кое-где среди сплошного озера виднелись островки суши. Я вернулся за ружьем в надежде подстрелить утку. Но подойти скрытно было трудно. Птицы, едва завидев меня, поднимались с загроможденным криком. Тогда я взял малокалиберную винтовку с оптическим прицелом и стал подбираться к птицам по-пластунски. Сильно вымокнув, спрятался за кочкой, заросшей осокой. С шумом приводнилась одна утка. Изогнув длинную шею, птица неторопливо поплыла меж кочек. Я выстрелил. Пуля шлепнулась рядом, но утка не обратила на нее никакого внимания. Я ловил ее в перекрестье прицела,

нажимал курок, пули пузырили воду вокруг, однако птица, как заколдованная, спокойно занималась своими делами. Наконец что-то встревожило ее. Захлопав острыми, тонкими крыльями, она стала набирать скорость для взлета. Показалось туловище, широкие лапы, которыми она быстро-быстро перебирала. В этот момент мне и удалось ее подстрелить. Вторую утку я добыл последним патроном, когда она выбралась на траву.

На берегу набрал плавника, разжег большой костер, ошипал птиц и бросил в котелок. Подошли Дима с Володей. Дима сказал, что эта утка сидит в воде низко, поэтому пулей малокалиберки взять ее трудно.

Мы впервые за трое суток поели. После еды на некоторое время воцарился мир. Договорились на мысе оставить все вещи, перетащив их прежде из мокрой низины, а самим налегке пробираться по суше к Харасавэю. Дима с Володей ушли к катеру за спальными мешками, а я начал перетаскивать груз к мысу, складывая его на бревна плавника.

В одну из ходок встретил песца. Очевидно, здесь была его территория. Он ошалело уставился на меня, никак не ожидая такой встречи. Несколько минут, не шевелясь, мы стояли друг против друга. У зверька нервно подергивались уши, вздрагивал носик. Видно, его мучил голод. Он хотел поживиться чем-нибудь у моря, но не мог из-за меня прорваться к нему. Сердито твякнув, зверек отбежал в тундру метров на сто и оттуда долго наблюдал за моей возней с вещами. Так и не дождавшись, когда я уйду совсем, песец скрылся.

Прилив чуть-чуть приподнял облегченный катер. Диме удалось снять его с мели. Винтом разбрасывая ил, катер пропахал отмель и вышел на более или менее глубокое место, однако вскоре снова застрял.

Еще одни сутки, делая не больше километра в час, мы пробивались на север. Когда катер зарывался в ил и песок, мы слезали в воду и толкали его вперед, как застрявший грузовик. Сердце работало с перебоями. Пот заливал лицо. В груди вставал комок и не давал дышать. Господи, когда же кончатся эти мучения?!

Вечером далеко впереди мы рассмотрели огонек. Несомненно, это станция Харасавэй. До нее еще было километров пятьдесят, никак не меньше...

Еще днем я почувствовал себя нехорошо. Меня подташнивало, кружилась голова. Начались резкие боли в животе. Я думал, что это от голода или просто от усталости. Стоит немного отдохнуть, и боль пройдет. Однако через несколько часов я уже не мог тащить катер: отлив снова посадил его на мель.

Оставался один выход: мы с Володей пойдем на берег, по тундре доберемся до Харасавэя, там попросим помощи. Наверняка на станции есть плоскодонные лодки. Они заберут груз с мыса и возьмут "Замору" на буксир.

От берега нас отделяло теперь километров пять такой же "няши", что уже была на полуострове Канин.

Дима дал нам несколько патронов к ракетнице и один пиропатрон на случай, если мы где-то не сможем пройти и потребует помощь. Договорились также, что когда дойдем до станции и узнаем фарватер, то ракетами просигналим, куда идти катеру. Если выстрелим зеленой ракетой, то надо прижиматься к берегу, красной – перемещаться к кошкам, белой – идти прямо.

На мне были прорезиненные брюки от костюма химзащиты, которые доставали до груди и держались на лямках. Володя надел свой гидрокостюм, разорванный в паху.

Оставив для ориентира огонек слева, пошли в темноту. Волны били по ногам, поднимая брызги. С посвистом выл ветер. Шумела снежная крупа.

Топкое дно засасывало ноги, каждый шаг стоил усилий. В одном месте стало глубже. Володя не смог идти – вода залилась бы в гидрокостюм.

– Я, пожалуй, не пройду, – потоптавшись на месте, проговорил он.

Оба мы понимали, что одному в тундре плохо. Но идти обратно на "Замору" мне не хотелось. Уж лучше к берегу.

– Ладно, возвращайся на катер. Попробую один...

Двинулся, по-прежнему оставляя огонек слева. Когда спазма

схватывала живот, я останавливался, хватал ртом воздух, стоял, опершись руками о колени. Не мог же я сесть в воду! Делал еще несколько шагов и снова останавливался. А берег уходил как будто дальше и дальше...

Вспомнился вдруг мой добрый товарищ Олег Куваев. Мы встретились с ним, когда он впервые пришел в редакцию "Вокруг света" и принес несколько своих рассказов, в том числе "Берег принцессы Люськи". От них повеяло свежестью, ветрами, промытым дождями палаточным брезентом, дымом костров, зажженных на краю нашей земли – в Колыме и у Чаунской губы, где Олег работал начальником геологической партии. Потом вышло несколько его книг, ставших для романтически настроенного читателя праздником. На обложке последнего своего романа, где Олег утверждал прекрасную мысль о великом счастье любимого труда, он сделал надпись: "Крепись, Женька, мы еще сплавляем". А через месяц его не стало. Ему было всего сорок. Оказалось, он давно надорвался, когда бродил по тундрам и сопкам Чукотки и Дальнего Востока, тонул в половодье, ел сырое собачье мясо, таскал на себе рюкзаки с геологическими образцами, до конца отдав себя истинно мужскому делу – трудным дорогам...

Скользя и падая, стеной от боли и усталости, я все же добрался до берега. С тех пор, как я расстался с Володией, прошло пять часов. Значит, шел со скоростью не больше километра в час. Пошатываясь, добрал до более или менее возвышенного места и повалился на мокрую глину. Кажется, я уснул сразу.

Очнулся от дикого холода. Все тело трясло, зубы выбивали дробь. Слева все еще горячо и призывно горел огонек.

С трудом поднялся. В живот ударила боль, словно кто саданул ножом. Но идти надо, в этом единственное спасение. Пошел. Попались медвежьи следы, широкие, как лопата. Свеженькие. Глубоко в землю врезались когти, видать, матерого зверя. Не хватало только встретиться с ним...

На фоне светлеющего неба показалась буровая вышка. Я чуть ли не бегом кинулся к ней. Попалась протока. Перешел ее вброд. Потом встретилась другая, глубже. Зашел, по горло провалившись в ледяную воду. Но ведь на буровой должны работать люди. Если я доберусь до нее, мне дадут обсохнуть.

Медленно разгоралась заря. Я брел по тундровым суглинкам, кое-где прикрытым красноватым мхом.

И вдруг путь преградила река. Она показалась не шире Москвы-реки, но гораздо стремительнее. Это была дикая река. Она сбрасывала в море все падающие на тундру снега и дожди. Перейти ее вброд было нельзя. Как я узнал позже, река звалась Харасавэйкой, глубина ее доходила до десяти метров.

Чтобы привлечь внимание людей на буровой, я вытащил из-за пазухи пиропатрон, высоко поднял его над головой, рванул шнурок. Патрон дернулся в руке, выстрелив в небо тремя ослепительными ракетами. Однако людей на буровой не оказалось. Сколько ни вглядывался я в постройки, никто не вышел, не отозвался. Возможно, геологи законсервировали ее, не натолкнувшись на газоносные и нефтеносные слои.

Связать плот? На берегу валялись плавник, доски, обрывки веревок от сетей, проволока от старых ящиков. Опасаясь перевернуться на стремнине, я стал делать плот наподобие катамарана, то есть из двух связок плавника. Посередине положил доски, как мог крепче стянул их проволокой и начал переправу.

Вода и ветер подхватили мое хрупкое сооружение, начали крутить. Я изо всех сил налег на доску, которая служила веслом. Берег подвигался медленно. Стоило мне секунду передохнуть, чтобы унять бешеную боль, как плот относил обратно на середину и сильно раскачивало. Связки быстро слабели, бревна норовили выскользнуть. Я помянул всех святых, чтобы они не дали мне погибнуть и на этот раз. В тесной, мокрой одежде я бы сразу пошел на дно. Не помню, сколько барахтался в реке, но все же одолел Харасавэйку.

У буровой стоял деревянный балок с двухъярусными койками и грязными матрацами. На столе я нашел превратившийся в камень хлеб и

вскрытую банку стуженки. Молоко еще не успело высохнуть. Скорее всего, недели две назад здесь ночевали люди.

Молоко я съел тут же, в воде размочил хлеб. Потом залез на верхнюю койку и мгновенно заснул, даже не успев подложить под голову кулак.

Сон прервала боль. Живот горел, будто к нему приложили раскаленную сковороду. Обливаясь холодным потом, ждал, когда стихнет приступ.

Выжал одежду, подсушил носки, переобулся. От буровой шла дорога, пробитая тракторами и вездеходами. Конечно же, она вела к людям. По обочинам отцветали ромашки, голубые незабудки теряли свои венчики, потемнела камнеломка. Сюда уже шла осень, хотя где-то пылал август и народ справлял время летних отпусков...

Ходить по тундре надо уметь. Когда я лет двадцать назад впервые попал в тундру, помню, растерялся перед загадкой: каким образом можно придерживаться раз взятого направления. Когда ходил с кем-нибудь из знатоков, путь, хотя и был извилист, все же приводил к цели. Стоило отправиться одному, тундра оборачивалась совершенно непроходимым лабиринтом. Проплутав, обнаруживал, что со всех сторон окружали меня бездонные топи. Я недоумевал: как мог пробраться сюда? В конце концов выход находился. Орудя шестом, я выбирался "на волю", но лишь для того, чтобы попасть в новый тупик.

Постепенно я научился кое-как ориентироваться в тундре и выработал для себя некоторые правила безопасности. В основе их лежало "учение о цветах".

Летняя тундра бывает черная, зеленая, красная и пестрая.

Черная тундра - это озера черной, с ржавыми пятнами, чуть засохшей сверху грязи. На них ничто не растет. Ни зверь, ни птица к ним не приближаются.

Зеленая тундра довольно нарядна, главным образом благодаря изумрудному кукушкину льну. Растут здесь также хвощ и осока. Идя по зеленой тундре, путник и не замечает, что все труднее и труднее ему вытаскивать сапоги из чавкающей грязи. И вдруг кто-то цепко хватается за ногу, а если путник остановится, чтобы освободить ее, то каждое его движение будет лишь удешевлять силы незримого врага.

Красная тундра - самая коварная. Мягкий ковер красноватого мха так и дышит гостеприимством, так и зовет отдохнуть, прилечь. По красной тундре можно идти без тревог, но до поры до времени. Приятно пружинит под ногами зыбкий ковер. Но вдруг он расступается, и открывается бездонный колодец черной гнилой воды. Ступит неосторожно человек или зверь - только поднимутся к поверхности пузырьки, и снова сойдется зыбун...

Пестрая тундра - единственно надежная, единственно верная. По ней можно ходить без опаски. Полным-полно здесь всякой травы, всякой ягоды - морошки, брусники, вороницы. Полным-полно здесь и белесых ветвистых кустиков ягеля - оленьей пищи.

- Итак, берегись одноцветных участков! - говорил я себе. - Иди там, где в глазах рябит от множества красок.

Но главное, о чем надлежит помнить, - нет в тундре прямых дорог. Коль нашел тропу, следуй ей, не пеняя на петли и крюки, не пытайся искать коротких путей. Знай, что тундровые тропы проложены людьми, которые тоже дорожили временем.

...Снова настала ночь. В темноте идти было нельзя без риска провалиться в трясину. Выбрал место посуше, натянул на голову капюшон от куртки, свернулся калачиком.

Однако сон не шел. Шумел ветер, волнами накатывалась снежная крупа, где-то под травой возились лемминги и не давали заснуть. Но все же мне удалось забыться на час-другой.

Очнулся еще до света. Вместо огонька ясно различались уже огни. В небе виднелись звезды, но в восточной стороне они гасли, растворяясь в робкой заре.

Встретилась еще одна речка. Я уже не стал отыскивать брод, а пошел прямо в воду. Если уж по ней проходили вездеходы, то не утону. Вода дошла до груди. Пришлось вытащить бумажник с документами и

переложить его под кепку.

Поднявшись на другой берег, я увидел море. На рейде стояли сухогрузы. Несмотря на ранний час, между ними и причалом сновали катера и баржи. Выгружали тракторы, грузовики, вездеходы, стальные трубы, круглые арктические вагончики, контейнеры с раствором, мешки с цементом. По количеству грузов, несметному числу техники чувствовалась близость большой стройки.

Из дощатой будки навстречу вышел парень в болотных сапогах, зимней, подбитой мехом, куртке и с ружьем. Неужели охрана? Зачем?

Парень поздоровался, пригласил в балок, налил из чайника кружку крепчайшего чая, пододвинул бумажный пакет с галетами. Я сказал, кто я и зачем иду, потом задал вопрос: зачем здесь стоит охрана?

- А вам никто не встречался по дороге? - спросил парень тоном следователя.

- Никто, - ответил я.

- Считайте, родились в рубашке... В вашу сторону они подались.

- Кто подался?

- Медведи...

- Я видел следы недалеко от буровой у Харасавэйки.

- Значит, они! - воскликнул парень.

Он рассказал о том, что произошло.

- Несколько лет назад ребята поймали медвежонка и назвали его Машкой. Когда она подросла, то ушла во льды. И вдруг объявилась. И с нею три здоровенных самца. Наверно, медведица вспомнила о людях в день своей свадьбы и привела показать женихов. Первыми увидели зверей грузчики с плашкоута. Заметались по берегу. Кто успел вбежать в балок и захлопнуть дверь, кто сиганул на крышу, кто - на столбы... Машка скреблась в двери, недоумевающе посматривала на людей, висевших на столбах, как гроздь. А ее женихи тем временем грелись на штабелях труб, дремали.

- А моряки с кораблей что делали?

- Им что! Обрубили швартовы, и в море...

- Неужели не было ружей?!

- В том-то и дело! Позвонили начальству. Контора у нас в семи километрах. Ответило - справляйтесь своими силами. Только к вечеру медведи убрались туда, - парень махнул рукой в сторону Харасавэйки, откуда я шел.

Стало быть, эти медведи и бродили у реки, оставляя на глине и песке следы, которые я видел, когда шел к полярной станции. Как я не встретился с ними, одному богу известно... Теперь со стороны тундры грузчики выставили охрану - Васю Рудых: как бы звери не вздумали вернуться и не застали бы снова людей врасплох.

Хозяином на Харасавэе был начальник Карской нефтегазоразведочной экспедиции Владимир Алексеевич Абазаров.

Утром на попутном вездеходе меня повезли к нему в поселок. Машина шла прямо по укатанному волнами берегу. Еще издали стал виден оранжевый фонтан. Это горел первый газ Ямала. Свежесрубленные дома, арктические домики в виде цистерн, гаражи, столовые - все это построили первые разведчики. Лишь после того как устроили жилье, начали ставить буровые.

Подъехал самосвал, из кабины выпрыгнул Абазаров в теплом коричневом плаще и шапке-ушанке. Без лишних слов он провел меня в контору-временку, где не было никаких бумаг, пишущих машинок, секретарей.

К сожалению, нам не удалось поговорить. Новый приступ боли заставил меня скорчиться.

- Что с вами? - встревожился Абазаров, заметив у меня на лбу испарину.

- Надорвался, наверно, в Шараповых кошках...

- А если это аппендицит? С ним не шутят!

Я попросил его помочь спасти "Замору" и груз, оставленный на мысу в тундре.

- Все сделаем, - пообещал Владимир Алексеевич. - А вас я немедленно отправляю на аэродром и вызываю санитарный самолет...

Мне ничего не оставалось, как согласиться.

Через несколько дней вертолет перебросил весь наш груз на Харасавэй. "Замора" пошла к Диксону.

О том, что было дальше, я узнал позже от Володи Савельева.

С погодой и тут, на последнем отрезке, не везло. Один шторм кончался, кажется, только для того, чтобы мог разразиться другой. С большим трудом дошли Дима и Володя до северной оконечности острова Шокальского. Тут на несколько часов выпало затишье. Дима мгновенно принял решение – идти, значительно оторвавшись от побережья, напрямик к острову Вилькицкого, что намного сокращало путь до Диксона. Но все попытки лечь на точный курс ни к чему не привели. Стрелка компаса вращалась, как ей вздумается. Если верить ее показаниям, то солнце заходило на востоке, а самая северная точка земного шара находилась на юге. С таким "пьяным" компасом не мудрено было заблудиться. Выйдя наконец на восток, они попали снова в шторм. Вода хлестала в смотровые люки, стала заливать катер. Пытаясь скрыться от ветра, путешественники забрались в широкое восточное горло Гыданского пролива, рискуя сесть на мель. Но дул юго-восточный ветер, от которого в Гыданском проливе не скроешься. К берегу тоже близко не подойдешь: кругом обширные отмели. Прижавшись к Ямалу насколько возможно, задумали здесь и отстояться. Бросили якорь. Трос натянулся. Теперь можно немного отдохнуть.

Но часа в три они вскочили, разбуженные сильными ударами волн о катер. С полок сыпались карты, книги, шахматы. "Якорный канат!" – эта мысль подбросила Диму. Боясь потерять последний якорь, Дима включил двигатель, чтобы не оказаться во власти волн.

Так, бросками, то спасаясь от шторма, то кидаясь в открытое море, они двигались на восток. Вынужденные остановки порой доводили Диму до бешенства. Ночи становились все длиннее, времени оставалось в обрез. В затишье слабенький дождь пополнял запасы пресной воды. Иногда ребята сходили на берег. Здесь пили воду и собирали сыроежки.

Потом снова пускались в путь. Мотор простуженно чихал и останавливался. Но самое неприятное было то, что в многодневной борьбе с волнами Дима израсходовал почти весь бензин, а до ближайшего отмеченного на карте населенного пункта оставалось не менее ста километров. По-видимому, предстояла еще одна прогулка по тундре.

Впереди открывался маяк мыса Песчаный. Справа от маяка торчали какие-то холмики. Три, четыре... По мере приближения "Заморы" холмики увеличивались. Подплыли ближе – и своим глазам не поверили: это были жилые балки на санях! Из трубы одного балка шел дым. Вскоре показался вездеход. Он мчался по мелководью навстречу. На его борту был нарисован белый медведь.

Через час Дима и Володя оказались в компании двух сотрудников Диксоновской гидробазы. Ребята с жадностью набросились на жареную картошку с олениной и крепкий чай с персиковым джемом.

Очень им не хотелось уезжать с гостеприимного мыса Песчаный, но подгоняло время. Предстояло еще добраться до острова Олений, потом – Сибирякова, наконец, пересечь Енисейский залив...

К вечеру следующего дня "Замора", лавируя между бесчисленными мелями, подошла к Оленьему. Здесь переночевали у рыбаков, заправились горячим и тронулись к острову Сибирякова.

Уже издалека Володя Савельев увидел избушку промысловика, о котором слышал на Песчаном. Красная ракета приглашала подойти к берегу. У избы стоял человек и знаками показывал проход между льдами.

Дом Ивана Афанасьевича Рыбникова был построен по типу старых русских зимовий, где под одной крышей помещались жилые помещения, кладовые, хлева, мастерская. Вокруг дома ходила дюжина некогда диких серо-коричневых уток. Шесть ездовых псов встретили мореходов громким лаем. Невдалеке стоял собранный собственноручно хозяином вездеход.

Полутру, попрощавшись с Рыбниковым, Дима и Володя сели в катер и в последний раз вышли в море. На этот раз они уже дошли до Диксона.

...А я тем временем лежал в маленькой больничке на мысе Каменный. Врач колол меня антибиотиками, не решаясь оперировать. Во рту было противно и сухо от таблеток.

Длинными ночами я думал и думал об одном и том же: почему от путешествия на "Заморе", как от таблеток, остался такой неприятный привкус. Что ж, попробую разобраться, благо времени сколько угодно...

ВРЕМЯ ДОРОГ

История арктических походов и зимовок знает много примеров, когда теснота, изоляция, суровая обстановка, ощущение постоянной опасности, тоска по дому и близким объединяли людей, а проявление доброты и душевной ласковости (по выражению известного полярного исследователя Ричарда Бэрда) в самые трудные дни озаряло окружающий мрак лучами тепла и света.

Знает история и другое. Те же самые условия, наоборот, разъединяли людей, приводили к постоянным стычкам и конфликтам.

Опыт показывает, что, как бы хорошо технически ни была организована та или иная экспедиция, успех ее невозможен без духа товарищества, сплоченности, взаимной поддержки. Иван Дмитриевич Папанин в книге "Жизнь на льдине" писал: "...везде воды по колено. Даже в жилой палатке чувствуется противная сырость. А настроение плохое из-за дождливой и ветреной погоды... Интересно, что каждый из нас не подает вида и старается шутками показать свое якобы хорошее настроение. У нас установился такой обычай: если у кого-либо на душе кисло, то переживать втихомолку и не портить настроение другим".

А вот на бельгийском судне "Бельжика", которое в 1898 году осталось на зимовку у берегов Антарктиды, в закопченных каютах очень скоро поселились недовольство, подавленность, раздражительность. Два человека из экипажа этого судна сошли с ума. Один перепрыгнул через борт и убежал в снежную пустыню, а второй чуть не убил топором Руаля Амундсена, который был штурманом на этом корабле.

Когда Ричард Бэрд готовился к своей первой экспедиции в Антарктиду, то Амундсен посоветовал ему проявить крайнюю осторожность в выборе людей: ведь самая тщательная подготовка, самый образцовый план могут быть сведены на нет неумелым или недостойным человеком. Показательно, что страх перед "экспедиционным бешенством", якобы связанным с полярными зимовками, побудил Бэрда в имущество первой экспедиции включить дюжину смиренных рубашек.

Любой поход начинается с подбора участников и их подготовки, однако если перед коллективом нет цели, то нельзя найти способа его организации. Но ведь и у людей на судне "Бельжика" была общая цель, да еще какая - выжить! Но она не сплотила людей...

Любопытный анализ сделал участник плавания на "Ра" Юрий Александрович Сенкевич. Он много внимания уделил психологическому эксперименту, участниками которого невольно стали все члены экипажа папирусной лодки. Его анализ интересен еще и тем, что на "Ра" собрался интернациональный экипаж, не прошедший никакой предварительной подготовки.

"Даже когда кое-кому из нас казалось, что с "дружкой и кооперацией" на "Ра-1" дела из рук вон плохи, центристательные силы в нашем коллективе все равно были гораздо мощнее центробежных. Что объединяло нас? Конечно, прежде всего единство цели. Цель поначалу была элементарной: дожить, доказать себе и другим, что ты настоящий мужчина, немного прославиться. Некоторую роль играл и материальный стимул".

"Ни для кого из нас не тайна, - продолжал Ю. Сенкевич, - что доплывем мы или не доплывем - зависит только от нас... Вместе, всегда вместе, вопреки стрессу, нелимитированной активности и прочим жупелам, - только вместе, в этом спасение, и победа, и торжество концепции, которую мы взяли доказать".

И дальше: "Последнее и самое главное. Для того, чтобы эффективность группы была наивысшей, каждый ее участник должен четко

осознавать общественную значимость как своих действий, так и действий товарищей, действий всей группы в Целом... Чем престижнее задача, тем здоровее – при прочих равных – психологический климат. Причем престижность подразумевается не только логически расчлененная – этого мало, – но и "пропущенная сквозь сердце".

Юрий Александрович говорил о степени "прижимного усилия". Отшлифованные диски превосходно скользят друг по другу, пока их не сдавишь сильнее допустимого, – это наблюдал всякий, кто, например, лазил с отверткой в магнитофон. Человеческие отношения, пусть и весьма близкие, всегда предполагают дистанцию: она может быть предельно малой, как между бритвенными лезвиями, плашмя сложенными в стопку. Но вдруг дистанция исчезает, наступает сверхсжатое состояние: в каютке (например, нашей "Заморы") не уединишься, не спрячешься, ты весь на виду, постоянно бок о бок с товарищами, хочешь того или не хочешь. А если к тому же у тебя обыкновенный, отнюдь не идеальный характер, да и у твоих спутников тоже?..

Проблема психологической совместимости существует, никуда от нее не денешься. В грозной своей прямоте она вставала перед поморами, зимовавшими на Груманте, перед моряками "Святого Фоки", перед исследователями Арктики и Антарктики. С ней сталкивались и сталкиваются работники высокогорных станций, геологи, экипажи подводных лодок и космических кораблей – все, кто исполняет свой долг в отрыве от привычной, повседневной жизни. Просто прежде этой проблемой как-то стыдились заниматься...

В этом отношении небезынтересно вспомнить поучительный поход в 1871 году американского парохода "Полярис".

Хороший, крепкий пароход, построенный из дуба и обшитый железом, с быстрым ходом и прекрасной оснасткой, направлялся в высокие широты Ледовитого океана. На носу его стоял особый ледорез, разбивающий крепкие льды. Экипаж подобрался весьма разношерстный. Капитан Холл – американец, первый помощник Тисон – француз, второй помощник Беддингтон – ирландец, повар – англичанин, матросы и группа ученых – немцы. Кроме того, на пароходе были два эскимоса с женами и детьми.

При первых же испытаниях на пароходе началась вражда. Сначала взбунтовались ученые, которых "лягушатник" Тисон во время шторма заставил работать на насосах. Затем стали роптать матросы, прослышав о войне Германии с Францией.

"Полярис" тем временем вошел во льды, но скоро наступившая зима заставила его лечь в дрейф. От тоски и безделья люди стали ссориться еще больше. Порой ссоры заканчивались потасовками. Скоростижно скончался Холл, и капитаном стал Тисон. Но его никто не хотел слушаться, кроме ирландца, англичанина и эскимосов. Все хотели вернуться домой, а Тисон готов был идти вперед к цели – Северному полюсу.

Во время подвижки льдов затрещал корпус судна. Люди стали выбрасываться на лед. И тут трещина отрезала их от парохода. "Полярис" вскоре исчез в тумане. Группа осталась на льдине...

Но и в этих условиях не прекратилась вражда. Люди словно забыли, что перед ними стоит страшный враг – природа холодных стран. Забыли, что прежде всего им нужно было обороняться именно от этого врага, который каждую минуту мог их поглотить, уничтожить. Обороняться они могли лишь единением, дружеством, взаимной поддержкой. А они оборонялись только друг от друга.

Больше шести месяцев, страшно бедствуя, голодая, болея, провели они на льдине, пока их не увидели китобои. Счастливый случай избавил от гибели и тех, кто остался на "Полярисе"...

Трагически заканчивались экспедиции, где отсутствовала дружба, где людей не объединяла общая цель. Успеха добивались только те, кто сумел подняться выше мелких дразг, кто ясно и четко осознавал свою роль в едином стремлении.

На той же "Ра" Тур Хейердал сознательно не хотел ничего искусственно ни организовывать, ни предвосхищать. Он стремился доказать, что именно обыкновенные люди могут и должны в самых сложных условиях действовать сплоченно и дружно. Он пошел еще дальше: решил

собрать на "Ра" представителей разных рас и мировоззрений и продемонстрировать таким образом, что люди, живущие на земном шаре, если они зададутся общей, одинаково важной для всех целью, вполне могут договориться по любому вопросу.

"Здесь, - писал Ю. Сенкевич, - мы могли себе позволить роскошь оценивать друг друга прежде всего не "по одежде", а по истинно значимым свойствам: по работоспособности, выносливости, по инициативности, смекалке и умению подчиняться... Тур не тянул нас на аркане в свою веру; он жил на борту "Ра" так, как привык, - увлеченно, не пряча пристрастий, свято убежденный, что дело, которым он занят, самое необходимое и самое интересное. Он весь был как оперенная стрела, летящая в центр мишени... От него словно исходили токи научного подвижничества, и как же он радовался, замечая в нас все больший отклик!"

Описывая конец первого плавания, Юрий Александрович снова подчеркивал: "...я почувствовал, что меня задним числом берет оторопь: какие мы все на "Ра-1" были разные! Сверхобщительный Жорж - и замкнутый Норман; конформный Сантьяго - и не умеющий приспособливаться Карло; день и ночь, земля и небо, вода и камень, стихи и проза, лед и пламень сошлись на борту "Ра"!"

Это было похоже на то, как альпинист, закончив траверс, оглядывается - и у него подгибаются колени: над какой жуткой пропастью он только что шел! Мы же могли вдрызг перецапаться, осточертеть друг другу, возненавидеть сотоварищей и самих себя! А мы гуляли по Барбадосу в обнимку, и нам совсем не хотелось расставаться - настолько не хотелось, что мы с трудом представляли себе, как теперь будем жить без нашего общего "Ра"...

Видимо, сумма психофизиологических свойств еще не исчерпывает сути человека.

Не арифметикой тут пахнет - алгеброй.

Слабый становится сильным, робкий - отважным, обидчивый - великодушным, если ими движет единая достойная цель".

Да, Тур считал, что "человечество в миниатюре", объединенное общей целью, способно выдержать все испытания, сплотиться и победить.

А как он приглашал Юрия Сенкевича? Обратился в Академию наук СССР с просьбой подобрать врача и выдвинул всего два условия: "Он должен владеть иностранным языком и обладать чувством юмора". Впоследствии об этой удивительной, с точки зрения "серьезных" людей, просьбе Хейердал рассказал следующее: "О медицинской квалификации я ничего не писал, так как и без того не сомневался, что Академия наук подберет первоклассного специалиста. Не говорил я и о том, что нужен человек крепкий, здоровый и смелый, - все эти качества тоже сами собой подразумевались. Вот почему я и ограничился просьбой подобрать человека, обладающего чувством юмора и говорящего на иностранном языке. Не все отдают себе отчет в том, что добрая шутка и смех - лучшее лекарство для души, лучший предохранительный клапан для людей, которым предстоит неделями вариться в одном котле, работая в трудных, подчас даже опасных условиях".

Да, юмор всегда, в любом коллективе занимает далеко не последнее место. Особенно он нужен там, где трудно. Арктика не любит хмурых, неулыбчивых людей. Таким трудно там жить, а еще труднее жить вместе с такими людьми. Конечно, не обязательно все должны быть остряками. Но суметь вовремя рассмеяться, уловить в самом безвыходном положении что-то комическое, не обижаться на шутку - это необходимо. Юмор - прекрасная "смазка" человеческих отношений.

А вот на "Заморе" мы почти совсем не шутили. Дима все время был на взводе. Я понимал - на него падала немалая ответственность. "Замора" была его детищем, он надеялся на помощников, но они оказались не такими, какими он хотел их видеть, это раздражало его. За все он стал хвататься сам, не успевал, забывал и оттого опять сердился, был резок, несправедлив, несдержан, хотя в душе, не сомневаюсь, и ругал потом себя.

В письме, присланном мне позднее, он пытался обосновать свою точку зрения.

"Тот, кто связывает свою судьбу с морем, должен очень глубоко, даже не разумом, а всем нутром познать логику и своеобразие морских обычаев. В уставе поморов степень подчиненности была сформулирована так: "В морском ходу и во время промысла всем рядовым товарищам слушаться одного кормщика и ни в чем воли у него не отнимать; а в потребном случае хотя и подавать ему совет, но учтиво и не спорно. Ежели же кто из них дерзнет кормщика избранить или ударить или не станет его слушаться, на такого прочие рядовые должны дать кормщику помощь к наказанию по морскому обыкновению; потому что без наказания иные впадут в бесстрастие, от чего беспромыслица и разбитие судов приключаются". У меня сложилось мнение, что вызвали раздражение мои распоряжения, которые я предварительно не всегда согласовывал с вами, не давал разъяснений, почему так, а не по-другому. Чаще всего это происходило из-за сложности обстановки, резкой смены обстоятельств, недостатка, а зачастую и отсутствия времени. Кроме того, многие решения принимались интуитивно, твердой уверенности, обоснованности не хватало. Если бы нас связывала давняя дружба...

Что же сказать на это? Конфликт конфликту рознь. Во многих полярных и морских коллективах не все шло гладко, без срывов и споров. Чаще всего у нас возникал разлад, когда надо было рассчитывать курс. На "Заморе" не было рации, навигационных приборов, точных карт и современной лоции, А Кравченко поплыл на ней по арктическим морям, надеясь на счастливый случай. То, что удалось дойти до Диксона, еще не доказательство его правоты. Диму гнали в Арктику нетерпение и фанатичная вера в свою "интуицию". Это и заставляло его пренебрегать многими истинами, накопленными человеческим опытом в аналогичных условиях.

В письме Дима привел цитату из устава поморов. Да, кормщик - это непререкаемый авторитет. Это опыт, выдержка, мужество, умение, какого нет у других членов команды. Но ведь Дима и сам признается, что "многие решения принимались интуитивно, твердой уверенности, обоснованности не хватало".

Ученые, исследующие вопросы психологической совместимости, изучив некоторый круг людей, могут выделить из них коллектив, оптимальный для решения какой-либо задачи. Недалек тот день, когда рекомендации психологов в обязательном порядке будут учитываться при формировании геологических партий, производственных бригад, административных отделов. Но все же лучше самых совершенных приборов и тестов людей отбирает время. Так было, так есть.

Некоторые руководители стремились подбирать людей по сходству характера, чтобы все члены группы являли собой некий общий психологический тип. Но, как показал опыт, при общности цели даже разные по характеру и темпераменту люди успешно ладили друг с другом. Выражение древних "Мы ищем в друге то, чего сами лишены", пожалуй, больше всего подходит к этому. Неторопливость, обстоятельность, аккуратность одного часто удачно сочетались и дополнялись страстностью, стремительностью, тонкой наблюдательностью и быстротой реакции другого.

Дима Кравченко писал: "Если бы нас связывала давняя дружба..." Он прав. Дружба - необходимый участник любой экспедиционной группы. Но она не панацея в трудных испытаниях. Дружба, симпатии людей еще не гарантируют от неприятностей. Однако если при подборе симпатии людей друг к другу не учитываются, то позже это наверняка приведет к осложнениям.

Если нас спросить, без чего мы прожить не можем, то мы упомянем непременно о воде, пище, воздухе, но забудем о такой острой потребности, как общение. Один доброволец, пробывший в условиях экспериментального одиночества, записал в дневнике: "Много раз мне говорили товарищи, в шутку конечно, о чертике, жившем за холодильником. А за холодильником всегда слышался шум. Источником слабого шума в сурдокамере была работа фреоновой установки холодильника. Во всяком случае, я отметил, что если бы чертик вдруг вышел, то, думаю, нам было бы о чем побеседовать, я не прочь был бы с ним поговорить".

В книге У. Уиллиса, совершившего одиночное плавание на плоту, есть такие мысли: "Человек нуждается в общении с себе подобными, ему необходимо с кем-то разговаривать и слушать человеческие голоса... В прошлую войну многие моряки в одиночестве носились по океану в шлюпке или на плоту... Мне пришлось плавать с такими матросами, и я знаю, что с ними произошло. Мы так и говорили про них: "Помешался на плоту".

Существует еще и психологическая изоляция, "социальное одиночество". Оно, пожалуй, страшнее физического. Здесь человек находится среди людей – и не может утолить стремление к общению, как жаждущий в океане не может напиться соленой водой.

Конечно, в конце любого трудного дела, не говоря уж об экспедиции или зимовке, у человека истощается нервная система. Это наблюдали многие. И. Д. Папанин писал: "Но, правду говоря, мы устали. Это стало чувствоваться во всем: и в отношениях друг к другу, и в работе". П. Д. Астапенко: "Трудно передать своими словами состояние психики, возникающее полярной ночью. Зимовщики в эти месяцы несут невидимое бремя, чувствуют какое-то напряжение, так или иначе сказывающееся на поведении людей". Ю. А. Сенкевич: "Нечто неуловимое и бесформенное висело над нами, зудело в уши, заставляло злиться по мелочам, лишало сна, обволакивало полем вялости и апатии..."

И мы на "Заморе" к концу изрядно вымотались. Раздражал каждый пустяк.

Может, виновницей была страшная теснота? Каждому участнику похода нужно место – в кубрике, палатке, экспедиционном балке. И это место приходится высчитывать так же скрупулезно, как и количество провианта на дорогу. Высчитывать до начала похода, а не надеяться, что потом все образуется само собой.

В книге Юрия Сенкевича "На "Ра" через Атлантику" перечисляются "скучные истины", которыми мы пренебрегли, отправляясь в плавание на "Заморе". Вот они:

1. При комплектовании экспедиционной группы необходимы проверочные групповые тренировки.

2. Проверочные тренировки должны быть многократными и длительными, с тем чтобы участники будущей экспедиции имели возможность хорошо узнать друг друга еще до старта.

3. Условия проверочных тренировок должны быть максимально приближены к "боевым".

4. В проверочных тренировках весьма желательно участие специалиста-психолога.

5. Рекомендации психолога важны не только при подборе группы, но и при распределении функций внутри нее, в частности при назначении руководителя.

6. Высокая степень профессиональной подготовленности членов группы – даже оставляя в стороне остальные аспекты – с чисто психологической точки зрения уже обязательна.

7. Экспедиционная группа должна представлять собой союз единомышленников, спаянных и вдохновленных сознанием важности поставленной цели.

Конечно, нам следовало попытаться найти общий язык. Понять, что всякое бывает: и трения, и конфликты, маловероятно, что все могло пройти без сучка и задоринки. Искусство совместного действия как раз в том и состоит, чтобы вовремя преодолевать, смягчать трудности, находить выход из накаленной обстановки. Но таких попыток никто из нас не предпринимал.

Тогда можно было бы пройти по северным морям с меньшими нравственными потерями, несмотря на штормы, туманы, мели, льды, плохую экипировку. Достойная цель и чуткая дружба придали бы нам сил побороть все невзгоды.

Дима давал мне читать свой дневник. Он вел его с тех пор, как начал строить "Замору". Сколько труда и времени ушло на строительство даже такого небольшого катера! И наверное, ему было обидно – приезжает какой-то посторонний человек и говорит, что мал запас топлива, нет штурманского инструмента, надо установить рацию и т. д. Но я говорил об этом, так как знал, что могло нас ожидать в северных морях, знал о

штормах и туманах, мелях и подводных камнях, которые действительно встретились нам в пути. Ведь лишь благодаря чистой случайности плавание закончилось в общем-то благополучно.

Впрочем... За то время, пока "Замора" шла к Диксону, а я валялся на больничной койке, ветер трижды достигал скорости 25 метров в секунду, два раза - 35, один раз - 42, наконец он обрушился с ураганной силой - 52 метра в секунду. Почти все сооружения на западном Таймыре - полярные станции, автономные радиомаяки, гидробазы, зимовья промысловиков - получили повреждения.

Нагонный западный ветер поднял воду, и она через губы, заливы, устья рек устремилась, как цунами, в тундру. Ветер сносил антенны, срывал крыши, разрушал склады, а береговая волна громила все это подхваченным плавником. Пострадали даже океанские суда. Что было бы с "Заморой", очутись она в открытом море в это время?..

Поскольку радиции на "Заморе" не было и никаких вестей от нее не поступало, редакция журнала "Вокруг света", проследив за погодной обстановкой, немедленно послала на Диксон компетентного человека Георгия Сикачинского. Тот поднял на ноги начальника штаба морских операций А. М. Кашицкого, капитана-наставника В. А. Куровкова, начальника узла связи гидрометеостанции В. А. Левковского и других ответственных товарищей. Как раз в это время в море находились караваны судов, люди и в штабе морских операций и на радиостанциях были замотаны до предела. Но они все-таки нашли время запросить о "Заморе" все полярки. Синоптики Валерий Власенко и Михайл Мартыненко переворочили горы синоптических карт (за сутки восемь новых карт), строили предположения, куда могло загнать катер, где он отстает. В курс событий были введены милиция, моряки погранохраны, полярники. Многие были настроены мрачно: "С Арктикой надо на "вы".

Через несколько дней начальник узла связи В. А. Левковский по радио сообщил Сикачинскому следующее: "Ваши товарищи находятся на полярной станции на мысе Лескина в 90 километрах от Диксона. Учитывая, что мне дана власть, и исходя из соображений малых размеров судна, плохого состояния его корпуса, разболтанности двигателя и жестокой штормовой погоды, я запрещаю им дальнейшее продвижение... Энтузиазм похвален, но никому не нужны бессмысленные жертвы". Позже узнали, что Левковский не то в шутку, не то всерьез бросил фразу: "Катер сжечь, команду связать и караулить".

Оказалось, однако, что на мыс Лескина прибыла не "Замора", а другой "самодеятельный" катер! Он-то и был задержан и силами флота отбуксирован на Диксон. Штаб морских операций не мог предполагать, что кроме "Заморы" кто-то еще совершает странствие в полярных водах. Он не стал уточнять, наши это или не наши. То, что экипажу неизвестного катера была оказана помощь, поставило под угрозу судьбу "Заморы", о которой перестали беспокоиться, полагая, что она обнаружена и находится в безопасности.

Когда все это выяснилось и истекли последние сроки предполагаемого прибытия "Заморы" на Диксон, Сикачинский поставил обо всем в известность райком партии. Здесь вместе с инструктором Константином Анатольевичем Койниным он обсудил все варианты спасения "Заморы", вплоть до организации поисков с помощью авиации, судов гидробазы и метеослужбы. Договорились, что штаб морских операций даст сообщение всем судам, находящимся в районах от острова Белый до Диксона. При необходимости решено было вызвать авиацию из Дудинки, провести оповещение промысловых рыболовецких бригад в устье Оби и Енисея, организовать береговые поисковые группы.

К счастью, удалось избежать этой грандиозной заварухи.

Вот почему на "Заморе" необходима была рация, как и другое навигационное оборудование, современные карты, лоции. Плавание "Заморы" оказалось делом не только "Заморы" и ее маленького коллектива. Наше мероприятие вылилось в добавочные хлопоты, трепку нервов, немалое напряжение для многих людей, естественным жизненным правилом которых было не оставлять товарищей в беде.

И все же... Все же мы вынесли из этого плавания то главное, во имя чего люди поднимаются на снежные вершины, спускаются в неведомые

пещеры, встречаются с жаркими вулканами, – веру, что мы очень многое можем. Ведь пройдет время, и все огорчения покажутся мелкими, а то и совсем ничтожными. Неприятное уйдет в потемки, забудется, а доброе, как все истинное, останется в памяти.

Ну разве можно забыть напряженные белые ночи на Югорском Шаре, старый самолет на аэродроме в Каре, прокладывавший первые воздушные трассы в Заполярье, ребят с Вайгача и из Амдермы, цепко стороживших изменчивую погоду, свежие ветры океана, которые звали многих первопроходцев?!

Тому, кто хочет увидеть поистине прекрасное в жизни, надо хотя бы однажды побывать в Арктике. В молодости или в старости, но каждый пусть проверит себя Севером, услышит биение его ледяного и отзывчивого сердца...

РАССКАЗ ВТОРОЙ

"И ЧУДЕН МИГ..."

НА БЕЛОМ МОРЕ ШТОРМ

"Приезжай. Идем. Русин". Телеграмма была составлена совершенно в духе Мишани. Ни слова лишнего.

Идти к Соловецким островам мы решили еще зимой. В то время я был в командировке на целлюлозно-бумажном комбинате в Коряжме под Котласом. Проворный, невысокого роста, с лицом в белой ряби шрамов и шрамиков, с синими, как у истинных северян, ласковыми глазами, Миша работал на станции биохимической очистки. С увлечением влюбленного в свое дело специалиста он показывал мне азротенки, воздуходувные агрегаты, сооружения по механической переработке осадка, призванные освободить промышленные стоки от щелочей, кислот, древесного сора, чтобы отходы целлюлозного производства не засоряли окружающие реки. Так мы очутились на берегу Вычегды.

Среди вытасненных на зиму катеров и лодок стоял остов, похожий на китовый скелет. Это и была Мишанина мечта – катер. На нем он собирался идти к Соловецким островам.

Мишаня вырос в Архангельске. И дед и отец его были рыбаками. Он тоже хотел стать мореходом, работал матросом на лихтере. Но однажды случилась беда – хлестнул его лопнувший буксирный трос. И вышло так, что Мишаня попал не на море, а на целлюлозно-бумажный комбинат в Коряжму.

Он бился над катером всю зиму. Негустые рубли получки шли на выдержанное дерево, многослойную фанеру, краску, прочные снасти, детали к двигателю. Только малую часть Мишаня оставлял на чай, сахар и хлеб.

Однажды он неожиданно приехал в Москву. Ему понадобилось достать медные гвозди и болты, чтобы металл не разъедала морская вода.

Я познакомил Мишаню со своим товарищем Лево́й Скрягиным, связанным с моряками и корабелями, и он помог достать болты и гвозди.

И вот телеграмма. Получив отпуск и достроив катер, Мишаня переселился в него, как в свою квартиру, и ждал меня.

Катер стоял, уткнув в берег свой изящный удлиненный нос, на

котором белилами было выведено его имя – "Бурелом". Окрашен он был в скромный пепельный цвет с алыми ободками ватерлинии. По бортам и на короткой мачте стояли навигационные фонари. На крохотной палубе – ничего лишнего и громоздкого. Каюта вмещала четверых, но, поскольку нас было только двое, свободные места занимали бочка с соляной, газовая печка с баллонами для приготовления пищи и обогрева, если сильно похолодает.

Мы сделали несколько пробных ходок. Не в пример "Заморе" крутые борта хорошо держали волну, сорокасильный двигатель работал негромко, ритмично и ладно. Можно было отправляться в путь.

Пройдя по Вычегде, мы попали в Северную Двину, а из нее, минуя Архангельск, вышли в Двинскую губу.

Под холодным плоским небом лениво ворочались волны. На воду садились чайки и бойко делились новостями. Только одна, худая и грязная, летела за кормой, осыпая нас пронзительной птичьей бранью. "Бурелом" пенил мягкую, покойную зыбь. Мишаня прокалывал острым циркулем карту, рассчитывая курс. Я тихо двигал штурвал, удерживая на нуле стрелку аксиометра. Но когда мы повернули на запад, оставляя слева полосу берега Онежского полуострова, Мишаня вдруг заявил:

– Шторм идет. Скоро начнет ломать.

– Откуда ты взял?

Мишаня показал на чаек:

– Садятся на воду...

– Может, вернемся?

Мишаня почесал карандашом курчавую голову, пробежал по карте циркулем:

– Далековато возвращаться, – и вдруг добавил решительно: – Суворова читал? Кто храбр, тот жив. Кто смел, тот цел. Держи мористее!

Он знал, что у мелководного берега мы не сможем отстояться, поэтому задумал встретить шторм в море.

Вечером в борт ударила первая сильная волна. Не успел "Бурелом" сбросить с себя воду, как еще более крупная волна навалилась на него. Заскрипели переборки.

Синяя полоска берега скрылась за горизонтом, а с другой стороны закрывала небо черная со стальным отливом туча. На волнах заплясали барашки. Я развернул катер на ветер, врубив малый ход, с тем расчетом, чтобы после шторма сразу выйти напрямую к Соловецким островам.

– Надо поесть, – заторопился Мишаня. Он держал тарелку в руках, тщетно пытаясь поддеть ложкой рыбину. Подливка плескалась на одежду и стол.

И тут закачало, забило, затрясло, застонало, завертело, будто земной шар встал на дыбы. Смешалось море и небо. Перед сатанинским напором ветра и волн мы вдруг почувствовали себя крошечными букашками. Катерок показался слишком слабым и хрупким в железных челюстях взбесившегося моря. Оборвался шкертик, удерживающий язычок судового колокола. Он забил по бронзе, как в былые времена звенели пожарные колокола...

Мишаня зябко дернул плечом:

– Помнишь колокол Ллойда?

– Ллойда?

Мы вспомнили Леву Скрягина. В тот момент, когда Лева помогал доставать медные болты и гвозди, он работал над книгой о морских катастрофах. Сбором сведений о кораблекрушениях он занимался всю жизнь. Он знал о таких событиях, от описания которых леденела кровь. Эти события казались почти невероятными.

В одной из глав книги Лева рассказал о страховой компании Ллойда. Ее называют еще "Адмиралтейством торгового флота". В центре страхового зала компании на специальной конторке лежит книга в черном кожаном переплете. Это книга потерь компании. В нее с 1774 года заносятся все зафрахтованные у Ллойда суда, которые погибли. Записи делаются по традиции гусиными перьями. У Ллойда есть даже должность мастера по заточке этих перьев.

Помимо Черной книги в ходу и Красная книга. В нее тем же гусиным пером заносятся сведения о судах, пропавших без вести. Первую Красную

книгу стали заполнять в 1873 году.

Как и люди, корабли уходят из жизни разными путями. Естественная их смерть – разборка на металлолом. Но нередко корабли становятся жертвами роковых обстоятельств – морской стихии, войны, ошибок капитана и матросов, злого умысла. С тех пор как человек начал овладевать стихией моря, ему пришлось познать горечь кораблекрушений.

Лева Скрягин подсчитал, сколько судов погибло за всю историю мореплавания. Ежегодные потери в прошлом веке составили около трех тысяч судов. Начиная с 1902 года и до наших дней погибало в год примерно 398 кораблей. Ну а если учесть, что люди занимаются мореплаванием уже более двух тысяч лет, то получится примерно миллион погибших кораблей. Миллион! Это значит, что на каждые сорок квадратных километров дна Мирового океана приходится одно затонувшее судно!

Большинство этих судов погибло на скалах и подводных рифах близ берега. Некоторые нашли могилу на огромной глубине в океанских просторах. Но в мировой летописи кораблекрушений есть и краткие записи: "Такой-то корабль вышел из такого-то порта и в порт назначения не прибыл. Считается пропавшим без вести".

Сведения об авариях и катастрофах поступают в штаб-квартиру десятками ежедневно. Служащие узнают о гибели "своих" судов из радиogramм, причем весьма быстро, примерно в течение часа с момента происшествия.

А еще в страховом зале компании висит колокол – знаменитый колокол Ллойда. Удар его раздается довольно редко, не более пяти-шести раз в году. Колокол звонит только "по пропавшим без вести". Но бывают исключения. Один удар колокола раздается в зале перед объявлением о гибели какого-нибудь особого, очень большого судна или о катастрофе, унесшей много человеческих жизней, как это случилось 14 апреля 1912 года, когда погиб "Титаник".

Звонил он и перед известием о жестокой судьбе французского грузового парохода "Монблан", взорвавшегося с грузом пикриновой кислоты, тринитротолуола, порохового хлопка и другой взрывчатки в канадском порту Галифакс. В результате этого взрыва был разрушен город, погибли тысячи людей. Большинство пиротехников сходится во мнении, что до появления атомной бомбы взрыв, происшедший 6 декабря 1917 года, был самым сильным из всех, какие когда-либо знало человечество.

...Колокол настолько извел нас своим звоном, что Мишаня в конце концов не выдержал. Он привязал к поясу веревку для страховки и выскочил на палубу. Вода сразу накрыла его с головой. Цепляясь за леера, он все же подобрался к колоколу и закрепил его язычок.

Но скоро сорвалась с креплений бочка с соляжкой, начала кататься по какте, сшибая все, что попадалось на пути. Искровенив руки, избив бока о переборки, мы едва изловили махину в два центнера весом, кое-как спеленали веревками.

Всю ночь мы так и не сомкнули глаз. Мы выписывали галсы в взбесившемся море, с трудом делая на карте пометки нашего примерного местонахождения. Каждую минуту чудилось, что катер вот-вот треснет и пойдет ко дну. "Бурелом" стонал, кряхтел, валился набок, но цепко держался на гремящих волнах.

Кто-кто, а уж Мишаня знал беломорские ветры. Обеденник, тот, к примеру, добрый ветер. Начнется с полудня и стихнет к вечеру. Полуночник успокаивался через сутки. Сейчас неистовствовал злой шелонник – настоящий разбойник на море.

Шторм грохотал еще день и только ночью вроде стал стихать. Посиневший от бессонницы и напряжения Мишаня смог наконец отдохнуть.

При слабом свете аккумуляторной лампочки, освещающей компас и приборы двигателя, я вел катер, стараясь не подходить близко к берегу, но и не удаляясь в море. От усталости резало глаза, болела голова, страшно хотелось спать. Я пил крепкую заварку, от нее, как от хины, горело во рту.

Перед утром меня сменил Мишаня. Волна уже была мельче, но оставалась тугой и плотной, как боксерская груша. Каждый удар ее сопровождался скрежетом бортов и водопадным шумом переваливающегося

через палубу моря. Мишаня хотел было выскочить из рубки, чтобы поточнее определиться, но волна загнала его обратно. Отжимая мокрую одежду, он проговорил:

- Ложись спать. Скоро должно кончиться.

Я залез на койку, стал привязываться шкертиком, чтобы меня не вытряхнуло из постели, но так и не успел затянуть узел - уже спал...

Проснулся оттого, что не было качки. Тихо потромыхивал мотор на корме. Через иллюминаторы косо бил красноватый утренний свет.

- Приехали! - радостно сообщил Мишаня.

Я выскочил на палубу и онемел перед буйством рассвета. Море блестело, как рыба чешуя, будто не было никакого шторма. На востоке приветно горело малиновое солнце. А из серовато-синей дали, как бы выныривая из покойной морской глади, вырастал розовый городок в зеленом окружении лесов.

На малых оборотах наш катер входил в бухту Благополучия. То тут, то там проплывали мимо маленькие островки, заросшие кустарниками и мелким березняком, по-здешнему "луды". Из воды торчали камни, покрытые водорослями. В лоции сообщалось, что в прежние времена вход в залив обозначался деревянными крестами. Они укреплялись на каменистых насыпях и служили своеобразными буйами для шкиперов. А впереди увеличивался в размерах, раздавался вширь и ввысь Соловецкий монастырь с маковками соборов и церквей, крепостными покатыми башнями и стенами, не пробиваемыми никаким огнем.

Такой же восторг овладел мною, какой охватывал, наверно, в былые времена продрогших от стылой воды, позеленевших от работы и качки моряков. Прорвутся их корабли в бухту, в спокойную воду, подойдут к прибрежной, покрытой травой отмели, за которой стоят могучие стены, сложенные из каменных валунов, а за ними величавые соборы, - тут и неверующий перекрестится...

К монастырским стенам примыкал поселок. Слева от причала виднелся песчаный взгорок с разлапистыми сосенками, а дальше начинались вековые леса, выстланные мхом и лишайниками.

Или было еще рано, или попали мы в везучий день, когда еще не начался туристский набег, но на берегу никого не было. Все дышало покоем: и чистое небо, и ртутная тяжесть воды, и седые глыбы дикого камня, уложенного в стены и башни.

Древний городок был как бы высвечен таким же золотым блеском прошлого, как Московский Кремль, церковь Покрова на Нерли, Великий Устюг, былинный Муром, сказочный Ростов Великий.

Архимандрит Досифей, правивший монастырской братией в середине прошлого века, точно подметил состояние людей, которые впервые встречались лицом к лицу с этим удивительным созданием русского зодчества: "За десять верст Соловецкий монастырь начинает показываться плывущим к нему по Белому морю. Здесь представляет он множество колоссальных белых зданий, церковных и колоколенных остроконечных верхов, украшенных шпицами. Все сие, смежаясь вместе, образует в отдаленном взоре хотя не обширный, но довольно обзаведенный строением город. Приближаясь более к сему монастырю, при первом общем взгляде на его наружность, смешанно преемлет чувства приятного, странного и величественного"...

ГОЛОСА ИЗ ПРОШЛОГО

Константин Паустовский писал: "Непременное качество всех путешествий - обогащать человека огромностью и разнообразием знаний - есть свойство, присущее счастью.

Счастье дается только знающим. Чем больше знает человек, тем явственнее он видит поэзию земли там, где ее не найдет человек, обладающий скудными знаниями".

Помня об этих словах, мы прочитали о Соловках множество редких

книг. Мы знали Соловки и любили их еще задолго до первой встречи. И очарование овладело нами сразу, как только мы вступили на соловецкую землю.

Мы без труда перенеслись в смутные времена четырехсотлетий давности. В царствование Василия Темного, в дни великого князя Бориса Тверского и великого князя Федора Рязанского при митрополите Фотии в Белозерском монастыре пребывал некий инок Савватий... Так гласит предание. Церковники-летописцы любили покрывать далекие времена тайной и наделять сверхъестественными силами своих пророков. Говоря современным языком, Савватий был человек беспокойный, неуживчивый и крайне любознательный. То ли оттого, что опостылела ему белозерская рутинная жизнь, то ли овладело иноком желание побродить по свету, но ударился Савватий в бега.

Ушел он сначала на реку Выгу.

В то время, надо сказать, русские люди усиленно заселяли северное поморье. Новгородские ушкуйники, лихие вольные люди и боярские дружинники гнали на Север весельные лодки, конные подводы, сами бежали на лыжах, брали на нетронутых, новых землях пушнину, рыбу, соль. По проторенным ими дорогам тянулся на север обычный народ – земледельцы, ремесленники. Уходили сюда из боязни снова попасть под татарскую неволю, потому что свежи были в памяти времена кровавого монгольского ига. Люди оседали на новых землях, брались за плуг, топор, острогу, добывали себе пропитание на земле и в море. Рабы на своей родине, они и здесь оставались рабами, поскольку неволя шла впереди них. Расторопные новгородские бояре уже успели поделить меж собой поморские земли, присоединить их к своим владениям.

В освоение Севера включились и монастыри. Кучками и поодиночке уходили из крупных монастырей черноризцы, основывали здесь "пустыни".

Таким был и Савватий. Поплутав по селам на Выге, натолкнулся он на подобного себе Авву Германа. Подошли друг другу товарищи, решили вместе двинуться к Соловецким островам, где, по слухам, было много озер, а в них – рыба, на склонах гор росли боровые грибы, ягодами, водилось много разного зверья.

Юридически Соловки принадлежали богатому новгородскому боярину Василию Кокую, но фактически были "ничейными". Никто там не жил. Опасались люди забираться далеко от материка. Лишь иногда туда наведывались "проходящие ловцы, ловлю творяху и отходяху восвояси".

На лодье добрались Савватий с Германом до Соловков. Темные ели, старые березы, замшелые валуны, раскиданные по зеленым холмам, встретили их. Они обследовали Соловецкий остров, озера, бухты и заливы, съездили на соседний Анзерский, потом на Муксаломские островки и остановили выбор на горе Секирной в двенадцати верстах от бухты Благополучия, что на Соловецком острове.

Надо полагать, в первое время у них не оставалось времени для общения с богом. Они рубили лес, корчевали пни, строили жилье, добывая себе пропитание охотой, рыбной ловлей, земледелием.

Уходило тепло и солнце, наступала полярная ночь. Интересно, о чем размышляли они под дикий свист северных метелей, глухого шума моря, при тусклом свете лампадки? Видимо, им в этих условиях ничтожными казались мирские заботы людей.

Через шесть лет Савватий и Герман вернулись на материк. Надломившись, надорвавшись на тяжелой работе и постничестве, Савватий удалился в деревню Сорока и вскоре умер. Герману же посчастливилось найти другого сотоварища – Зосиму и уговорить его отправиться на Соловки. Через некоторое время подались туда и монахи из других монастырей.

Уже большой артелью срубили Преображенскую церковь, обнесли ее забором. Но место выбрали не там, где обосновывались Герман с Савватием, а прямо у бухты Благополучия, близ Святого озера, где "морские пловцы от обуревания покой и тишину имеют, близ озера, сладку (пресную) воду имущаго". Больше дети земли, чем неба, монахи жили как простые крестьяне, своими руками добывали хлеб насущный.

Скоро из братии выделился Зосима. Он и стал главой монастыря. Новый игумен первым делом позаботился об укреплении религиозной славы

Соловков. Из деревни Сороки он перенес на остров мощи преподобного Савватия, распустив слух об их чудодейственной силе. Потом уехал в Новгород, чтобы найти среди новгородских бояр покровителей и просить у архиепископа защиты от местных жителей, с которыми монахи начали конфликтовать.

Действуя то посулами, то подарками, то лестью, энергичный Зосима с успехом выполнил обе задачи. Заинтересованные в укреплении своей власти в Поморье бояре делали в монастырь богатые вклады драгоценностями, зерном, роскошными церковными одеждами. Знаменитая посадница Марфа Борецкая, семья которой владела большей частью Карельского берега, подарила монастырю Кемскую волость и Сумской посад. Позднее она же с сыном Федором отдала соловецким монахам вкладную запись на свою вотчину на морском берегу. От архиепископа Ионы и новгородских бояр Зосима добился грамоты на владение островами и прибрежными водами.

Так Соловецкий монастырь укрепился на Поморье и стал быстро набирать силу. Морские промыслы, соляные варницы, право беспоплино торговать солью, богатые земли сделали его могущественным феодалом на Русском Севере.

Несколько раз пожары уничтожали монастырь и деревянные жилые дома, однако проходило время, и он отстраивался вновь. В засушливом 1538 году монастырь выгорел до основания. Этот страшный пожар видел молодой еще боярин Федор Степанович Колычев, недавно постриженный в монахи и названный Филиппом. Когда огонь пожирал бревенчатые строения, Колычев поклялся сделать будущий монастырь каменным.

Через десять лет бывший боярин сделался игуменом. Тогда он и начал воплощать свою мечту в жизнь. Со всех сторон призвал Филипп искусных строителей – каменщиков, плотников, живописцев. Они соорудили Успенскую церковь с трапезной, Преображенский собор, построили кирпичный завод и мельницы, провели дороги, осушили топи и болота, превратив их в обширные луга и пастбища, соединили внутренними каналами озера, открыли кожевенные мастерские. При монастыре же завели монахи большое молочное стадо. На Заяцком острове появилась каменная пристань, а по берегам моря и рек – новые солеварни, железоплавильные печи.

Филипп, несомненно, был передовым для своего времени человеком и рачительным хозяином. Соловецкий летописец сообщает и о таких его нововведениях: "нарядил ветр мехами в мельнице веяти рожь", сделал сеялку с решетами, ею управлял один человек. При Колычеве умельцы механизировали подачу зерна в сушило, изобрели "квасопровод", по которому квас из большого чана стекал в погреб, где сам разливался по бочкам.

Сытно стала жить монастырская братия. Тот же летописец с восторгом пишет, что при "Филиппе игумене прибыли: шти с маслом, да разные масляные приспехи, блины и пироги, и оладьи, и кружки рыбные, да и кисель, да и яишница; стали в монастырь возити огурцы и рыжики, прибыли олени, а до Филиппа игумена оленей на острове не было, и коровы...".

Но жизнь Филиппа пришлась на время правления Ивана Грозного. Сначала царь жаловал монастырь колоколами, иконами, ризами, деньгами. На постройку соборной церкви Преображения Грозный послал тысячу рублей – сумма по тем временам огромная. Несколько раз царь вызывал Филиппа в Москву для совета. В 1566 году он сделал соловецкого игумена митрополитом всея Руси. Но Колычев, сам боярин по рождению и духу, начал открыто выступать против всемолия опричнины. Скоро он нажил себе врага – беспощадного Малюту Скуратова. В этой борьбе победил Малюта. Грозный сослал опального митрополита в Тверской монастырь, лишив его церковного сана. В Соловки же прибыла следственная комиссия из церковников и бояр. "Все они хотя и не имели причин враждовать на Святого (так летописец называл Филиппа), однако не устыдились, подобно всем временщикам и льстецам, ищущим не общественного блага, но токмо личных выгод, для коих они всегда готовы попрасть веру и добродетель, лестью и посулами почестей склонили игумена Паисия и других соловецких старцев на составление ложных показаний; посему они тогда же взяты в

Москву для мнимого обличения Святого Филиппа, а монастырская сумма и ризница по описи запечатана была впредь до разрешения".

Через год Иван Грозный признал обвинения ложными. Он немилосердно расправился с клеветниками, хотел сам идти к Филиппу с покаянием, но опоздал. Опередив царя, Малюта тайно задушил Колычева.

Деятельность Филиппа для Соловецкого монастыря не прошла даром. При нем монастырь стал крупнейшим поставщиком соли на Руси. Соловки отправляли ее в Холмогоры, Великий Устюг, Вологду. Имея большой флот, они успешно торговали с английскими, голландскими, немецкими купцами.

Когда на морском горизонте появилась эскадра шведов, монастырь мужественно встретил захватчиков. Обеспокоенный за судьбу Русского Севера, Иван Грозный послал на Соловки пушки, огнестрельное оружие, порох, наказал создать особое стрелецкое войско и во главе его поставил московского воеводу.

После смерти Грозного по указу Федора Иоанновича началось возведение из дикого камня стен и башен Соловецкого кремля. Днем и светлыми северными ночами сотни подвод подтаскивали глыбы дикого камня в триста - четыреста пудов весом. Под тяжелый скрип деревянных подвесов, под гудение цепей эти глыбы укладывались одна на другую, скреплялись известковым раствором, замешанным на яичном белке, дополнялись в швах кирпичной кладкой. Самые большие камни укладывались под основание, выше шли валуны поменьше. На верху стен, с внутренней стороны, устраивались деревянные крытые галереи, откуда через бойницы защитники могли обстреливать неприятеля.

...Мы с Мишаней долго ходили вдоль древних стен. Ветры и время оставили на камне свои отметины. Но было немало следов, полученных от неприятельского огня, от снарядов и пуль иноземцев - литовцев, шведов, англичан. Монастырь посылал деньги русским воеводам, которые сражались с войсками Лжедмитрия. В Соловецком монастыре схоронили сподвижника Минина и Пожарского Авраамия Палицына. Не стерлась надпись на его могиле: "В смутное время междуцарствия, когда России угрожало иноземное владычество, ты мужественно ополчился за свободу отечества и явил беспримерный подвиг... Незабвенна память твоя в сердцах благородных сынов отечества, тобою освобожденного с Мининым и Пожарским".

В 1694 году Соловецкие острова посетил Петр I. Он пожаловал на монастырское строение 745 рублей 25 копеек. Царь уже тогда, в начале своего правления, внимательно присматривался к крепости. В планах будущей войны со шведами она могла стать надежным подспорьем тыла.

В августе 1702 года Петр прибыл сюда с эскадрой кораблей и четырьмя тысячами солдат Преображенского и Семеновского полков. Он долго, как и в первый раз, осматривал укрепления, лазал на башни, проверял артиллерию, спускался в подвалы оружейных складов.

Ночуя на корабле, Петр ежедневно съезжал на берег, знакомился с хозяйством, читал документы богатого монастырского архива, рассматривал старые военные карты. Им уже крепко владела мысль ударить по шведам со стороны Заонежья, откуда они никак не могли ожидать нападения.

В Соловках Петр распорядился начать постройку еще одной церкви, в честь Андрея Первозванного - покровителя русского флота. Эта церковь стоит и поныне. Потом он отпустил корабли в Архангельск, а сам на двух яхтах - "Святой дух" и "Курьер" поплыл в юго-западном направлении и встал у большой поморской деревни Нюхча. Отсюда в глубокой тайне он начал строить "государеву дорогу".

Ее вели согнанные из приморских сел крестьяне и солдаты. Шла она через леса, реки, холмы и болота. Просеки устилались гатями. По ним от Белого моря к Онежскому озеру волоком протащили корабли, спустили на воду. Суда прошли до Ладоги и нанесли удар по крепости Нотебург, позднее переименованной в Шлиссельбург. После падения крепости русские освободили от шведов весь бассейн Невы, и Петр обосновал на ней новую столицу России.

Этот героический эпизод в истории долголетней войны во многом предопределил грядущие победы. После поражения в Северной войне шведы уже больше никогда не воевали.

Стойко перенес Соловецкий монастырь и грозные события Крымской войны. В то время, когда англо-французские и турецкие войска штурмовали севастопольские бастионы, британские эскадры подвергли бомбардировке окраинные русские города Петропавловск-Камчатский, Архангельск и Соловецкий монастырь.

Белой, солнечной ночью 6 июня 1854 года архимандрит Александр, несший дозор на дальней оконечности большого Соловецкого острова, увидел на горизонте дымы паровозов. Во весь опор он погнал лошадь к монастырю, влетел в ворота и закричал: "Идет вражья сила!"

Помолившись, монахи сноровисто разобрали оружие и повалили на стены.

Английские паровые фрегаты "Бриск" и "Миранда" подошли к монастырю на пушечный выстрел и стали сигнализировать флагами, пытаясь начать переговоры. В ответ русские артиллеристы послали трехфунтовое ядро. Тогда англичане начали бомбардировку монастыря. Тут вступила в бой батарея, скрытно поставленная русскими канониками на морском берегу. Она нанесла повреждения одному фрегату. Тот сразу отошел мористее и остановился на ремонт.

На другой день на остров прибыл парламентар с ультиматумом. Он требовал сдачи в плен всей военной команды и полного разоружения. Предложение, конечно, было отвергнуто. Тогда корабли открыли стрельбу. Палило семьдесят пушек.

Более девяти часов град бомб и ядер сыпался на старые стены. Из-за дыма нельзя было рассмотреть даже ближайшие дома. Море и озеро кипели от взрывов. Пудовые и двухпудовые гранаты рвались у соборов. Но жертв и больших повреждений не было. Со стен и батареи на берегу храбрые артиллеристы метко били по вражеским кораблям.

Так ничего и не добившись, фрегаты отошли к Заяцкому острову, разорили здесь поселок и покинули Белое море.

Через год англичане снова подошли к Соловецким островам. На берегу, там, где сейчас в память об этих днях лежит "переговорный камень", английский офицер вел переговоры с монастырским настоятелем. Но они окончились безуспешно. Русский Север и его часовая – Соловецкий монастырь так и остались неприступными для захватчиков.

...Миша Русин был впечатлительным человеком. Он лазал по монастырю и молчал. О чем он думал? Что чувствовал? Может, ему в голову приходили те же мысли, что и мне? Мы разглядывали щербатую кирпичную кладку, бродили меж старых могил, по стершимся каменным плитам спускались в подвалы... "Отечество вырастает из своей истории", – вспоминались вдохновенные слова известного историка академика В. О. Ключевского. Мы, люди, тоже вырастаем из нее. Но мы можем забыть об этом, а история не забывает нас, тайными связями продолжая непрестанно воздействовать на сердце. Мы несем историю в себе, и она соединяет нас с бесконечной вереницей предков и их дел.

Говорят, что камни молчат. Не верю! У камней такой же богатый язык, как у немых. В этом языке есть и оттенки чувств, и блеск мыслей.

Ржавое кольцо, вмурованное в стену, уже сточилось от времени. Но чтобы его выломать, надо разобрать кладку. Какой цели служило оно в полутемной келье? Зачем понадобилось строителям вкладывать в цепкий известковый раствор длинный стержень кольца, да так, что никакой силе не вырвать его?

И тут пришла догадка. Да ведь это кольцо держало цепь. А к цепи был прикован человек!

Не только воином и хранителем древних икон и рукописей, проводником письменности и культуры был Соловецкий монастырь. Он был и страшной тюрьмой, не уступавшей Петропавловской крепости и Шлиссельбургу. В сырых и холодных каменных мешках с единственным зарешеченным окошком содержались самые опасные для царя и духовенства узники.

По жестокости режима Соловки не имели себе равных. Тех, кто попадал сюда, можно было сразу вычеркивать из списков живых. Об узниках не знали родственники, никто не видел их слез, не слышал их стонов, жалоб, проклятий. Многих бросали в подвалы со скованными руками и ногами, с вырванными языком и ноздрями, иных еще приковывали

цепью к стене. В тюрьме Соловков, кишасей крысами, мучились сотни людей. Они не видели солнца, теряли счет годам. Если арестанты других тюрем еще надеялись на прощение, на соловецких заключенных оно не распространялось. Сюда ссылали на бессрочную каторгу, и приговоры пестрели выражениями: "Послать до кончины живота его", "Быть ему в вечных трудах до смерти", "Быть навсегда в тягчайшие труды скованным" и т. д. Грамотных арестантов непременно лишали бумаг, перьев, книг.

На главном дворе кремля у стены Петропавловского собора мы натолкнулись на могилу Петра Андреевича Толстого. Как попал сюда ближайший и деятельный сотрудник Петра I, сенатор и первый русский посол в Турции, президент Коммерц-коллегии и бессменный управляющий Тайной канцелярии, которая сама калечила людей и ссылала в те же Соловки, следовательно по делу царевича Алексея, подписавший наследнику смертный приговор? Предчувствуя близкую кончину вдовы-императрицы Екатерины I, Толстой стал "вымышлять злые способы" лишить престола Петра Алексеевича, двенадцатилетнего сына царевича Алексея, и выбрать императора "по своей воле". Но всеильный Ментиков с князьями Долгорукими одержали верх в придворной сваре и посадили Петра II на престол. Толстой был лишен власти и богатств, сослан на Соловки. Здесь и пришла смерть.

Вскоре соловецкая тюрьма приняла и одного из противников Толстого – князя Василия Лукича Долгорукого. Всеильный временщик Бирон, фаворит Анны Иоанновны, сначала заточил его в Соловецкий монастырь, а потом для большего спокойствия решил казнить. Долгорукого вызвали в Новгород и там отсекли ему голову.

Здесь же, в Соловках, сидел последний кошевой Запорожской Сечи Петр Кальнишевский. Задумав навсегда покончить с запорожской вольницей, Екатерина II в 1775 году приказала уничтожить Сечь, а атамана по ложному доносу упрятала в Соловецкий монастырь. Шестнадцать лет провел кошевой в каменном мешке Белой ("Головленковой") башни, девять лет просидел в другой камере. Новый император Александр I даровал ему прощение. Кошевому исполнилось ровно сто десять лет. Он вышел на свободу совершенно слепым. Не надеясь больше увидеть родную Украину, Кальнишевский попросил оставить его в монастыре. Через два года он умер.

В "острожной" тюрьме позднее томились декабристы, для которых была даже написана специальная инструкция, составленная злобещим палачом декабристов комендантом Петропавловской крепости генералом Сукиным. Сидели здесь народовольцы и другие революционеры. Лишь в 1903 году, просуществовав три с половиной столетия, соловецкая монастырская тюрьма была ликвидирована...

...Мы вышли из подвалов на свежий воздух. Здесь, в этом соловецком слежке былого, мало что изменилось с тех пор, как по двору ходили люди в малиновых кафтанах стрельцов, коричневых монашеских сермягах, черных домотканых ризах. Та же мебель в кельях и залах, тот же двор и кусты под окнами... Дух прошлого продолжал жить в этих стенах. Меж громадных плит у главных монастырских строений пробивалась трава, цвел клевер. Из леса доносился крепкий смолистый запах. Спокойно, глубоко и ровно дышало море. В нишах соборов шумно возились дикие голуби.

Первого строителя Соловков звали Трифон. История не оставила ни его портрета, ни описания внешности. Но вот душу его мы, пожалуй, почувствовать смогли. Он творил в жестокое, темное время, но как он чувствовал природу – лес, камни, цвет неба, шум моря!.. Трифон сказочно вписал свое буйное создание в дикий пейзаж Соловецких островов. Такое мог сделать только оптимист, который, несмотря ни на что, воспринимал жизнь как праздник.

Как во всяком талантливом человеке, в нем жила склонность к размаху. Он смело вытянул крепостные стены вдоль берега, а с двух сторон на суше сжал оборонительные сооружения до предела. Почему? Зачем? Сухопутный враг, считал Трифон, опаснее для защитников, чем морской. Поэтому он и поставил башни близко друг к другу, на расстоянии ружейного выстрела.

А еще, наверное, по-русски добр, душевно щедр был этот Трифон.

Архитекторы средневековья старались делать крепости как можно более устрашающими. Материал для строительства они выбирали темный, могильный. Стрельчатые башни, узкие бойницы, голые, как череп, утесы покатых стен внушали страх и трепет. Даже сейчас возникает какое-то смутное беспокойство, когда смотришь на башню Гедимины в Нарве. А вот Соловецкая крепость тревоги не вызывает, особенно если видишь ее в теплый солнечный день.

Последователи Трифона увенчивали гладкие плоскости церковных стен крутыми кровлями, килевидными кокошниками, что еще более подчеркивало устремленность сооружения ввысь, к небу.

...Уже вечерело, пора было устраивать ночлег. Мы пошли к пристани, где стоял наш "Бурелом". Молчаливый Мишаня еще раз оглянулся на Соловецкий кремль и вдруг проговорил:

- Здесь русский дух, здесь Русью пахнет...

На газовой плитке мы приготовили из суповых пакетиков еду, поужинали. В каюте было так же светло, как и днем. Мы занавесили иллюминаторы и легли спать, намереваясь пораньше встать и пойти в соловецкие леса пешком.

ЗЕРКАЛЬНЫЙ БЛЕСК ОЗЕР

Мрачная, пепельно-сизая берендеева чаша. Кинжальный свет солнца. Черно́та теней. Густой мир красок, запахов, звуков окружал нас. Попискивали серые крошки-полево́чки, им вторили синички, бойко верещали кедровки. Под ногами шуршали ящерицы. Высоко подбрасывая задние лапки, разбегались бурундуки. Каждый клочок пространства был заполнен жизнью. Неутомимо трудились муравьи, ползали какие-то совсем мелкие букашки и хлопотливо орудовали в прелой земле. Старые сосны с кряжистыми ветвями стояли в обнимку и прикрывали небо. Вершак-ветер трепал их макушки. Сосны досадливо шумели, поскрипывая закостенелыми суставами. Светленькие соседки-осины шикали на великанов, как будто успокаивали их. Только флегматичные ели безмолвствовали. Они росли в тени и не лезли вверх к свету и ветру. Ели были так густы, что походили на шалаши. Их семена уже созрели, но шишки не отваливались, как это бывает у сосны, а рассыпались, вытряхнув наземь смолистые семечки. Около пихты подрастал молодняк, будто нарочно посаженный в один ряд. Семена пихты развиваются не просто в земле, а на разлагающемся валежнике, когда-то упавшем и теперь стгнившем стволе. Вот и вытянулись молодые пихточки ровной линейкой. Умершее дерево дало им живительные соки.

Мы молча шли по тайге, очарованные ее великолепием. Ярко-оранжевая морошка горела в мягких, пушистых мхах. Маслянисто поблескивала черника величиной с сибирскую ранетку. Алели брусника и клюква. Тут же росли плотные, породистые грибы, не тронутые червоточинной. Все это можно брать без труда, как это делали раньше монахи, у которых ломились подвалы от разных варений, солений и маринадов.

К полудню мы наткнулись на речку. Ее пересекала дорога с каменным мостиком. Далеко на взгорке белела часовенка. Здесь поддувал ветер и не так сильно донимали комары. Сквозь густую поросль орешника проглядывало зеркальное озеро.

Речка, как и мост с дорогой, была сотворена человеческими руками. Раньше на Соловецких островах рек не было. Приспосабливая для жизни дикие земли, монахи прокладывали каналы, соединяя многочисленные озера в единую систему. Мы продирались сквозь настоящую тайгу, натыкались на речки, которые еле различались в чаще, и не верилось, что их когда-то прокладывали человеческие руки. Вряд ли древние строители знали, что своим трудом они начинали великий экологический эксперимент на Руси, создавая в озерах постоянный ток воды, предотвращая зарастание и

заболачивание. Вода, перемещаясь из озера в озеро, попадала в конечный резервуар – знаменитое Святое озеро у стен монастыря, которое, по словам того же Досифея, "содержит воду отменно чистую, на вкус легкую и здоровую".

Энергию воды монахи использовали для работы мельницы, лесопилки, крупорушки, сукновальной машины и даже механизированной прачечной. Существовала и "судоходная" система каналов, которую строили "обетники", люди, которые давали обет проработать бесплатно на монастырь в течение какого-то времени. По этим каналам ходили груженные большие лодки. Они перевозили сено, лес, строительные материалы. А во время длинных соловецких зим по каналам проходил идеально ровный "зимник". Существовала даже "пароходная навигация": на лодке был установлен паровой двигатель с высокой трубой.

Мы добрались до хутора Горки, где был ботанический сад. Его разбили 150 лет назад, и это чудо, сотворенное людьми, сохранялось из поколения в поколение. Здесь росли те же овощи и яблони, что и в черноземных областях России и на Украине.

На лодочной станции, работающей круглосуточно, Мишаня взял лодку у такого же, как он сам, белокурого северянина, попробовал весла на крепость, вставил в уключины.

– Весла на каналах берегите! – предупредил лодочник.

Раньше по откосам канала были раскорчеваны пни. Сейчас леса поглотили откосы, вплотную подступили к воде. Не мудрено было весла и ломать.

Мы поплыли. Лодка скользила по глади, тревожа отражение курчавой лесной стены. Радугой вспыхивали и гасли солнечные блики. Тишина расплывалась вокруг – глубокая, спокойная, безмятежная. Вспомнился Аксаков, удивительно точно описавший состояние спокойной и чуть грустной души: "Природа вступит в вечные права свои. Вместе с прохладным, благовонным, свободным, освежительным воздухом вдохнете вы в себя безмятежность мысли, кротость чувства, снисхождение к другим и даже к самому себе".

Лес над каналами смыкался верхушками. Весла упирались то в один, то в другой берег. В темной воде можно было разглядеть хорошо пригнанные валуны по бокам и светлое песчаное дно. Озера чередовались с последовательностью станций метро. По берегам росли высокие травы, в седых мхах полно было грибов и ягод. На легкой воде лежали желтые и белые кувшинки. Они сопровождали нас почти до Красного озера с его неожиданно высокими берегами. За ними виднелась Секирная гора с белокаменной церковкой – соловецким маяком. По другую сторону Секирной горы блестело море.

В той части моря, у поселка Реболда, трудились добытчики ламинарии, или, попросту, морской капусты, которая продается в рыбных магазинах. У Соловецких островов ее великое множество. В Японии ламинария – национальное блюдо. Там она так же незаменима, как у нас картошка. Кроме того, она обладает целебными свойствами. Не случайно у японцев бывает мало сердечно-сосудистых заболеваний.

Работа добытчиков требует сноровки, опыта, недюжинной силы. В отлив от берега отгребают карбасы. Стоя на корме, широко расставив ноги, люди в оранжевых непромокаемых робах спускают в воду длинные шесты с перекладиной, шуруют ими в глубине, наматывают на них траву, дергают что есть силы, отрывая от дна.

Вдали тралят морскую гладь "доры". По бокам у доры две металлические "кошки", похожие на огромных пауков. Время от времени люди сбрасывают "кошки", скребут ими по дну, по зарослям ламинарии, вытаскивают и вываливают в карбасы густо-коричневые вороха.

На берегу разбиты "плантации" – несколько зарытых в землю столбов, между ними натянута колючая проволока. Сезонники перетаскивают сюда траву из карбасов, широкими ножами обрубая "корни", освобождают от гальки и разного морского сора, развешивают на проволоке трехметровые "листья", складывая их вдвое и втрое. Потом скрипучие листья, похожие на выстиранное белье в морозный день, складывают на большие деревянные щиты, прикрывают брезентом, чтобы не сдуло ветром. Мелкую ламинарию просто вилами разбрасывают по земле,

ворошат, давая подсохнуть нижнему слою. Затем на механических или самодельных прессах делают тюки и готовят к отправке в Архангельский водорослевый комбинат.

Этот комбинат возник еще в восемнадцатом году на месте маленького йодового завода. Это было первое предприятие, перерабатывающее беломорские водоросли. В 1938 году поставили новое оборудование, завод значительно расширили. Теперь комбинат выдает стране крайне необходимую продукцию – альгинат натрия, маннит и агар.

Когда идет ламинария, получают альгинат, важный краситель тканей, компонент при обогащении руд, раствор, уменьшающий при бурении вязкость самых липких глин. Идет альгинат и в пищевую промышленность, где используется при выпечке хлеба и кондитерских изделий. В медицине его применяют как кровоостанавливающее средство.

Маннит – это превосходное сырье для производства олифы и смол.

Из кустистой водоросли анфельции бежевых, фиолетовых, темно-синих тонов, которую на берег выбрасывают осенние штормы, получают дефицитную продукцию – агар. Это малайское слово означает "желе", "желатин". Малайцы первыми научились делать "желе" из морских водорослей. Пастилу, мармелад, мягкие конфеты, мороженое, консервированное молоко, сыры, мыло, целлофан невозможно приготовить без агара. Есть у этого вещества и другие достоинства. Он придает блеск тканям, глянец – бумаге, входит в состав антикоррозийных покрытий.

Добыча недалеко от берегов примитивными приспособлениями – лишь начало. Наверно, придет день, когда изобретут подводные косилки и с морских пастбищ начнут собирать богатые урожаи. А пока... Пока под комариный звон, исколотыми о проволоку руками, под солнцем и светом, переполнившим здешний мир, добывается эта морская трава и в консервах, тканях, конфетах, аптечных коробочках идет к людям.

На этом закончилось наше путешествие на Соловецкие острова. Оно было недолгим. Стала портиться погода, и Миша Русин заторопился домой, боясь опоздать на работу. Но был, как сказал поэт, "чуден миг". Этот миг – древние стены с крепостными башнями и царственными соборами, дремучие леса, полные векового достоинства, зеркальные озера среди яркого разнотравья под тихим северным небом – уже не забыть никогда.

РАССКАЗ ТРЕТИЙ

ТРУДНЫЕ БЕРЕГА

НА ПЕРЕКРЕСТКЕ ДНЕЙ

На дворе стоит глухая зима, и еще совсем не думаешь, куда ехать летом. Но вдруг приходит твой друг, стряхивает с шапки снег, снимает пальто, берет чистый лист бумаги, и мы уходим на кухню. Здесь в тишине, уединясь от всех, мы начинаем составлять список... список необходимых для дороги вещей.

Составление списков – один из самых волнующих, если не самый волнующий момент любого путешествия. В отборе предметов, которые мы

намереваемся взять с собой, есть нечто мистическое. Чем иначе, как не волшебством, можно объяснить, что скучнейший пронумерованный перечень товаров ширпотреба сочиняется (он именно сочиняется!) с подлинно поэтическим вдохновением. Слова, обозначающие ничем не примечательные предметы, попав в этот перечень, вдруг приобретают новые и удивительные свойства.

Вот, например, в перечне под номером двадцать три значится: "Кружка".

Ну что особенного в кружке? Да ровным счетом ничего. Добро бы это была какая-нибудь старинная кружка с затейливой ручкой и с крышкой. Нет же, обыкновенная зеленая эмалированная кружка. Даже не новая. Всю зиму простояла она на кухне с топленным маслом, и никто не обращал на нее внимания.

Но сейчас, попав в список и продолжая еще находиться на кухне, эта простая эмалированная кружка способна на чудо. Чудо состоит в том, что, когда на бумаге появляется слово "кружка", в голове возникает чарующее видение. Иссиня-черная ночь. Глухо, грозно шумит высокий лес, качаются еловые лапы. Дым костра не решается уйти в далекое небо, тает в лесу. Пламя у костра веселое, жаркое. Палатка уже установлена, спальные мешки расстелены. Остается только выпить чаю. Ты сидишь у костра и пьешь из зеленой эмалированной кружки обжигающий, терпкий, коричневый чай, пахнущий хвоей и дымом.

Нехитрая вещь кружка. А ведь она в одно мгновение переносит нас из старого московского дома в таежную глухомань. Такова сила волшебства.

Или вот другой пример. Пункт тридцать седьмой: "Накомарник". Казалось бы, что уж привлекательного в этом слове? Напоминание о комарах способно отвратить сердце от самого заманчивого путешествия. Не было еще человека, который бы с радостью думал о комарах. Но вот наваждение! Горячую симпатию испытываем мы даже к накомарнику в час составления списков. И хотя мы хорошо знаем, что накомарник более всего походит на предмет туалета кисейных барышень, нашему мысленному взору он рисуется как некое стальное забрало доблестного рыцаря тайги и тундры. Волшебство да и только!

Увлекательное это дело – составление списков. Вспоминаешь о лучших минутах былых путешествий и предвкушаешь радости нового... Все, что ожидает тебя в пути, кажется тогда восхитительным!..

Есть в Москве такая контора – "Аэрогеология-2". Полное ее название – Аэрогеологическая экспедиция э 2 Всесоюзного аэрогеологического научно-производственного объединения "Аэрогеология" Министерства геологии СССР. Существуют и первая, и третья, и не знаю какие еще экспедиции, но они работают в других местах. Район деятельности этой конторы – северный угол Хабаровского края и юг Магаданской области. Здесь она вела геологическую съемку, охватывая площадь в тысячу с лишним квадратных километров.

В отдел кадров "Аэрогеологии-2" и привел меня ранней весной мой друг художник Боря Доля, соблазнив краем непуганых птиц и нестреляных медведей. Он уже работал с геологами несколько полевых сезонов и ввел меня в курс дела.

Вся наша экспедиция делилась на партии, партии – на отряды. Нам предстояло вести разведку на реках Улья, Кекра, Кивангра, Унчи, Итема, Оганди. Все они скатывались в Охотское море. На западе территории проходил легендарный хребет Джугджур. О нем вдохновенно рассказал Григорий Анисимович Федосеев в своих книгах "Тропой испытаний" и "Смерть меня подождет".

Отряд состоял из четырех человек. В его распоряжении были карта и аэрофотоснимки. По карте строился маршрут. Снимок помогал лучше ориентироваться. Парами – обычно геолог и рабочий – исследовали породы, брали образцы, шли, как правило, по вершинам гор, там, где есть выходы коренных пород. Другая пара – шлиховщики – двигалась по ручьям и рекам. Они промывали в лотках породу, оставляя шлихи – тяжелые элементы полезных ископаемых. Собранные образцы в лаборатории подвергались анализу, сопоставлялись со шлихами.

Перед тем как выезжать, Боря решил выяснить, кто из русских людей

был первым в тех местах, где мы должны были работать. Он долго копался в старых книгах и справочниках, но не нашел ничего интересного. Район Джугджур представлялся в этом отношении абсолютно "белым пятном". Боре попадались описания других районов, даже более глухих в старое время, однако ни Джугджур (если не считать книг Г. А. Федосеева), ни Ульи, ни других рек, по которым нам предстояло пройти, как будто и не существовало. И уже отчаявшись что-нибудь найти, Боря вдруг натолкнулся на описание похода казаков Ивана Москвитина. Более трехсот лет назад они видели Улью, проходили через Джугджур!

Вот ведь что получается! Многие читали красочные описания походов Дежнева и Пояркова, Хабарова и Стадухина... А между тем несправедливо забытое имя Ивана Москвитина заслуживает не меньшей славы. Из острога на Алдане он добрался до устья небольшого притока Май, по нему прошел до подножия хребта Джугджур и, перевалив, спустился к Улье. Эта река вынесла казачьи лодки в Охотское море, к Шантарским островам, Амуру, Сахалину и, возможно, Курилам. Через мели и водопады, вековые заломы и прижимы провели свои кочи первые в этих местах русские люди.

...До аэрогеологической базы в Охотске добраться было делом нетрудным. Мы успели выкурить по несколько сигарет после того, как вылетели из Москвы на Ил-62, увидели, как заря столкнулась с зарей, нарушив четкость часовых поясов, позавтракали и одновременно пообедали. Так скомкался стремительно пробежавший день.

В Хабаровске сделали пересадку и полетели над Охотским морем. По нему еще бродили ледяные поля. Деревянный, скорчившийся от холодного дождя - таким предстал перед нами Охотск. Здесь, на окраине, и была база экспедиции - жилые бараки, обложенные поленицами дров, дощатые склады, гараж.

Постепенно прибывал народ. Машина с брезентовым верхом так и сновала от аэродрома к базе и обратно. Получив резиновые сапоги, спальные мешки, стали ждать у моря погоды. Холодные туманы рождались над заливом, наползали на сушу и повисали в горах устойчиво и плотно. А как раз туда, в горы, мы должны были лететь. Помаявшись в безделье, начали ловить нехитрой леской-закидушкой дальневосточную камбалу. Жирную, широкую, как лопата, рыбу пекли тут же на костре. А небо было темное, неласковое, и сыпал скучный, реденький дождик...

В середине дня разъяснилось. Мы побросали вещи в кузов грузовика и ринулись на аэродром. Там ждал нас тяжелый вертолет Ми-8.

Он покачался на могучих лапах, будто спринтер перед стартом, когда нащупывает устойчивую опору, поднатужился и легко пошел вверх. Косо поплыли аэродромные пристройки, маленькие огородики, лиственницы на окраинах. А впереди поднимались рыжие склоны Джугджурского хребта. В ущельях и седловинах голубели подушки снежников. За короткое лето они не успевали стоять и оставались до будущих вьюг. Их окружали изумрудные заплатки кедрового стланика с редкими высыхающими лиственницами. А ниже поблескивали на солнце оловянные спиральки речек.

Через час вертолет свалился в долину, надвое распластанную широкой рекой. Он приземлился на каменистую косу, выбрав пятачок среди навалов вымытых до белизны коряг и кустарника, вырванного из берегов весенним половодьем. Синеватая река гнала воду через гладкие камни туго и плотно. Там, где закручивались воронки, вспыхивали огоньки - то отсвечивали спины прожорливых хариусов.

Это и была Улья. В прошлом году на ее берегу останавливались базой геологи, оставили здесь много нужных для бивачной жизни вещей. Ими следовало догрузить вертолет. Темные, сработанные наспех избы хранили всякое добро: котлы, ведра, железные печки, топоры, бочки из-под бензина. Без всего этого мы попросту не могли жить на новом месте. По множеству следов бывалые люди определили, что базу часто посещали медведи. Да и новички сразу разобрались в их метках. Звери когтями и зубами пытались сорвать замки с дверей, разломали рамы маленьких окон, но пролезть не смогли. Они шли на весенние свадьбы, запах оставленной с прошлой осени соленой горбуши тянул их к избушкам.

Покончив с погрузкой, мы зашли в ледяную воду Ульи помыться. Сильно, упруго мчалась она к океану. Мелькали там и тут темные спины

хариусов. Рыба упрямо шла против течения к далеким перекатам, где высились целые каскады водопадов. Москвитинские казаки называли такие места убойными. Около самого большого "убоя" они оставили свои струги, обошли тайгой водопады, построили новые лодьи и на них доплыли до моря.

Совсем не просто это было сделать тогда. Опершись на свои пищали, тревожно смотрели они на неведомую реку, гадали, что скрывается за ближайшим поворотом, куда она их приведет, можно ли доверять обманчивой тишине. Позади лежала громадная таежная страна Сибирь, по которой они шли от родного Урала, а впереди маячило нечто темное, неведомое. И сколько же было в этих людях гордого достоинства и самоуважения, чтобы после всего пережитого они рассказали о своих мытарствах такими скупыми словами: "А волоком шли день ходу (через Джугджурский хребет!) и вышли на реку на Улью, на вершину. Да тою Ульею-рекою шли вниз стругом, плыли восьмеры сутки. А на той же Улье-реке, сделав лодью, плыли до моря, до устья той Ульи-реки, где она пала в море, шестеро суток".

Святое это дело – быть первооткрывателем. И мы, прилетев сюда, в этот глухой край, в какой-то мере почувствовали себя сродни первопроходцам.

Потом вертолет снова взлетел и перенес нас на берег Кивангры, речки поменьше Ульи, но такой же быстрой и чистой. К косе плотной стеной подступал лес. Здесь мы разбили палатки, стали воздвигать лабаз. Сделать лабаз было делом непростым. Надо выбрать четыре большие ели, которые стоят близко друг к другу, спилить верхушки, положить бревна-стропила, на них настелить жерди. Получится нечто вроде наблюдательного поста. Срубив такое сооружение, на площадку вверх забросили ящики с макаронами и тушенкой, яичным порошком и сгущенным молоком, мешки с мукой, солью и крупами. Это продовольствие предназначалось для осени, когда все отряды снова соберутся сюда на камеральные работы.

Лабаз сооружали от медведей. Геологи не раз оказывались свидетелями изобретательности и хитрости диких хозяев этого края. Не в силах добраться до лабаза, взрослые медведи подсаживали туда малышей, и те сбрасывали ящики; потом медведь лапами сжимал банку так, что крышка лопалась, и содержимое выплескивалось прямо в пасть. Особенно любили мишки сгущенку и варенье.

На своей новой базе у реки Кивангры партия разделилась на отряды. Тут-то игодились бочки из-под бензина. Мы вскрывали бочку, как консервную банку, орудуя топором и деревянной колотушкой, туда закладывали спальные мешки, палатку, продукты, стеариновые свечи, запасные пачки с патронами. Закрывали той же крышкой, закрепляли толстой проволокой, оставляя конец, которым прикрепляли потом бочку к дереву, чтобы ее опять же не укатали медведи.

Вертолет разбросал бочки по маршрутам. Это намного облегчало нашу жизнь. Мы могли идти налегке от бочки к бочке и выполнять основную работу. Поживем около одной из них, выполним все маршруты в этом районе, запакуем все обратно и двинемся к другой, третьей... Потом вертолет облетит тайгу, соберет все бочки и привезет на базу к Кивангре.

В наш отряд вошли четверо: геолог и начальница Лида Павлова, радиометрист Коля Дементьев и мы с Борисом – шлиховщики. Лида, невысокая, крепкая, черноволосая женщина с большими карими глазами и несколько тяжеловатым лицом, конечно же, не пришла от нас в восторг. Один лишь Боря раньше работал с ней, мы же с Колей для нее были желторотыми новичками. Коля худ, желтолиц и патлат. Жиденькая борода торчит в разные стороны. Он коренной горожанин. Когда-то работал шофером, потом слесарем, мотористом, потом кто куда пошлет... по ступеньке вниз. Попал в отряд случайно.

На меня Лида тоже посмотрела с большим сомнением, взяла, в первый маршрут с собой, чтобы проверить, на что я го.

Один из рабочих сначала провез нас на моторке к "Полине". Так назывался домик на берегу Оганди у Охотского моря. Когда-то его поставили лесорубы из Аяна. Они заготавливали здесь зимой дрова, а

Полина, видать, была у них поварихой. В единственной комнате стояли нары, стол, печка из бочки. В кладовой висели на гвоздях корзины для съестных припасов (чтобы сберечь их от мышей), капканы, старые цепи от бензопил. С трех сторон к избушке подходил лес, рядом бежала речка, а невдалеке тяжело ворочалось море.

Здесь мужчины совершили первый ритуал – обрили наголо головы. А рано утром вышли в маршруты. Я пошел с Лидой. Она взяла только геологический молоток, меня же нагрузила рюкзаком с продуктами, ружьем, тяжелым прибором для определения радиации – радиометром.

Сначала мы двинулись по болотистой трясине, потом начали забираться в гору. Шли по валежнику, бурелому, каменной осыпи. Лида испытывала меня на выносливость, гнала, будто на стометровке. У нее-то ноги были крепкие, тренированные. А меня по боку била жесткая коробка радиометра, в ногах путалась труба уловителя, шею сдавливали наушники, моталось ружье... словно нарочно, Лида залезла еще в кедровник, и там мы ползли на карачках, задыхаясь от жары, жажды, тяжелого запаха багульника. Мы спускались вниз и лезли вверх по горкам. Лида собирала граниты и базальты, складывала камни в рюкзак, отчего он все больше тяжелеет и лямками натирал плечи. Вечером она захотела "сбежать" еще на одну гору с плоской вершиной, но я уже не мог сделать и шага. Ноги в болотных бахилах горели так, будто их поджаривали, изодранные о ветки и колючки руки кровоточили, колоколом гудела голова. Позднее выяснилось: хорошо, что мы не пошли на ту плоскую гору. Как раз в это время там шли медвежьи свадьбы, и нам бы не поздоровилось...

И с того дня началось. Скользя на крутых осыпях, цепляясь за выступы отвесных скал, изнывая от жары и жажды, продираясь через сплошные заросли кедрового стланика и ерника (приближающегося по жесткости к колючей проволоке), где дурманили голову запахи каких-то диких трав, с ружьем и радиометром мы взбирались на вершины и спускались с них, чтобы начать новый подъем. Рюкзак разбухал от камней, и к вечеру лямки жгли плечи.

И так с утра до ночи. По пятнадцать – двадцать километров в день. Месяц за месяцем.

Вот одно рядовое утро. Вернее, еще не утро, чуть теплится рассвет. Туман плывет по высохшему руслу над гладкими камнями и стлаником, связавшим крепкими узлами своих корней береговой откос. Голубеет земля от светящего сверху неба. Холодно, сыро, тоскливо, неуютно. Шипит, чихает, не хочет разгораться костер. Бока палаток отвисли от влаги и, кажется, тоже дымят, испуская тепло остывающих после ночи спальников.

Лида Павлова, закончив сеанс радиосвязи, проводит инструктаж по технике безопасности. Начальство от нас в доброй тысяче километров, в Чагде, тем не менее почти ежедневные наставления, получаемые по рации, дают нам некоторую косвенную информацию о том, что делается в других партиях и отрядах.

Если напоминают, что ходить по камням в дождь опасно, – значит, кто-то сломал ногу. Говорят, что надо осторожно обращаться с огнем, – следовательно, кто-то поджег сушняк или спалил палатку. Если спрашивают, у всех ли есть оружие и все ли умеют с ним обращаться, – не иначе на кого-то напал медведь.

Коля Дементьев, которого после первых маршрутов Лида взяла к себе в напарники, сегодня дежурный. Он варит полюбившуюся ему здесь, в тайге, манную кашу на сухом молоке. До этого он ел ее только в детском садике. Лида сердится, что он плохо слушает, то и дело отбегая к котлу, где клокочет, разбрызгивая пену, иссиня-белое варево.

– Дементьев! – не выдерживает она.

– Ну чего? – откликается Коля нагло, как нерадивый ученик, не выучивший урока, реагирует на вызов учительницы.

– Что нужно делать при пожаре?

– Сушиться.

По матово-загорелому лицу Лиды идут красные пятна:

– А при наводнении?

– Мыться...

Лида моложе нас, но она начальница и поэтому относится к нам со

строгостью пионервожатой, держится официально. Но она любит и знает дело. Работает десятый сезон, с увлечением просвещает нас, рассказывая, из чего состоят здешние горные породы. Особый предмет – устройство полевого радиометра (будь он трижды неладен!). Этот прибор показывает степень радиации пород. Носить его надо всегда. Носил его сначала я – эту коробку весом килограмма на два, повисшую на шее, наушники, сжимающие голову, да еще полуметровую трубу с разной кварцевой начинкой и лампами. Теперь несчастная доля ходить с ним выпала Коле. К тому же Коля совсем не умеет стрелять из ружья. А Лида принципиально ружья не носит и, кажется, тоже никогда не пользовалась им. Да еще любит просветить Лида относительно того, для чего собираются образцы, и, когда она говорит о них, мысль невольно перескакивает на тяжеленный рюкзак, в который они складываются...

После инструктажа мы наскоро завтракаем и расходимся по своим маршрутам: Лида с Колей – по горкам, я с Борей – по ручьям, поскольку теперь мы уже выступаем в роли шлиховщиков.

Эта работа тоже не мед. Вращая и покачивая лоток, мы смываем с него пустой песок, выбрасываем гальку и камни. Быстро, на глазах, шлик становится все более темным, потому что отходят светлые и глинистые частицы. Наконец на дне лотка остаются черные железистые фракции.

У нас не было выходных дней. Мы не могли пойти поохотиться или просто пособирать грибы или ягоды. Мы всегда не укладывались в жесткие сроки и потому торопились. Слишком короткое здесь лето и очень много надо пройти, чтобы уложиться в план работ, рассчитанный на предел человеческих возможностей.

А поздно ночью при свечке надо было разбирать образцы, наклеивать на них кусочки лейкопластыря с номером, упаковывать камни в бумажные пакеты и брезентовые мешки, сушить над печкой мокрые шлихи, освобождать порошок от кульков, куда сначала сливали пробы, опять упаковывать в конверты, заполнять журналы, обозначать на карте места, где брали тот или иной шлик...

А еще надо было рубить дрова для костра и печек, готовить еду, выпекать хлеб, добывать воду, которая в жаркие дни вдруг уходила под камни, – словом, обеспечивать отряду более или менее сносную жизнь.

Работа шла с точностью заведенного механизма. Мы перебазировались на новые и новые места, вырубали в чаще полянки для палаток, сооружали из бревен и жердей нары, делали лабаз, уходили с этой базы в маршруты и, закончив работу, накормив своей кровью полчища комаров и мошки, перебирались на другой участок, к новой бочке, где разбивали лагерь.

Нет, мы не открывали месторождений, не находили золотые горы. Мы просто вели геологическую съемку для карты, где в одном сантиметре укладывались километры тяжелого нашего пути. После камеральной обработки добытых нами образцов и шлихов в вулканических породах обозначаются признаки полезных ископаемых. В будущем карту прочитают другие геологи и по этим данным уже поведут точно нацеленный и детальный поиск.

К ОЗЕРУ, КОТОРОЕ УМЕЛО МОЛЧАТЬ

Оставалось несколько последних маршрутов. Уже догорало лето. Созрев, опадала оранжевая морошка, на корню засыхали и сморщивались подберезовики и маслята, багровели поляны брусники. Светлели леса, прибавлялись золотые и алые краски.

В глубине кедровника стояла палатка нашей начальницы Лиды Павловой. Мы же обосновались у обрыва к ручью. Посередине лагеря оборудовали кухню, то есть вбили колья с перекладиной над костром, сверху натянули брезент от дождей, из жердей сделали нары для хранения мешков и ящиков с продуктами.

А в километре от нас было море. И днем, и особенно по ночам мы слышали его трубный гул. Море подбрасывало нам разную мелочь: доски,

обрывки сетей, ящики, поплавки из пенопласта. Так что мы сделали стол и табуретку и могли теперь, расположившись с комфортом, сколько угодно слушать Лидины наставления...

Сегодня Лида Павлова идет с Колей Дементьевым на гольцы, нависающие над речкой Безымянкой. Боре и мне она приказывает двигаться по самой речке и взять не менее пятнадцати шлихов. Дело привычное, но тут надо еще через водопад и горловину у гольцов выйти к высокогорному озеру, обозначенному на карте просто цифрой 307 – высотой над уровнем моря. Оно лежало в каменной чаше. Поблизости не было подобных озер, и странно, что эвенки, мудрый и поэтический народ, кочуя по этим местам, оставили его без имени. Почему же они не раскидывали здесь своих стойбищ? Что заставляло охотников стороной обходить это озеро? Ведь эвенки прокладывали тропы в куда более трудных горах...

Для нас озеро представляло практический интерес. Сюда впадало несколько ручьев, и за тысячи лет вода, несомненно, нанесла много интересного. По шлихам у озера мы могли бы определить присутствие долгожданных рудных пород. В том, что они здесь есть, мы не сомневались. На это указывали разные косвенные данные, включая геологическую разведку с самолетов и спутников.

Мы видели это озеро с вертолета. Оно сверкало, как бриллиант, вделанный в темно-зеленую оправу кедрового стланика. Всегда кажется, что все таинственное надежно прикрыто неприступными горами и зарослями. Но с тем большим упорством мы хотели пробиться к озеру. Нам представлялось, что вообще-то и через прижим, и через водопад, и сквозь стланики пройти можно. Но Лида умела читать аэрофотоснимки. У нее был стереоскоп, где, как наяву, рельефно-выпуклыми виделись горы и безнадежно глубокие ущелья. Она-то лучше знала, какая дорога нас ожидает, потому и сказала:

- Только не рискуйте. Отказ – не обух: шишек на лбу не будет.

- Постараемся, – отвечает Боря Доля (он старший).

Мы натягиваем болотные сапоги и в который раз недобрым словом поминаем снабженцев экспедиции. В мороз сапоги лежали в холодном складе, потеряли эластичность, полопались и, несмотря на все старания их заклеить, текут, как решето.

Берем лоток, саперную лопатку, свитеры, котелок, кружки, полиэтиленовые мешки, которые приспособили как укрытие на случай дождя. Из продовольствия кладем в рюкзак только хлеб, чай и сахар. По опыту знаем: есть не захотим, в тяжелой дороге будет мучить только жажда.

Мало сказать, что Борис Доля долговязый и крепкий – он просто огромный. Природа сработала его грубо, объемно, на совесть. Когда он шел через стланик – стонал и плакал лес. По дремучей рыжей Бориной бороде тек пот, его длинные сильные руки легко раздвигали самые крученые заросли. А комары, не дающие покоя даже медведям, шарахались от него.

Вообще Боря художник. Но каждое лето он становится шлиховщиком в геологической партии. Наверное, эта перемена приносит новые впечатления, отдых от несладкого и нелегкого труда графика, хотя работа шлиховщика тоже не мед и от нее ломит в пояснице и зверствует радикулит, и дает она далеко не длинные рубли. Он и меня выучил этой работе – нехитрой, но требующей сноровки, терпения и выносливости.

Мы надели рюкзаки, потоптались на месте, проверяя, не мешают ли портянки, всадили в стволы ружей патроны с пулями и пошли. Ночью вчера пронесся дождь, в мокрой траве желтела морошка, с деревьев падали грузные капли. Скоро мы вымокли и стали коченеть, хотя двигались довольно быстро.

Солнце еще не взошло, никак не могло выпутаться из липкого тумана в горах. Миновав болотистую низину, мы выбрались на тропу. Эту тропинку облюбовали медведи. Они оставили на ней свежие следы, не раньше чем нынешней ночью. Это заставляло держать ружья наготове. Медведь иногда не от злости или от голода, а просто от неожиданности, от страха может напасть на человека. К счастью, в кустарниках и в стланике, попадавшихся на пути, была прорублена просека, и мы могли видеть довольно далеко.

Слева глухо шумело серое Охотское море. Там звенела галька и суматошно кричали жирные чайки. А дальше, на горизонте, плавился в дымке черный остров Нансикан, знаменитый своими птичьими базарами. Иван Москвитин, пробившись сюда по реке Тукчи, отмечал: "А против тое реки устья стоит на море в голомени остров каменной, и на том острове птицы водитца многое множество, с тово острова тою птицею кормятца тунгусы многие люди, как учнут яйца водит..." Сейчас на атом острове – заповедник.

Спустившись по террасам к Безымянке, мы обнаружили, что идти по реке не сможем – она вспухла от дождей. Волей-неволей пришлось пробиваться по береговым зарослям кедровника и ерника. Листья у ерника мелкие, продолговатые, их любят северные олени, но для нас ерник был сущим наказанием. Ноги путались, как в мотках колючей проволоки, и мы то и дело буксовали.

Кедровник же вообще не любит ровных мест, он расселяется в среднем поясе гор на каменистых россыпях – курумах. Это не кустарник, но и не дерево. Его ствол сантиметров пятнадцать – двадцать толщиной едва поднимается на полметра, зато расстилается по земле метров на десять. Верхушки ветвей смотрят в небо, на концах их зреют фиолетовые шишки с мелкими орехами. В урожай эти орешки привлекают белку, соболя, бурундуков и медведей. Треща, по стланику носятся кедровки, похожие на скворцов, но гораздо крупнее их. Несмышленная птица набивает подклювные мешочки орехами и прячет их под камни. Потом забывает, куда спрятала, и, если орехи никто не съедает до весны, они прорастают. Ей, кедровке, и обязаны своим распространением густые заросли стланика, по которым, чертыхаясь и стеноя, тащились мы вдоль Безымянки.

Первый шлих брал Боря. Он спустился к реке и стал долбить лопаткой каменную мелочь у бортика берега, стараясь наскрести полный лоток породы. Потом опустил лоток в воду. Вода шла со снежников, была ледяная, у него сразу покраснели руки. Поворачивая лоток туда-сюда, покачивая его, он постепенно смывал породу, выбрасывая гальку, тяжелые фракции опускались. Наконец на дне остался лишь черный порошок. Это и был шлих. Боря слил его в кулек, отжал бумагу, сунул мне. Я опустил мокрый кулек в пакет и спрятал в полевую сумку.

Чем выше мы поднимались по реке, тем меньше было воды. Мы уже могли, переступая с камня на камень, идти по руслу. Когда совсем замерзли руки у Бори, лоток брал я и промывал породу.

Наконец показалось солнце. Оно выплыло из тумана матовым шаром, как бы отряхнулось от сырости и стало раскаляться. От кедровника потянуло жирным запахом смолы. Окутываясь парком, грелись камни. Мы сразу стянули штормовки и подставили солнцу спины.

Чем дальше, тем уже, тем стремительнее неслась Безымянка. Она скакала по огромным окатышам, выбивала в скальном берегу глубокие ниши. Риска сорваться, мы перебирались от одного берега к другому, отыскивая проходы. Здесь никто до нас не ходил. Это точно. Кому была охота идти по этой дикой речке, где не водилось ничего живого! Сюда не могла зайти рыба, так как устье было перегорожено высокой галечной косой: речка ныряла под камни и, пройдя через них, как сквозь сито, вливалась в море.

Около трех часов мы остановились на небольшой косе. Здесь лежал огромный валун тонн на сто весом. Ветры и паводки обтесали его бока. Набрав кедрового плавника, разожгли костер, вскипятили воду, заварили крутой чай.

– Хорошо смазал – хорошо и поехал, – сказал Боря, отрезая ломоть хлеба.

Этот хлеб мы пекли сами. В кружке с сахаром разбавляли дрожжи. Когда они всходили, замешивали тесто в эмалированном ведре и вываливали его в кастрюлю "чудо". Пекли либо на костре между двумя бревнами-надьями, либо на печке в палатке. Хлеб получался иногда лучше, иногда хуже, но есть было можно.

До основного прижима оставалось не более километра. Однако именно на этот километр мы затратили больше времени и сил, чем на весь путь. То вброд, то прыгая по камням, то залезая на скалы, то продираясь через заросли, мы все же дошли до снежников. Кое-где они накрывали

речку, и вода тогда шумела глуше, тише, будто снег душил ее.

Идти по этим снежникам было слишком рискованно. Провалишься, затащит тебя – и поминай как звали. Пришлось забираться вверх и двигаться по самой кромке снежника, там, где кончались заросли и начинался снег. Конечно, и это было опасно: снежник круто падал вниз, заскользишь – и ничто уже не спасет.

Но вот мы подошли к прижиму. Нет, неспроста Лида предупреждала нас. Здесь реку сжимали две отвесные горы. Вверх они уходили метров на пятьсот. Говоря языком альпинистов, горы представляли категорию наивысшей трудности. Без специального оснащения, без кошек и триконей, ледорубов и системы страховочных репшнуров мы не могли преодолеть их, чтобы обойти прижим. И Боря, и я не раз ходили с альпинистами в горы. Пусть это были семитысячники, но они не так пугали, как эти вертикальные, гладко отполированные рыжие стены коренных пород.

Сразу пересохло во рту. Мы опустились на снег, стали сосать льдинки. Велико было желание проскочить через этот прижим. Начали прикидывать варианты. Можно было вернуться назад, где-то на пологом склоне подняться и пройти по гребню гор мимо страшного прижима. Можно попытаться прорваться прямо по воде – потом обсушимся. Или вообще отказаться от этой затеи?

У самого среза потока мы вдруг обнаружили нечто вроде уступа. Раскинув руки, пальцами вцепляясь в камень, мы шаг за шагом стали продвигаться по нему. Уступ уводил все выше и выше. А внизу бесилась река, громыкала перекатывающимися на дне камнями, пенилась, осатанело набрасывалась на стенки прижима. Как точно называли предки такие места – "убойные"... Теперь мы поняли, что и прорваться прямо по воде было бы невозможно. Река просто-напросто выплюнула бы нас, как тряпичные куклы. Одна надежда на эти ступеньки. Шаг... еще шаг...

Боря шел первым. Его сапоги были на уровне моих глаз. Я хорошо видел, что ступеньки сужались. Сначала умещалась ступня, потом половина. Из-под подошв сыпались мелкие камни и, даже не булькнув, исчезали в потоке. Вниз мы старались не смотреть, как нельзя смотреть на землю, когда идешь по карнизу крыши. И все же почему-то неудержимо тянуло отцепиться от камня, откинуться навзничь и упасть в воду.

От напряжения руки и ноги стали неметь. Можно выдержать еще минуту, от силы две, но как далеко тянется этот прижим и доведут ли нас до цели эти ступеньки?..

Боря остановился. Прижим круто заворачивал, и он пытался рассмотреть, что там, дальше. Но ничего не увидел, долго стоял, раздумывая.

– Нет, удовольствие на миг, калеккой на всю жизнь, – наконец вымолвил он.

Пятясь, как раки, двинулись обратно, ощупывая дорогу ногами. И когда спрыгнули на снежник, долго не могли прийти в себя. По спине ползли мурашки. Как близко, совсем рядом была смерть!

А озеро всего в километре. Хуже всего идти, да не дойти. Как говорится, пошли по шерсть, а воротились стрижеными.

– Ладно, – махнул рукой Боря, – не принимай близко к сердцу.

Уже уходило солнце. На зубцах гор загоралось красноватое пламя. Темнел кедровник в обрывах, громче кричали чайки на утесах, вставала белая луна.

Боря опять достал карту и аэрофотоснимок. Ему не давала покоя мысль об озере. С другой стороны хребта и прижима бежала речка Озерная. Там мы скоро должны быть. Попытаемся пройти по ней. Значит, не все потеряно.

Но напряженные последние маршруты и нашествие медведей на время отодвинули мечту увидеть непонятное озеро, которое эвенки издавна обходили стороной.

МЫ – РАЗВЕДКА

По берегам – серые снежники. В них впаялись старые листья, кедровые шишки, ветки и другая лесная мелочь. За лето снег так и не успел растаять. Рядом буйный частокол отцветающего иван-чая, маслянистые заросли брусничника, из которого проглядывают бордовые, с ноготь величиной ягоды. Дальше – разлапистые ветлы, непохожие на своих среднерусских сестер, а за ними горы и горы. И еще небо – сегодня золотисто-синее, солнечное, спокойное, какое бывает при тихом расставании с летом.

Все это отражается на поверхности заводи, скопившей на дне песок, который почему-то привлекает Бориса. Всегда неторопливый, обстоятельный, надежный, сейчас Боря Доля топчется дольше обычного. Мы так много дней провели вместе, что я знаю даже ход его мыслей. На этом ручье мы уже взяли все восемь шлихов в местах, намеченных Лидой Павловой. У нас мокры спины от невысыхающего лотка, который мы таскаем в рюкзаке от шлиха к шлиху. Комары вдосталь напились нашей крови, да и вообще все уже надоело до чертиков. Надо ли снова "распоясываться" – сбрасывать рюкзаки, складывать в сторону ружья, собирать саперную лопатку, дробить каменистый бортик ручья, промывать породу?.. Эти пустяковые движения сейчас, когда голова гудит от перенапряжения и тело просит пощады, кажутся нам слишком обременительными.

И в то же время пройти мимо этого места со спокойным сердцем Боря не может. Ручей скатывается с горы, где Лида нашла кварц, здесь он делает крутой зигзаг, вся муть, каменная крошка, песок оседают в заводи, и, конечно, что-то может попасть в лоток.

Я бездумно гляжу на отражающиеся в воде горбы снежников, на небо, по которому лениво плывут парусные облака. Боря старший, ему и решать. Одно облако удивительно напоминает древнюю лодью. Нос в виде хищной, диковинной птицы тянулся-тянулся и вдруг рассыпался в ряби. Боря столкнул в заводь камень. Наконец он принял решение:

– Давай шлиханем...

Бью лопаткой под самый бортик, где скопились многолетние отложения. Летят искры при ударах железа о камень. Пальцами выковыриваю крупную гальку, стараясь набрать побольше земли. Но горка в объемистом лотке растет медленно. Черт возьми! Как же такая земля может держать деревья, рожать столько травы? Где носком лопатки, где нагребая пальцами, все же наполняю лоток до краев. Весит он килограммов двадцать, не больше, но, когда поднимаю его, хрустит позвоночник и темнеет в глазах. Пошатываясь, тащу лоток к ручью, где поток не так быстр, опускаю в воду. Земля пузырится, отдавая воздух. Осторожнодвигаю лотком туда-сюда. Муть уносится, оголяются мелкие окатыши. Стребаю их рукой. На дне лотка породы остается все меньше и меньше. Теперь покачиваю лоток, смывая слой за слоем. Оттого, что руки все время в воде, кожа потрескалась, на стгибах пальцев лопнула, болит, особенно по ночам.

Наконец на дне остаются самые тяжелые фракции – желтый песок и черный порошок. Теперь надо предельно точными движениями слить песок. Боря подает свернутую кульком бумажку. Макая в воду пальцы, смываю порошок в этот кулек, отжимаю и бросаю в конвертик. Боря химическим карандашом ставит на конверте номер и обозначает на карте место, откуда взят этот самый шлих, который мы могли бы не брать, и никто с нас не взыскал бы за это.

Если бы на этом кончалась наша сегодняшняя работа! Но беда в том, что гора, где Лида нашла кварцевый вынос, с другого склона сбрасывала такой же ручей. Там тоже надо взять несколько шлихов. Строить для этого второй маршрут Лида в целях экономии времени не захотела. Она решила, что мы за день сможем обследовать оба ручья. Надо всего лишь взобраться на перевал, спуститься с другой стороны и пройти по ручью от истока до устья...

Перевал невысок, каких-нибудь девятьсот метров. Местами он оброс кедровником, а на пролысинах – щебенка, самая злобная штука для восхождений. Разбитый на плитки камень тек, как песок. Мы буксовали, стараясь продвинуться вперед, но сползали назад, словно тарантулы на бархане.

Вдобавок взъярилось солнце. В тени у ручьев мы не замечали жары. Каково-то сейчас Лиде с Колей Дементьевым, которые идут где-то по горам на самом солнцепеке? Впереди на склоне маячил снежник, но до него еще идти да идти. На четвереньках, цепляясь за ветки кедровника, мы одолевали метр за метром. Почему-то казалось, что рядом и склон положе, и камни покрупнее, надежнее. Круто заворачивая, мы устремлялись туда и попадали на такую же щебенку, а то и хуже – на каменную крошку, перемолотую неведомо чем и когда.

В другом отряде нашей же партии и в другом месте, но тоже на горе, рыли шурфы геолог Миша Шлоссберг и рабочие Боря Любимов, Боря Тараскин, Женя Данильцев. Они поднимались на гору каждый день, кирками долбили шурфы и канавы, в мешках сносили породу к реке вниз, промывали ее и снова поднимались. И в дождь, и в жару, и в холод.

А нам-то сейчас всего раз подняться. Даже неловко становится перед ребятами.

Доползаем до снежника. Пятками сапог втыкаемся в колючий, ноздреватый снег, глотаем его кусками, но жажда не проходит. Слышно, как где-то внизу струится ручеек, однако до него не добраться – наверняка он под камнями. Скидываем рубашки, растираем снегом разомлевшее тело, прикладываем ледяные комочки к лицу. Хочется лежать и лежать здесь, впитывая каждой частицей холод вековых зим. Но Боря, медлительный Боря, торопит. Это раздражает. Неужели от лишней минуты отдыха что-то убудет?

– Убудет, – убежденно бубнит Боря. – Смотри, сейчас три. До вершины еще час прокарабкаемся. А там полезем через кедровник. Да еще семь шлихов. Да домой...

Он тычет в часы с одной часовой стрелкой, потому что минутная потерялась, а мой хронометр, поломанный еще раньше, топором не починишь.

– Какой там еще кедровник?

– А вот, – он достает аэроснимок, на котором хорошо видны кудряшки зарослей.

Скоро Боря убеждается, что спорю я лишь затем, чтобы оттянуть время. Он сует снимок и карту в полевую сумку, примеривается к рюкзаку. По опыту знаю – отставать от Бори нельзя. Ходит он быстро, легко, как лось. На пять лет моложе и не курит – это что-нибудь да значит. Набираю в холщовую кепчонку снега про запас и тоже поднимаюсь.

Но вот и до вершины добрались. Здесь дует свежий, влажный ветер. Комаров нет. Одни бараньи тропы и лежки. Животные отдыхали, но, увидев нас еще на подходе, загодя убрались. За бурьми горбами гор виднелась пустынная и ослепительно голубая полоска Охотского моря.

На самом венчике перевала стоит топографический знак. Кто-то, значит, когда-то поднимался сюда, складывал из плиточника пирамидку. Уж не Григорий ли Анисимович Федосеев, автор книги "Смерть меня подождет", со своими товарищами и верным проводником Улукитканом? Может, он любовался захватывающими дух далями или, как мы, торопился спуститься вниз, чтобы успеть до темноты выйти к лагерю? А ведь мы удирали из Москвы, чтобы освободиться от вечного цейтнота нервной городской жизни. Часовые стрелки везде и всюду подгоняют нас, и мы летим, боясь отстать. Мы служим времени, как языческому богу, принося в жертву свое желание на чем-то остановиться, о чем-то поразмыслить. Не время расписано, а мы расписаны. Время командует.

И греховные мысли вдруг овладели нами. Счастлив человек, который не зависит от времени и не боится его. Мы сбросили одежду и подставили спины горячему солнцу и нежному ветру. Хотя бы полчаса захотелось вырвать у этого времени, чтобы наверстать их, когда побегим по кедровнику и болотам. Из серой размеренности и липкой каждодневности здесь вырвали эти полчаса, чтобы получше присмотреться к тому, что окружало нас, – к миру, еще никем не потревоженному.

Мы заметили березку, очень кривую, гнутую-перегнутую ветрами. Крепко вцепилась она в откос, устояла, выстрадала свою жизнь и теперь гордо возвышалась над прибитым к земле кедровником и разными травами, привыкшими к ползучему существованию. Увидели, как в джунглях остролистника снуют большие золотисто-рыжие муравьи – арийцы

муравьиного царства, хватают прибитых ветром комаров и тащат в свои норы. Услышали посвист ветра, какой бывает лишь на вершинах, звенящий на одной ноте туго и пронзительно. Ветер здесь не встречал препятствий, не петлял по переулкам долин, не пробивался сквозь лесные чащобы, а шел свободно, широко, как течет большая, сильная река... Так, делая маленькие открытия, мы освобождались от цепких объятий времени.

Пока мы валялись на перевале, солнце не сдвинулось, но стало как-то остужаться. Зной прошел. Похолодал ветер. Ведь кроме смолистых запахов тайги, солоноватой влаги моря он нес и свежесть снежников, в жару не замечаемую. Мы еще не оделись, но уже почувствовали, как снова влезли в жесткие петли цейтнота.

Чуть ли не бегом, скользя на осыпях, пересекая седые бараньи тропы, мы спустились к зарослям кедровника, побежали по пружинистым, стелившимся по земле стволам, расставленными руками, словно канатоходцы, удерживая равновесие, и свалились прямо к истоку ручья. Вода текла как бы в тоннеле под сомкнутыми ветками и стволами раkit.

Разбросав коряги, набрали земли для первого шлиха. Боря не оделся и, пока промывал породу, подвергся нападению комаров. Его спина посерела от плотного слоя безжалостных тварей. Он пренебрегал диметилфталатом. Но на этот раз я вылил на него чуть ли не весь пузырек. Комары умирали, но не могли оторваться от кожи. Здесь, в затишье, они чувствовали себя полными хозяевами и жрали с остервенением и нахальством.

Однако всему приходит конец. Мы притащились в лагерь на закате. Коля Дементьев успел докрасна раскалить печь и теперь сидел на нарах голый, как на пляже. Ударив себя по тощей, впалой груди, он воскликнул:

- Не перевелись еще на Руси богатыри!

Скоро объяснилась причина его радости: назавтра Лида объявила камеральный день и баню.

Баня - дело известное. Мы разбиваем запасную палатку, сооружаем из жердей полку, ставим "буржуйку". Рядом с палаткой кладем два бревна из плавника, на них водружаем ведра с водой, разжигаем костер. Пока моется один, другой таскает и греет воду. Конечно, не Сандуны, но все же...

Камералка же требует некоторого пояснения. Поскольку Коля ходит в маршрут с Лидой, он должен и обрабатывать образцы. Для каждого камешка выписывается своеобразный паспорт: номер, год, наименование партии, экспедиции, а также указание, на какой сдавать анализ: если на спектралку, то пишется "Сп", на шлик - "Шл". Затем камень заворачивают в пакет из плотной бумаги. Пакет делать надо тоже уметь. Не слишком сильный в грамоте Коля писанину одолевал трудно, с сопением и руганью, зато легко освоил вторую часть работы, как будто и родился для того, чтобы проворно заворачивать образцы. Он запечатывал камни быстро, с вдохновением, словно сбрасывал с плеч.

Со шлихами хуже. Сначала их надо высушить. Для этого Боря клал конвертики с мокрыми шлихами в хозяйственную сетку, вешал ее над печкой. Когда они подсыхали, мы высыпали порошок из кулечков в те же конвертики. Прочные, как пергамент, бумажки с треском разворачивались, порошок норовил высыпаться на нары или земляной пол. А если учесть, с каким трудом нам доставался каждый шлик и что их накопилось несколько сот, то станет понятно, что удовольствия от такой работы было мало. Потом сведения о каждом шлихе надо занести в специальный журнал, точно указать координаты, привязать к карте, описать место, где он взят: с хвоста или головы косы, русла, плотика у коренных пород; сообщить, галька ли была, валуны, песок или щебень, отметить степень окатанности.

Мы возились со шлихами, и каждый из них вызывал в памяти какой-либо случай.

...Вот этот шлик напомнил о дне, когда к побережью подошла первая рыба - мойва, по-здешнему "уек". К досмерти надоевшим макаронам рыба оказалась прекрасной добавкой. Мойва плотно держалась у берега. Рабочий из здешних Боря Тараскин черпал ее обыкновенным сачком. Чайки

до того обжелись, что не могли взлететь. Раскрыв клювы и распустив крылья, они переваливались с боку на бок, как пингвины. "Уек" мы жарили, парили, варили, делали из него котлеты и брали их с собой в маршруты.

...А этот шлик взят в низовьях Кивангры, где в петлю из стального троса, поставленную кем-то, попала огромная медведица. Пытаясь освободиться, она вырыла огромную яму, повалила окружающие деревья, изгрызла стволы, пока не погибла от истощения. Браконьер, очевидно, забыл об этой петле, и мы на медведицу натолкнулись случайно. Боря захотел для сувениров взять клыки и когти, похожие на прокаленные железные крючья. Но вдруг остановился, словно поразившись какой-то мыслью, и опустил топор. "Эх, найти бы хозяина этой петли..." И мы, не оглядываясь, пошли прочь.

...Еще один шлик навел на воспоминания о реке Унчи. Она громыкала по камням, будто кто-то ехал на телеге по булыжной мостовой. Лагерь был в тесной долине, где ветер дул, как в аэродинамической трубе. По ночам ожесточенно хлопал тент, натянутый над кухней, звенела посуда, собранная в стопку, гремели кружки, висевшие на прибитых к стойке гвоздях.

В седловине лежал длинный снежник. Как-то, возвращаясь из маршрута и решив сократить путь, мы рискнули спуститься по нему. Я первым ступил на снег и, пытаясь тормозить прикладом ружья, заскользил вниз. На крутизне приклад сорвался, и я мешком покатился по склону. По бокам снежника громоздились скалы, Свернуть было нельзя. Внизу, я это знал, снежник обрывался трамплином метров на пять, и я мог бы приземлиться прямо на валуны в реке. Правда, сбоку был узкий снежный мостик над речкой, но попаду ли я на него? Я отчаянно упирался пятками, снег тучей летел в глаза, хлестал по лицу. Склон становился все круче, скорость скольжения стремительно нарастала. Не помню, о чем я подумал тогда. Знал, что надежды на спасение уже не оставалось. Ничем нельзя было зацепиться на плотном, отполированном солнцем снегу. Мелькнула, кажется, одна мысль: "Все, отбегался..." Но с отчетливым "Черт с тобой!" судьба выбросила меня на трамплин, крутанула на снежный мостик и более или менее удачно швырнула в прибрежный кустарник.

Об этом скоростном спуске скоро стало известно в других отрядах. Замещавший начальника партии Миша Шлоссберг издал приказ о категорическом соблюдении правил техники безопасности. Шутник и любитель розыгрышей Боря Любимов откопал в экспедиционном грузе книгу по технике безопасности при геологоразведочных работах и не преминул послать ее мне, красным карандашом жирно подчеркнув слова: "Передвигаться по фирновым и ледниковым склонам и откосам необходимо с помощью ледоруба и страхующей веревки. Спуск по наклонным поверхностям ледников и фирновых полей способом скольжения запрещается..."

Так мы и разбирали весь день шлихи. Позднее, в лаборатории, их обработают, сделают анализы для геологической карты.

Ночью сеял дождик. Шурша, ползали по палатке ручейники – безобидные, но неприятные твари, рыхлые, скользкие, с коричневыми перепончатыми крыльями. Мы с Борей при свечке читали старые журналы, которых скопилось на складах великое множество. Коля Дементьев, задрав кверху бородавку, лежал на спине и не мигая смотрел в потолок. Думал.

Вообще Коле не везло. Он расшибался, тонул, падал, находил, как водится, на ровном месте кочку. Он был удивительно неудачливый – как дед Щукарь. Сугубо городской житель, Коля никак не мог приладиться к бивачной жизни. Сапоги порвал в первые же дни. В жару прел в брезентовой робе. Если можно было пройти там, где мелко, он непременно попадал туда, где глубоко. Начнет сушить на костре брюки, обязательно сожжет. Разряжая ружье, всадит пулю в палатку. Станет рубить дрова, раскровенит лоб или щеку. Он с трудом привыкал к новым словам. Лабаз называл паласом, чехол от спальника – закладушкой, а вместо "укрылся" говорил "окухтался".

Как-то раз мы пошли ловить мальму – красивую красную рыбу. Коле надо было перейти вброд протоку. Он сунулся в одно место, зачерпнул воду сапогами. Вылез, отжал портянки и полез в другое место,

погрузившись сначала по грудь, а потом и по горлышко, хотя метрах в десяти дальше была мель и там пешком ходили воробьи. Коля чертыхался, стуча от ледяной воды зубами. "Помяните меня, Коля своей смертью не помрет", – крутил головой остряк Боря Любимов из отряда Щлоссберга.

В полночь мы потушили свечу, стали засыпать, а Коля еще долго вздыхал и ворочался на жестких нарах.

Рано утром на палатки свалился вертолет. Сильно накреньясь на ветер, он завис над косой. Спрыгнул механик и руками показал пилоту, куда садиться. Оказывается, за ночь тучи ушли. Стало солнечно, хотя ветер не утих. Прилетевший Миша Щлоссберг ругался, что мы не собрались раньше. Он сам был виноват в этом – не предупредил по рации – и кричал теперь больше для пилотов.

Мы похватали ружья, лоток, лопатку, вчерашний суп в котле и попрыгали в кабину. Вертолет тут же взлетел и, упав чуть ли не на бок, развернулся в теснине, нацелившись на одну из бочек в верховьях Кекры.

Внизу мелькали петли вспененной реки, завалы от весенних паводков, искалеченные лавинами осины и ветлы. Ветер швырял машину от скалы к скале, и, казалось, только чудом не задевала она лопастями за камни.

На рыжем скате у кедровника мы увидели медведя. Напуганный ревом моторов, зверь мчался вверх, как рысак на ипподроме. Он перепрыгивал через камни легко и грациозно, достиг зарослей и скрылся.

Пилот сбавил газ, нацелился на посадку. Здесь сошли мы с Борей. Лида и Коля улетели дальше. Там тоже была сброшена бочка с палаткой, спальниками и продуктами. К ней мы пройдем маршрутом по одному из ручьев.

Верховья Кекры поразили щедрым многоцвельем. Здесь был свой микроклимат: мягкий и теплый. Второй раз цвели травы. Выросшие на просторе ветлы походили на дубы. Их серебристую листву оттеняли седеющие лиственницы. Было много брусники, голубики, шиповника, грибов. Есть чем кормиться разному зверью.

Только мы подумали об этом, как увидели вдаль две какие-то точки. Они двигались по направлению к нам. Неужели медведи? Боря на всякий случай переломил двустволку и проверил патроны. Точки росли, и вскоре мы догадались, что это люди. Странно было видеть их среди абсолютно диких гор. Это оказались выпускница Геологоразведочного института Ниночка Кореннова и рабочий Леша Дунц. Они были из отряда Бэллы Ухиной, нашей же партии, и вели разведку в верховьях Кекры. Ниночка сразу послала Лешу за дровами для костра. На жарком огне быстро закипел чайник. Ниночка угостила нас стуженкой, галетами и витаминизированными карамельками из пакета неприкосновенного запаса. Такие же пакеты были у нас, но Лида сказала, что ими мы воспользуемся "только через ее труп": она предполагала еще и худшие дни. Эти пакеты предназначались для бедствующих на море. Один пакет на день для троих. Сама хлорвиниловая оболочка могла пригодиться для сбора дождевой воды. Ниночкин "НЗ" мы съели в один присест.

Чрезвычайно предупредительный, скромный Леша Дунц уже работал в партиях раньше и успел "прославиться". Начальство относилось к нему с большой осторожностью. В одном из районов года три назад настойчиво искали медь. Все геологические предпосылки указывали на крупные залежи. Леша сильно переживал за геологов, которые никак не могли наткнуться на месторождение. И вдруг в шлихах обнаружилась даже не руда, а чистая, высшей пробы медь! Прилетел в отряд встревоженный начальник партии, за ним – главный геолог экспедиции. Они вызвали начальника соседней партии. Словом, всполошилось все начальство. И вдруг Гамалея, один из начальников, рассмотрел в шлихе нечто поразительно знакомое. "Да ведь это опилки медной проволоки!" – вскричал он. Оказалось, что Леша задумал подшутить над геологами, наделал опилок и всыпал в шлихи...

Поблагодарив ребят за угощение, мы расстались. Ниночка с Лешей пошли своей дорогой, мы – своей. То расстояние, что вертолет покрыл минут за пятнадцать, мы преодолели за день, взяв с плотиков у коренных пород и у бортиков берега несколько шлихов. Новый лагерь нашли уже в темноте, увидев на деревьях сполохи костра. Коля варил любимую манку

на молоке, Лида сортировала образцы.

МЕДВЕДИ

Как всегда, на новом месте спалось плохо. Мы слышали то дробный перестук оленьих копыт, то тяжелую поступь медведей. Несколько раз выскакивали из палатки, рассекали фонариком темноту, но зверей не видели, хотя следы, явно свежие, все теснее и теснее окружали наш лагерь.

Ночные страхи так потрясли Колю Дементьева, что утром он начал опоясывать бечевой всю стоянку. Для грома он прикреплял к ней пустые консервные банки и крышки от кастрюль. Он полагал, что медведь в потемках споткнется о веревку, железо зазвенит, и можно будет встретить хищника во всеоружии. Боря долго наблюдал за его действиями, потом с самым серьезным видом посоветовал вырыть на тропе яму.

- Это зачем? - насторожился Коля.

- Ловушка. Медведь свалится - нам мясо, тебе шкура...

Коля почесал затылок:

- Я ж не экскаватор. Если бы вместе...

Но ни у кого из нас желания рыть яму не было. В этот день мы должны были спуститься по Кекре до основного лагеря и прошлиховать всю долину. Лида с Колей оставались, чтобы разведать один из отрогов Джугджура.

По дороге мы видели, как густо и упрямо шла по перекатам и камням горбуша на нерест. Впереди двигались самки, их прикрывали самцы с большими горбами. Поодаль держалась хищница-мальма в надежде полакомиться икрой. Обессиленные, уже умирающие горбыли отважно бросались на мальму, спасая будущее потомство. В заводях сотнями стояли горбуши-трехлетки. Они ждали большой осенней воды, чтобы уйти в море, а потом вернуться сюда для продолжения своего сильно поредевшего рода.

Несколько раз мы натыкались на свежие медвежьи следы. Звери выходили к реке ловить рыбу.

Боря напрасно смеялся над опасениями Коли насчет этих хищников. Как оказалось, Лида в тот вечер нос к носу встретилась с медведем. Вышла она на косу осмотреть вертолетную площадку и в кустарнике столкнулась со здоровенным косматым хозяином. Она пустилась бежать, хотя отлично знала, что убегать от медведя нельзя ни в коем случае. Инстинкт заставляет зверя догонять убегающую жертву. Что медведь и сделал, к счастью не особенно расторопно. Несколько раз упав, разбив колено и бедро, Лида успела домчаться до палатки, где Коля мыл посуду. Увидев звериную морду, Коля заверещал так пронзительно, что медведь шархнулся в сторону, сорвал веревочное ограждение и, звеня пустыми консервными банками, понесся прочь. После этого Коля долго не мог успокоиться. Когда рубил дрова, то разбил по обыкновению нос, заклеил его пластырем и ходил бледный и злой.

А вообще, как любой дикий зверь, медведь старается уйти от человека. Однажды, увидев нас, он в какие-то доли секунды проскочил через непролазный кедровник и огромными прыжками взлетел на гору. Мы воочию убедились, что вовсе не увалень этот косолапый мишка и не так уж добродушен, как в сказках. Это сильный, ловкий, грациозный зверь. Бурошерстный, с сединой, весом не меньше двух центнеров, он мчался через кусты и валежины без треска и грохота, едва касаясь лапами земли.

Был случай, когда прямо в лагерь к нам пожаловала медведица с двумя медвежатами. Она неторопливо двигалась по косе, выворачивала камни, искала муравьев и улиток. Малыши толкались около нее. Накануне метрах в пятидесяти от лагеря мы разбили палатку для бани и теперь сушили выстиранное белье и вкладыши к спальникам. Медведица, более слабая зрением, чем нюхом, остановилась и стала приглядываться к

колышущимся на ветру простыням. Нас она видеть и почуять не могла – мы находились с подветренной стороны. Двигая черной точкой носа, медведица пыталась уловить чужой запах. Потоптавшись в нерешительности, она благоразумно повернула назад. Медвежата отстали. Мать, сердито рявкнув, дала шлепка старшему. Тот, косолапо загребая гальку, побежал за ней. Следом засеменил другой. Через минуту семейство скрылось за поворотом...

Надо ли говорить, что "медвежья" тема постоянно присутствовала в наших разговорах. Особенно усердствовал Боря Доля. Как человек искушенный, тертый, поработавший в экспедициях на Колыме, в Саянах, на севере Сибири и здесь, в Хабаровском крае, он видел медведей в разных переделках. Случалось, стрелял в них, иной раз обходил, не надеясь на свою двадцатикалиберную двустолку.

Но если говорить серьезно, медведей мы опасались. И неспроста. Бывали случаи, когда звери нападали на человека: либо когда не было путей отступления, либо когда они были голодны или страдали от болей.

В прошлом году Боря Тараскин с товарищем шел вдоль телефонной линии. Как на грех, они не взяли с собой собаки. У зарослей орешника на них выскочил медведь, израненный в драке во время весенних свадеб. Зверь мучился от боли и горел желанием мстить. Возможно, в людях он увидел своих обидчиков. Позднее Тараскин удивлялся, как это он успел перезарядить ружье, сунув в ствол патрон с пулей, и выстрелить медведю прямо в сердце, когда тот уже заносил над ним лапу...

В голодные годы, когда в тайге случается неурожай ягод, орехов, шишек и других кормов, звери становятся опасными хищниками, выходят из лесов, нападают на скот и на собак, пожирают своих соплеменников. Звери в поисках пищи скапливаются на восточных склонах Сихотэ-Алиня и на побережье Японского и Охотского морей. Они встречаются в совершенно не свойственных им угодьях, заходят в поселки, проникают на скотные дворы, разрушают пасеки и таежные избышки, нападают на людей.

Охотники сражались с шатунами, но не всегда эти сражения оканчивались победой человека. Один зверь пытался напасть на охотника, но был ранен. Раненый хищник по обыкновению бросился на стрелка и поднял его. Каким-то чудом охотник добрался до оброненного в схватке ружья. Медведь был убит. Но и охотник после этого больше месяца пролежал в больнице. Другой шатун долго подстерегал охотника, словно догадываясь о неминуемом возмездии. Лишь выпавший снег и хорошие собаки помогли разгадать намерения зверя и убить его. Хищник был настолько худ, что пришлось взять только шкуру.

Часто мы вспоминали трагедию с бурильщиком нефтеразведки Мухаревым, о которой рассказывали местные жители. Мухарев с напарником пошел поохотиться на рябчиков. Собак у них не было. Мухарев ушел вперед. Напарник отстал. Вскоре он услышал сдавленный крик и рев медведя. У него была лишь малокалиберная винтовка, он побоялся броситься на выручку и побежал в поселок.

Медведь затаился в глухом пихтаче, но, испугавшись собак, стал убегать, причем так резво, что выстрелить по нему не удалось. В пихтаче охотники нашли тело бурильщика. Определили, что зверь напал сзади, вырвав лапой полчерепа. Винтовка Мухарева от сильного удара воткнулась в землю стволом до приклада.

Решили устроить засаду. Несколько дней ждали зверя. Тот ходил невдалеке, но приближаться не решался.

Зверь-убийца еще долго обитал в окрестностях. Его видели летчики и рабочие геологической разведки, пытались стрелять, но безуспешно. Позднее, хорошо вооружившись, бригада добровольцев выследила медведя. Собаки бросились к густому дереву, за которым просматривалось что-то черное. Как только охотники выскочили на поляну, навстречу поднялся медведь. Один охотник успел выстрелить и ранил медведя. Собаки осадили рассвирепевшего зверя. В конце концов охотники добились его. Медведь оказался матерым, но очень истощенным от голода...

В журнальных завалах экспедиции мы откопали сборник "Вопросы географии Дальнего Востока". Там была напечатана статья С. П. Кучеренко под названием "Бурый медведь Приамурья как хищник". Автор писал, что бурый медведь Приамурья отличается от своих европейских

сородичей повышенной злобностью и смелостью. Агрессивность с его стороны по отношению к человеку – явление далеко не редкое. Однажды медведь напал на людей даже в черте Комсомольска-на-Амуре.

"Вопрос об агрессивности медведя в сибирской тайге по-прежнему остается серьезным, – сообщал и журнал "Охота и охотничье хозяйство". – Вместе с тем здесь уместно сказать, что при любой, даже самой острой его постановке нельзя забывать, что медведь – весьма ценный зверь в охотничьем хозяйстве..."

И далее: "Каждый охотник должен знать, что нельзя палить по медведю из ненадежного ружья, ненадежным патроном и тем более с расстояния, не позволяющего рассчитывать на верный выстрел. Не менее важно, чтобы решивший стрелять по медведю всегда помнил о том, что медведь – не плюшевый увалень из детских сказок, а зверь с очень быстрой реакцией на опасность и что поэтому при встрече с ним нужна особая осторожность и благоразумная сдержанность. Такая сдержанность, совместно с мероприятиями по регулированию численности медведей при одновременно умелой борьбе с хищниками-шатунами, позволит избежать трагических случаев гибели людей от медведей и, с другой стороны, на долгие годы убережет ценного зверя от беспощадного и бесцельного уничтожения".

Там же отмечалось, что медведи, как правило, нападают сзади. Мы усвоили это. Тот, кто замыкал в маршруте шествие, все время оглядывался.

В последний раз мы встретились с медведем уже в сумерки на завершающей стоянке. Все ушли на другие бочки, а мы возвращались к себе после трехдневного отсутствия.

Уже на подходе к лагерю Боря Доля обнаружил медвежьи следы. По ним мы поняли, что медведь был уже дважды. Позавчера он бродил довольно далеко. Вчера же добрался до самой бровки ручья, где были разбиты палатки и на кухне под брезентом стояли ящики с тушенкой, крупой, стуженным молоком. Ясно: медведь в первый день осмотрел все дальние подходы, во второй – приблизился вплотную, перебрался через ручей и топтался на песке, где мы обычно очищали от копоти котлы и кастрюли. С пятнадцати шагов он, разумеется, учуял съестное, которое мы поленились забросить на лабаз, установил, что людей в лагере нет. Что-то помешало ему преодолеть эти пятнадцать шагов и совершить грабеж. Возможно, врожденная осторожность.

И вот, когда у него созрело решение войти в лагерь, вернулись мы. Еще не успели разжечь костер, а только переодевались, разминали натруженные ноги. Я случайно бросил взгляд на косу и почувствовал, как у меня зашевелились волосы. Медведь! Зверь шел спокойно и целеустремленно, как к себе домой. Боря от растерянности начал судорожно искать очки, которые у него торчали из нагрудного кармана. А медведь был уже в нескольких шагах. Даже не пригнувшись к запахам, он прошумел, по ручью, положил лапы на бровку берега, тяжело, даже крикнув, поднялся... Боря бросился за ружьем в палатку. Трехлетний, не обремененный опытом пестун мог сделать что угодно, даже не от злости, а скорее из простого любопытства. Так вот, медведь поднялся на задние лапы и тут, видно, учуял нас. И остоленел. Во всей его фигуре отразились недоумение, растерянность, обида, сожаление, досада – все то, что испытывает человек, который твердо задумал что-то сделать, но ему вдруг помешали. Минута ушла у медведя на размышление: что делать? Его широколобая, озадаченная морда с короткими черными ушами уже сидела у меня на мушке. Сомневаясь и колеблясь, медведь обдумывал ситуацию. Боря неосторожно двинул ружьем. Зверь отскочил как ужаленный, остановился, вглядываясь в темноту, даже, показалось, обиженно погрозил лапой и рысцой стал удаляться. Добежав до лесочка, он остановился еще раз, оглянулся, рывкнул с досады. Тут я выстрелил вверх. Медведь исчез, будто испарился.

Начальство по рации постоянно напоминало нам о том, чтобы никто не ходил в маршрут без оружия. У нас были карабины, наганы, ружья и патроны, заряженные пулями. Но никто за все лето и осень не воспользовался этим арсеналом для убийства зверей. Наверное, каждый хотел, чтобы этот нетронутый медвежий угол остался таким же

нетронутым...

ХОЛОДНЫЕ ЗАКАТЫ

Нам оставалось выполнить последние маршруты. Но тут зарядили дожди. Мы чистили котелки и кастрюли, пекли в "чуде" хлеб, ловили рыбу, потихоньку собирали экспедиционное имущество, лениво переругивались, потому что все уже опостылело. А дожди не прекращались.

Однажды услышали, как где-то за ближним хребтом опустился вертолет. По рации Лида сказала об этом Шлоссбергу. Тот спросил: "Как питаетесь?" "Что за вопрос!" – опешила Лида. "От голода и безделья могут быть галлюцинации". Но, как выяснилось позже, вертолет и вправду прилетал, только садился не у наших, а у геологов-хабаровчан, которые работали по соседству.

Закончив дела на своей территории, к нам перебрался отряд Бэллы Ухиной. Поставили для него еще две палатки. Энергичная, деятельная Бэлла тут же предложила пройти по речке Солоне, хотя раньше мы ее обследовали. Лида, утомившаяся от вынужденного безделья, согласилась. Мы же, работяги, так извертели на камнях ноги и настолько потеряли всякий интерес к окружающему, что уже не роптали.

И высокогорное, таинственное озеро, к которому мы шли когда-то и не дошли, еще оставалось неисследованным. Неужели мы так и не увидим его?..

Посветлела тайга. Оголились горы. Все больше стало рыжих, красных и бурых пятен – это отцветали леса, рядились в яркие платья, справляя свой последний и печальный праздник перед приходом лютой ветреной зимы. Перекрасилась рябина, сбросила хвою лиственница, пожелтели березы. На болотах поспела крупная оранжевая морошка. Зверье – медведи, кабаны, белки, бурундуки – наедалось орехов, заготавливало корма впрок.

Иные медведи на правах сильного шли на явный разбой. Поскольку собирать плоды было делом долгим и хлопотным, они предпочитали искать наполненные запасами бурундучьи норы. Перегрызали и разрывали корни, выворачивали многопудовые камни и добирались до складов. Потрясенные грабежом бурундуки горестно причитали над разоренным жилищем, но потом утихали, делали новую нору и снова начинали заготовку. Они не приходили в отчаяние перед угрозой голодной зимы, беда не ломала их. Зверьки как бы убеждали себя, что должны жить и выстоять, несмотря ни на что.

Суетились и цокали белки, трескали кедровки и сойки, мельтешили под ногами полевки, кричали горные козлы. Где-то далеко-далеко ревели изюбры, звали подруг. Их сильные, страстные голоса пронизывали предутреннюю тишину.

Все живое переживало страдную пору, торопилось поскорее завершить летние дела, чтобы спокойно встретить холода.

По ночам опускались холодные туманы. Иней еще сильнее выбелял леса и горы, освещенные зыбким светом луны. Ветер не шумел, а накатывался могучим вздохом и уходил, не успев потревожить ни ветвей, ни трав, ни реки. По ночам и река замолкала, поскольку не таяли снежники. Лишь одна засохшая ольха недалеко от палаток по временам коротко вскрикивала и смолкала до следующего вздоха.

Оттого, что мы находились далеко от селений и кругом все было дикое, необжитое, неизмеренное, лунный свет отбирал у земли черты реальности. Так было и на Саянах, и в Арктике, и на Тянь-Шане, где я когда-то бывал. Та же прозрачная, голубая луна поднималась над вершинами. Чудилось, что из всех людей Земли мы к ней ближе всех. Луна виделась четко, крупно. Просматривались лиловые пятна материков, застывшие моря, горы. Горы походили на Гималаи и Тянь-Шань, материк с большим человеческое сердце – на Африку, пустота у самого края диска

напоминала Индийский и Атлантический океаны... И представлялось, что мы на Луне, а Земля – в небе, полном горячих звезд. И наши белые вершины походили на кратеры Селены.

Луна перемещалась в небе, тихо катилась по зубцам хребтов. Передвигались и тени от скал, зеленовато-голубым фосфорным огнем вспыхивал иней...

Поскольку в одном лагере теперь стояли два отряда, у каждого из нас объявилось и по две начальницы: Лида Павлова и Бэлла Ухина. Жизнь сразу "забила ключом". Женщины метались по палаткам, что-то обсуждали, выдвигали планы, раздавали указания. Если кто-то из нас пытался улизнуть от одной начальницы, приказавшей, скажем, пилить дрова, то попадал на глаза другой, требовавшей упаковывать образцы и заколачивать ящики. Женский метод деятельности вывел из равновесия сначала Колю Дементьева. Будучи дежурным по кухне, он сжег кашу и так кувыркнулся с камня, что не мог встать и отлеживался в палатке, тихий и жалкий. Но главный недостаток женского руководства, по нашему мнению, крылся в другом: у них все шло не от трезвой оценки обстановки, а от чувств, сиюминутного настроения. Поэтому всегда надо было быть готовым к самым неожиданным распоряжениям.

Бэлла все же погнала нас на Солону. Костяшки ног в резиновых сапогах были так избиты о камни, что болели при малейшем прикосновении. Несмотря на толстые войлочные стельки, каждый шаг причинял страдание.

Солона высохла. На камнях остались мутноватые белесые корочки водорослей. На солнце пленка коробилась и потрескивала, и издали казалось, что это журчит вода. Промывать породу было нечем. Надо было просто вернуться, однако Бэлла потянула нас на один из притоков, где виднелся снежник. Мы продрались через кедровник и заросли тальника, вышли на валуны, стлаженные паводками и покрытые зеленым влажным мхом. Поднимаясь выше по бывшему ручью, натолкнулись на лужицу. Ее оберегали вросшие в землю камни. Лоток в лужицу не входил. Пришлось идти дальше, но и там воды не было.

– Я же говорила, всегда надо брать кастрюлю, – рассердилась Бэлла.

Обычно спокойный, флегматичный Боря расвирипел:

– А заодно и котел с кашей!

Чем меньше дней оставалось до конца работы, тем больше раздражались мы по пустякам, досадовали друг на друга, большее воспринимали замечания. Нехитрые шутки казались обидными и злыми. Сдерживаться становилось все труднее. Сказывалась общая усталость.

Мы вернулись к луже, стали руками и лопатой выковыривать камни, чтобы втиснуть лоток. Набрали с террасы земли, промыли кое-как. Конечно же, ничего интересного не попало. Самые лучшие шлихи получались не в истоках, а в устье, где были могучие выносы.

Бэлла решила отправить нас дальше по реке, а сама захотела пройти по правому берегу по горам. Ходить одному в горах категорически запрещалось, мы зароптали, но Бэлла лишь усмехнулась. Вообще-то она давно уже работала геологом, муж тоже командовал партией, восемнадцатилетняя дочь готовилась к поступлению в Геологоразведочный институт, морального права настаивать на своем мы не имели.

Бэлла проверила в пистолете патроны, поправила полевую сумку и пошла.

Мы вернулись вечером, из расщелины стал выползать туман, а Бэллы не было. Мы забеспокоились. Боря чувствовал за собой вину и выразительно посматривал на меня, соображая, не пойти ли на поиски. Но пока он соображал, пришла Бэлла.

– Вы не могли прийти позже? – язвительно заметила Лида.

– Так в прошлом году мы вообще возвращались за полночь, – беспечно ответила Бэлла.

– Это же было в прошлом... – Лиде казалось, что в прошлом году и горы были положе, и речки спокойнее, и люди покладистее. Но уверен, в будущем она так же станет вспоминать нас и ставить в пример другим...

ПОСЛЕДНИЙ МАРШРУТ

И все же настало утро, когда мы вышли в последний маршрут. Тридцатый. Если ежедневно мы проходили около двадцати километров, то за сезон одолели почти шестьсот – и каких! – километров.

Днем раньше к бочке, сброшенной на вынос безымянной речки, которую мы называли Озерной, ушли Лида Павлова, Коля Дементьев и Ниночка Кореннова с Сергеем Нестеровым из отряда Бэллы. Они вели разведку на хребтах, а мы должны были прошлиховать русло. Мы хотели застать ребят в лагере, который они разбили где-то на полдороге, поэтому отправились до рассвета.

Было зябко. Сырой туман лежал на осклизлых камнях. Боря шагал впереди "по водам, аки по суху". Он как бы парил над этим туманом – нескладный, длиннорукий, с побелевшим от старости рюкзаком, двустволкой двадцатого калибра, в зеленой шляпе, какие носят солдаты в Средней Азии. По сапогам упруго била горбуша. На берегу валялись выброшенные рекой отнерестовавшие рыбы, иссеченные на камнях и перепадах.

Потом начало светать. Солнце еще не поднялось, лучи прорывались откуда-то из глубины гор, окрашивая снежники на вершинах в бледно-розовый свет. Сразу зачирикали, засвистели, защебетали в кустах птицы, словно ждали этого мгновения. Одна сорока, издав далеко заметившая нас, подняла переполох, облетая широкими кругами кедровники, где, возможно, паслись медведи. Кстати, звери всегда прислушиваются к пернатым и при тревоге заранее уходят от опасности.

Наконец вдаль мы заметили дымок. Пospели к завтраку. Над костром звенел крышкой кипевший чайник. Лида набрала голубики к чаю.

Поев, мы заторопились. Путь предстоял неблизкий. Озерная вела к озеру, тому таинственному озеру, к которому мы безуспешно пытались пройти с другой стороны. Боря хотел дойти до истока налегке и брать шлихи на обратной дороге.

Озерная была загромождена большими камнями и петляла так, что лишь к полудню добрались мы до цирка, от которого намеревались делать отсчеты шлихам. Однако Боря усомнился, что это тот самый цирк, который явственно виден был на аэрофотоснимке и обозначался на карте. Больно уж много времени мы потратили на дорогу к нему. По обыкновению, Боря затоптался на месте, то вынимая снимок и карту, то засовывая их в сумку.

– Слушай, старина, – я сел на камень, ослабив лямки рюкзака, – давай все же пройдем до озера...

– Бог с ним, с озером. Далеко, – возразил Боря, опускаясь рядом.

– Но ведь мы идем в последний раз, в последний...

– Ну и что?

– Как что? Мы уже никогда, слышишь, никогда в жизни не попадем сюда!

Боря опять вытащил карту, принялся считать километры. Ему, как и мне, хотелось увидеть то озеро на водоразделе, но он сомневался, что мы успеем засветло закончить работу.

– Там густой кедровник, – слабо сопротивлялся Боря.

– Черт с ним! Не привыкать.

– Эх, была не была!

Лес и кустарник густо росли в долине, горы же были голы, как череп. Мы побежали по самой кромке, где кончался лес и начинались камни, скатившиеся сверху. Откуда и взялись силы? Мы не чувствовали ни усталости, ни голода. Знали: на этом конец.

Но солнце уже клонилось к закату, а озеро все не показывалось. Тогда мы поднялись по камням выше и вдруг увидели его. Густо-синее, почти черное, оно лежало в огромной чаше в изумрудном окружении кустарника, тополей и ольхи. Со всех сторон вставали хребты. На дальней горе мы рассмотрели коричневые зубцы, похожие на готические башни. Они-то и преградили когда-то нам путь. Чтобы не заплутаться в

лесу, мы прошли по горам и спустились к озеру там, где древесной растительности не было.

Оглаженными коричневыми камнями были устланы берега. Темная, болотная вода стояла неподвижно, тяжело, как ртуть. Хотя озеро было мелкое и теплое и вокруг расстилалась луговина с разными цветами, веяло от него смертью. Здесь не водилась рыба, не поднимались водоросли, не было даже рачков и разных плавающих насекомых, кишаших обычно в других водоемах. Вода растаявших снежников питала озеро. Но в ней, в этой воде, недоставало многих химических элементов, поэтому, наверное, не развелось в озере ничего живого.

Дурная слава ходила об озеро. Эвенки слагали о нем страшные легенды. Их тропы отворачивали в сторону от озера, словно от него исходило что-то грозное, зловещее, роковое.

Мы обошли озеро кругом. Не было желания ни искупаться, хотя еще пекло, ни долго задерживаться. Боря искал ручеек, который бы вытекал отсюда, но не нашел. Река, которую мы опрометчиво называли Озерной, по-видимому, рождалась в другом месте. Она смыкалась с озером лишь в весеннее половодье, но к лету убегала, как бы стыдясь своего родства.

На обратном пути мы убедились, что в горячке и спешке проскочили первый цирк, от которого хотели брать шлихи, а вышли на другой, удивительно похожий. Пришлось возвращаться и начинать работу с истока.

И вот, когда осталось взять последний шлих, судьба лишила нас лотка. Я набрал полный лоток земли, но у ручья поскользнулся и хряснулся вместе с ним о камни. Осиновый лоток, до белизны отмытый ледяной водой, отшлифованный песком, галькой и камешками, верой и правдой служивший нам весь сезон, с треском и стоном раскололся надвое!

Я с трудом поднялся из воды, потирая колено и спину.

- Бог есть, - глубокомысленно подытожил Боря...

Вот и все. Мы пришли в лагерь и вытянули ноги с чувством хлебобобов, убравших последнее поле. Потом сообразили баню. Мылись уже при свечах. Лида, Бэлла и Ниночка испекли великолепный торт из остатков сливочного масла, сгущенки, орехов и варенья. Из свежей мальмы приготовили салат, замариновали в томате горбушу, сварили уху, напекли лепешек. Лида достала пакетики с НЗ (витаминизированные карамельки и галеты) и бутылку переболтанного, замороженного вермута, которую берегла с начала сезона. Выпили за тех, кого не было с нами, выпили за любимых, выпили за то, что неплохо закончили работу и обошлись без потерь и увечий.

Через несколько дней обещали вертолет. Мы упаковали в ящики образцы, отчистили от копоти котлы и ведра, собрали имущество. Как при переезде на новую квартиру, обнаружились масса хлама, с которым было жаль расставаться. В личных вещах оказались, к примеру, старые накомарники, самодельные ножички, разные безделушки, сделанные в ненастье из замысловатых корней, ремешки из казенной брезентовой тесьмы, кварцевые кристаллики для сувениров. Тяжело нести, а бросить жалко.

Вертолет, разумеется, вовремя не пришел. В тот день связь со Шлоссбергом, знавшим обстановку, держали сначала в семь утра, потом - в десять, четырнадцать, шестнадцать... А на завтра разыгралось осеннее ненастье: сеет, веет, крутит, мутит, сверху льет, снизу метет. Когда показалось солнышко, что-то у вертолета сломалось. Ждали запчасти из Владивостока.

И когда мы уже отчаялись дождаться и стали понемногу распаковывать вещи, прибыл вертолет...

Мы летели над восточными отрогами Джугджура и знали, что уже никогда не увидим ни этих печальных гор, ни рек с кипящей в проранах и трубах водой, ни лесов, где от аромата трав кружится голова и темными ночами светятся умершие деревья, ни свирепых и цепких капканов кедровника, который стреноживал нас, когда шли, и жарко горел в костре, согревая в холодные ночи. Сверху горы были как бы сдвинуты, приближены друг к другу, но мы-то по ним ходили и знали, как мучительно далеко стоит одна вершина от другой.

Хребты вдруг оборвались, и показалось море. И близко и подальше

от него мы разбивали свои лагеря. Иногда видели его лишь полоской на горизонте, когда поднимались на вершины. Далеко в море вдавался мыс Энкэн. Около него ютился в распадке крошечный поселок Кекра, где жили Боря Тараскин с женой и сыном, линейщики, монтеры, работники метеостанции, почты и сельсовета.

И какая-то необъяснимая печаль навалилась на нас. На галечном берегу, длинном и пустынном, кричали чайки. То там, то здесь всплывали любопытные нерпы, а мористее выплескивались и с шумом опускались, распластав серповидные поплавки, касатки. Глубоко и шумно дышало море, накатывая высокие белые волны...

У каждого, говорят, есть свой лес. У каждого есть свои горы, свои поля и степи. Так есть и свой берег. Этот мрачный охотский берег теперь был нашим. Признаки осеннего запустения еще больше подчеркивали тоску расставания. Да, на этом участке мы закончили разведку для геологической карты, и, кажется, нет причин возвращаться сюда. Но вдруг когда-нибудь понадобится более подробная карта? Или какой-нибудь шлик, затерявшийся в сотнях других, укажет на богатое месторождение? Тогда мы вернемся. Конечно же, вернемся, если снова позовет этот наш берег.

Наш трудный берег...